

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

на правах рукописи

АНТОНОВ Алексей Васильевич

**ЭССЕНЦИАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.7.7 - социальная и политическая философия

диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
профессор А. М. Орехов

Москва — 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	21
1. 1. Проблема соотношения социального и экономического в системе социального знания	21
1. 2. Отрицательные определения социальной онтологии и экономической онтологии	35
1. 3. Положительные определения социальной онтологии и экономической онтологии	43
1. 4. Анализ дискуссии о научном статусе социальной онтологии и экономической онтологии	67
1. 5. Философские интерпретации социальной онтологии и экономической онтологии	82
ГЛАВА 2. ЭССЕНЦИАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ	93
2. 1. Эссенциализм, его апология и критика в истории философии и экономической	

теории	93
2. 2. Ойкономика и хрематистика в античной экономической теории	126
2. 3. Дискуссия о природе стоимости между классической политэкономией и маржинализмом как пример противостояния эссенциалистской и феноменологической методологий в экономической теории	139
2. 4. Субстантивизм и формализм как формы проявления эссенциализма и феноменологии в экономической антропологии	153
ГЛАВА 3. ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭССЕНЦИАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	
3. 1. Эссенциализм в философии и науке: от Нового времени до современности	175
3. 2. Эссенциализм в неомарксистской экономической теории	196
3. 3. Экономический субстантивизм как форма экономического эссенциализма	216
3. 4. Моральная экономика как форма экономического эссенциализма	252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	273
СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	276

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Эссенциализм — это методологическая программа исследований, важнейшей чертой которой является *объяснение рассматриваемых явлений путем их сведения к единой основе или сущности (essentia)*¹. Противоположным эссенциализму подходом является «феноменология» (от др.-греческого *phaenomenon* — явление)². Феноменология, в отличие от эссенциализма, рассматривает явления как самодостаточные, и полагает, что попытки найти за явлениями некие «сущности» в большинстве случаев лишены исследовательской перспективы.

Будучи методологическими конкурентами, эссенциализм и феноменология, тем не менее, в исторической ретроспективе дополняли и углубляли друг друга. К примеру, Ксенофонт в своей книге «Ойкономика», давшей название науке о хозяйстве, фокусируется в основном на экономических «феноменах», тогда как, скажем, Платон в «Государстве» и Аристотель в «Политике» стараются выявить их общие эссенциальные формы.

Долгое время в истории экономических учений эссенциалистская и феноменологическая методологии противостояли друг другу с переменным успехом. Однако в конце XIX века в итоге позитивистско-маржиналистской «революции»

---

¹ Автор работы признает возможность других подходов к определению эссенциализма. Например, в рамках неопозитивистско-аналитической традиции эссенциализм определяется следующим образом: «Эссенциализм – это точка зрения, согласно которой отдельные объекты обладают определенными свойствами *существенно*, в том смысле, что если бы им не хватало таких свойств, они не были бы теми объектами, которыми они являются» (Теннант Н. Философия: Введение в аналитическую традицию. Бог, ум, мир, логика. М.: Канон+. 2023. С.117). При таком подходе противоположным для эссенциализма учением является «акциденциализм». Акциденциализм полагает, что для определения идентичности всякой вещи нет никаких оснований считать какое-либо ее свойство существенным.

² Концепт «феноменология» может иметь и другие значения: к примеру, так обозначают философское учение, основанное Э. Гуссерлем.

методология эссенциализма оказалась отодвинута на второй план. Господствующим направлением стал эмпиризм, с его опорой на одни факты, а рассуждения о скрытых причинах, формах, сущностях и т.п. были объявлены познавательно пустыми, и, фактически, разновидностью псевдопроблем, как и вся предшествующая метафизика.

Однако, в первой трети XXI века «экономикс» как математизированная версия современной экономической науки столкнулся с серьезным теоретическим кризисом методологического характера, затронувшим самые глубинные основы экономического знания. Многие экономисты задались вопросом: почему экономическая наука не смогла предсказать мировой финансовый кризис 2008 года? Или: почему глобалистская модель экономического мышления оказалась неспособна ответить на локальные (глокалистские) вызовы? Эти и подобные им нерешенные вопросы экономической теории заставили современных экономистов перефокусировать свое внимание на проблематику «экономической онтологии» как философской основы экономической теории.

С экономической онтологией тесно связана так называемая «социальная онтология», которая в данный момент включает в себя уже несколько сложившихся научных школ: программу «критического реализма» Р. Бхаскара и М. Арчер, программу «коллективной интенциональности» Дж. Сёрля, Кембриджскую группу Т. Лоусона, «Тафтскую программу» Б. Эпштейна и программу «другого институционализма» Ф. Гуалы и А. Грейфа. При этом самый большой интерес к экономической онтологии из них проявила основанная английским экономистом Т. Лоусоном «Кембриджская группа социальной онтологии», включающая в себя таких социальных философов и экономистов как сам Т. Лоусон, К. Лоусон, П. Льюис, С. Праттен и Д. Эльдер-Васс. Эта группа критиковала тотальное применение математических моделей и доминирование феноменологической методологии в

неоклассической экономической теории. Она отказывалась рассматривать экономику как закрытую и предсказуемую систему, требуя ее анализа как «открытой и турбулентной» сферы общества. Но поколебать господствующее положение неоклассического мейнстрима с его феноменологической методологией в экономической теории Т. Лоусон и его сторонники так и не смогли.

Критический обзор современного состояния экономической науки и экономической теории, осуществленный в диссертации, показывает, что в наши дни ее онтологические основы требуют серьезного критического обсуждения. И в связи с этим, вновь актуальным становится вопрос о познавательном потенциале эссенциалистской методологии, которая уже с конца XIX века перестала быть востребована в экономической теории. По мнению автора работы, использование эссенциалистской методологии во многом будет способствовать прогрессу в развитии не только экономического, но и в целом социального знания, а также должно привести к фундированному обсуждению, по меньшей мере, некоторых насущных проблем современной экономической науки (о взаимоотношении цены и стоимости, пределах математизации экономического знания, соотношении позитивной и нормативной экономической науки и т. п.).

Степень разработанности темы.

Первый пласт рассмотренных в диссертации текстов представлен трудами классиков философии, обращавшихся к анализу экономической науки. Среди них, прежде всего, привлечены работы Аристотеля, Ж. Бодрийяра, Г.В.Ф. Гегеля, Д. Локка, К. Маркса, Фомы Аквинского и, в ряде случаев, других известных мыслителей.

Второй пласт анализируемой в диссертации литературы составили труды классиков экономической и социальной науки. Автором критически разбираются

работы Ф. Броделя, П. Бурдьё, Л. Вальраса, Ксенофонта, К. Менгера, У. Петти, К. Поланьи, Л. Роббинса, А. Смита, И. Шумпетера.

Кроме того, в диссертации анализируются работы таких признанных в области социальной философии и экономической науки специалистов как О.И. Ананьин, М. Блауг, И.А. Болдырев, Р. Бхаскар, Ф. Гуала, Т. Лоусон, Ф. Майровски, Д. Макклоски, У. Мяки, А.М. Орехов, Д. Сёрль, М. Феррарис, М. Фридмен, Д. Эльдер-Васс.

Также в работе использованы труды известных исследователей в области философии науки, таких как М. Вартофский, П. Дюгем, Р. Карнап, С. Крипке, У. Куайн, И. Лакатос, К. Поппер, Р. Рорти, А. Уайтхед.

Для обсуждения эвристических возможностей абдукции в экономической науке были привлечены труды известных специалистов по логической семантике и аргументации. Среди них — А. Арванитис, С. Гельман, Дж. Лоу, Х. Патнэм, Ч. Пирс, Д. Уолтон, Я. Хинтиikka.

В свою очередь, для анализа социально-экономических отношений первобытного общества были использованы работы таких экономических антропологов и этнографов, как В.Р. Кабо, К. Леви-Строс, Р. Ли, Б. Малиновский, М. Мосс, М. Салинз, Ю.И. Семенов, Р. Ферт. А для исследования проблем моральной экономики автор обратился к трудам таких авторитетов в этой области как С. Боулз, Ван Сяоси, П. Козловски, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 год А. Сен, Дж. Скотт, Р. Хант и А.В. Чаянов.

Наконец, в диссертации были рассмотрены материалы дискуссий о соотношении принципов методологического индивидуализма и холизма, «реализм против интерпретативизма»³, о «научной» и «философской» интерпретации

---

³ Интерпретативизм — концепция в социальной философии, в соответствии с которой социальные действия акторов рассматриваются не с точки зрения их внешнего явления, а с точки зрения интерпретации внутренних мотивов акторов.

онтологии и некоторых других обсуждений, прошедших на страницах журналов «Journal of Economic Methodology», «Journal of Social Ontology», «Philosophy of the Social Sciences» и «Economics & Philosophy».

И все же, несмотря на обилие литературы по экономической теории, лишь малое количество статей и книг посвящено непосредственно анализу в ней роли и места методологии эссенциализма. По этой причине проблемы, заявленные в данной диссертации, пока не получили должного освещения ни в зарубежной, ни в отечественной философии и экономической науке. К тому же во многих случаях имеющиеся публикации разбросаны по низкорейтинговым научным журналам и сборникам научных конференций. В связи с этим из 131 экземпляра книг и статей на иностранных языках, цитируемых в данной диссертации, около половины составили труды представителей философской и экономической мысли, которые никогда не переводились на русский язык, и никогда не использовались в дискуссиях отечественных специалистов по поводу философских проблем современной экономической науки. Фактически, они впервые вводятся в научный оборот в России.

Своей инновацией автор работы считает попытку использовать эссенциалистскую методологию как для исследования онтологических основ экономической теории, так и для расширения философского дискурса, предваряющего собой теоретический анализ некоторых насущных проблем современной экономической науки (о взаимоотношении цены и стоимости, пределах математизации экономического знания, соотношении позитивной и нормативной экономической науки и т. п.).

Объект исследования. Объектом исследования в диссертации являются философские проблемы экономической теории.

Предмет исследования. Предметом исследования в диссертации является методологическая функция эссенциализма в экономической теории.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является исследование возможности применения эссенциалистской методологии к решению философских проблем экономической теории.

Автор работы ставит перед собой следующие задачи:

1. Определить предметное поле экономической онтологии как философской предпосылки экономической теории в свете современных дискуссий о ее «научном статусе».

2. Исследовать роль и значение эссенциализма в истории экономической мысли, с учетом философских аспектов развития этой мысли.

3. Проанализировать субстантивизм и формализм как формы репрезентации эссенциализма (субстантивизм) и феноменологии (формализм) в экономической антропологии.

4. Выявить роль и значение абдукции в экономической теории в качестве эссенциалистской формы логического вывода.

5. Исследовать современный неомарксизм с точки зрения определения потенциала использования в нем эссенциалистской методологии.

6. Исследовать «моральную экономику» (С. Боулз, П. Козловски, А. Сен, Ван Сяоси) с точки зрения определения возможности применения в ней эссенциалистской методологии.

Методология работы. В соответствии с паспортом научной специальности 5.7.7 «Социальная и политическая философия» данная работа выполнена в рамках направления исследований «Проблема метода в социальной философии. Методологические функции социальной философии в системе современного

обществознания. «Кризис фрагментации» современного обществознания и пути его преодоления» (второй пункт этого паспорта).

Автор работы согласен с мнением А.М. Орехова, что в современной социальной философии господствуют три основных стиля научного исследования: неопозитивистско-аналитический, канто-гегелевско-марксистский и постмодернистский⁴. В соответствии с этой классификацией данная диссертация формально должна быть отнесена к канто-гегелевско-марксистскому стилю. Но, фактически, она выполнена в большей степени в традициях гегелевско-марксистской философии. Как следствие в ней последовательно проводятся принципы неразрывности диахронии и синхронии, отраженного и отражаемого, а также учета исторических изменений самого предмета анализа.

Методологическую основу диссертации также составили традиционные методы социальной философии, экономической науки, социологии и экономической антропологии.

Для решения поставленных в диссертации задач, помимо собственно философских, были использованы и общенаучные методы, в частности, такие как: сравнение и обобщение, систематизация и классификация, анализ и синтез, аналогия и метод отрицательных определений. Исследование форм дарообмена в ранней первобытной экономике потребовало также использования метода историко-логической реконструкции.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Обоснована принадлежность экономической онтологии к философскому, а не мета-теоретическому уровню познания.

---

⁴ Наиболее детально этот подход в социальной онтологии изложен А.М. Ореховым в монографии: Орехов А.М., Платонова С.И., Марача В.Г., Моисеев С.В., Шевченко О.К. Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации. - Королев: «Космос», 2024. - 260 с.

2. Раскрыта роль и значение эссенциализма в истории экономической мысли как инструмента самопознания экономической науки, благодаря непрекращающемуся, со времен античности и до наших дней, противоборству эссенциалистской и феноменологической методологий. А также указано на изъяны позитивистской критики эссенциализма на примере анализа методологических подходов К. Поппера, Р. Карнапа и Р. Рорти.

3. Выявлено, что субстантивизм (на примере К. Поланьи) и формализм (на примере Р. Ферта) представляют собой эссенциалистскую (субстантивизм) и феноменологическую (формализм) парадигмы в экономической антропологии. При этом субстантивистами было обнаружено, что рынок как форма обмена товарами не является универсальной мерой экономических отношений, соединяющих людей в обществе, так как и дарообменная, и перераспределительная экономики практиковали натуральный обмен продуктами. И, следуя эссенциалистской методологии, это дает возможность автору работы поставить вопрос об единстве сущностных основ дарообменной, а также перераспределительной и современной рыночной экономик.

4. Доказано, что абдукция, фактически, является формой эссенциалистского логического вывода. При этом абдукция как процесс догадки, порождающей новое знание, конструирует более эффективный вариант констелляции фактов, вызывая тем самым их новую эвристическую переинтерпретацию, которая, в конечном счете, выводит научное исследование на более высокий уровень логического обобщения.

5. Введен принцип «эссенцификации», распространяющий действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий на их диахроническую соподчиненность, и на основе анализа так называемых «превращенных форм» (М.К.

Мамардашвили, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов) выявлен потенциал методологии современного неомарксизма с точки зрения использования им идей эссенциализма.

6. Выявлен эвристический потенциал эссенциалистской методологии, позволяющей при анализе современной «моральной экономики» (С. Боулз, П. Козловски, А. Сен, Ван Сяоси) обнаружить, что, фактически, в экономике ценность присутствует не только как моральная оценка, но и как мера качества труда и его продуктов. По этой причине «мораль» в экономической науке должна основываться, в первую очередь, на требовании «справедливой» цены, которая бы учитывала все аспекты экономических отношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В позитивистско-аналитической философии науки и социальную онтологию, и экономическую онтологию принято рассматривать как относящиеся к мета-теоретическому уровню познания. Их когнитивная ценность определяется в зависимости от того, насколько удачно они выполняют роль инструмента оценки каких-либо конкретных исследовательских данных (как мы это видим, например, у Р. Лауэра). Однако и социальная онтология, и экономическая онтология принадлежат к философскому уровню познания, и выполняют роль философских предпосылок научного исследования, независимо от того, насколько успешным оно окажется.

2. Карл Поппер успешно применил методологическую оппозицию «эссенциализм-номинализм» к анализу истории философии. Однако не менее успешно она работает и при анализе истории экономической мысли. При этом анализ, проведенный автором работы, показывает, что многоаспектная критика эссенциализма, предпринятая К. Поппером и другими представителями позитивизма и аналитической философии (Р. Карнап, Р. Рорти) так и не нашла решающих аргументов против эссенциалистской методологии и не смогла продемонстрировать

ее бесплодность в социально-экономическом анализе. К тому же, как следует из текстов самого К. Поппера, будучи объективным исследователем, он, порой, был вынужден положительно оценивать заслуги эссенциализма в истории социальной и экономической мысли.

3. Дискуссия в экономической антропологии между школой субстантивистов (К. Поланьи, Дж. Далтон и М. Салинз) и школой формалистов (Р. Ферт, Д. Фостер и М. Херсковиц) о месте рынка в экономике, а самой экономики в обществе, фактически, была теоретическим спором эссенциалистской (субстантивизм) и феноменологической (формализм) методологий. При этом субстантивистами было обнаружено, что рынок как форма обмена товарами не является универсальной мерой экономических отношений, соединяющих людей в обществе, так как и дарообменная, и перераспределительная экономики практиковали натуральный обмен продуктами. И, следуя эссенциалистской методологии, это дает автору работы возможность поставить вопрос об единстве сущностных основ дарообменной, а также перераспределительной и современной рыночной экономик.

4. Эссенциализм до сих пор остается востребованным философским направлением, поскольку в теории познания он играет важную роль с помощью такой формы логического вывода как абдукция. При этом абдукция как процесс догадки, порождающей новое знание, по сути, конструирует более эффективный вариант констелляции фактов, вызывает их новую пере-интерпретацию, в конечном итоге, выводящую на более глубокий уровень логического обобщения. А поскольку в своих аргументах наука должна всецело оставаться в границах логики, постольку и точнее было бы именовать абдуктивную догадку не психологическим термином «интуиция», а «сменой обобщающей категории», нацеленной на поиск сущности.

5. В качестве примера эссенциалистского подхода неомарксистов к анализу социальной и экономической реальности автор работы рассмотрел попытку

«реактуализации» такого марксистского термина как «превращенная форма» (М.К. Мамардашвили, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов). Сам К. Маркс использовал термин «превращенная форма» для отражения исторической трансформации только экономических форм. Однако, по мнению автора работы, «превращенная форма» - это сохранение сущности какого-либо объекта или социального института независимо от всех исторических трансформаций. Недаром большинство исследователей — и сторонники марксизма, и его противники (например, К. Поппер) — считали, что «превращенность» является всецело эссенциалистским понятием. А так как превращенные формы сложны для анализа, то, чтобы сделать его проще, автор работы предложил ввести методологический «принцип эссенцификации», который бы распространял действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность. Суть «принципа эссенцификации» состоит в проверке каждой исследуемой социальной и экономической формы на возможность ее исторической превращенности. А для уже превращенных форм — это исследование всей логической цепочки их сущностной преемственности.

6. По мнению автора работы, специфика «моральной» экономики, фактически, объясняется тем, что ценность в экономике присутствует не только как моральная оценка, но и как мера качества труда и его продуктов. Вот почему с точки зрения эссенциалистской методологии, «мораль» в экономической науке должна основываться, в первую очередь, на требовании «справедливой» цены, которая бы учитывала все стороны экономических отношений.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что в диссертации были продемонстрированы эвристические возможности эссенциалистской методологии в экономической теории. В частности, с помощью

этой методологии удалось показать, что в истории экономических учений эссенциализм сыграл важную роль в процессе самопознания экономической науки. Эссенциалистская методология также легла в основу доказательства того, что экономическая онтология принадлежит к философскому, а не мета-теоретическому уровню познания. Наконец, в диссертации был введен методологический «принцип эссенцификации», который распространяет действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность.

Практическая значимость исследования состоит в том, что основные теоретические положения настоящей диссертации могут быть использованы при разработке курсов и подготовке к чтению лекций, в первую очередь, по философским проблемам экономической теории.

Степень достоверности результатов. Достоверность выводов, изложенных в диссертационном исследовании, обеспечена соблюдением требований философских и общенаучных методов, применяемых в данной работе, использованием широкого корпуса авторитетных научных текстов, опубликованных как в России, так и за рубежом, а также тем, что результаты исследований диссертанта, предварительно прошли публичную проверку при их публикации в соответствующем количестве статей в журналах ВАК, Web of Science и Scopus, одна из которых (Scopus) имеет маркировку - «1 квартиль».

Обсуждение и апробация работы. Основные научные результаты, достигнутые в диссертации, были изложены и одобрены на международных, республиканских и краевых научных конференциях. В том числе в последнее время: на III Международной научно-практической конференции «Образ инженера XXI века: вызовы технотронной цивилизации» (Пермь, декабрь 2018 года), II

Международной научной конференции «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, июнь 2019 года), I Международной научно-практической конференции «Робототехника, искусственный интеллект, общество: новые вызовы» (Пермь, октябрь 2019 года), X международной научно-практической конференции «Шумпетеровские чтения»-«Schumpeterian Readings» (SR – X) (Пермь, апрель 2021 года) и на VIII Российском философском конгрессе (Москва, май 2022 года) в рамках Симпозиума «Философия политической экономики».

Диссертация обсуждена на заседании кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН 21.06.2023 года и рекомендована к защите.

Кроме того, основные положения диссертации нашли отражение в следующих работах, опубликованных автором:

- в статьях автора, опубликованных в журналах из списка ВАК (18):

1. Антонов, А.В. Возможна ли информационная теория стоимости? / А.В. Антонов. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – №2 (31). - С. 218-221.

2. Антонов, А.В. «Экономика знаний»: метафора или реальность? / А.В. Антонов. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. - 2013. - Том 11, вып. 4. - С. 50–55.

3. Антонов, А.В. О потребительно-стоимостной парадигме общественного развития. / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №3. - С. 13-16.

4. Антонов, А.В. Все ли страны могут стать постиндустриальными? / А.В. Антонов. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – №1 (36). - С. 176-179.

5. Антонов, А.В. Товар и вещь. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. – №5. - С. 31-33.
6. Антонов, А.В. Мировая валюта как форма стоимости. / А.В. Антонов. // Научное мнение. – 2014. – №4. - С. 9-13.
7. Антонов, А.В. Пролетарий или наемный работник? / А.В. Антонов. // Вестник Бурятского государственного университета, вып. Философия. Социология. Политология. Культурология. – 2014. – №6 (2). - С. 35-40.
8. Антонов, А.В. Проблемы стоимости в теории постиндустриального общества. / А.В. Антонов. // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2014. – №2 (92). - С. 130-137.
9. Антонов, А.В. Сколько научных революций было в истории экономической мысли? / А.В. Антонов. // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – №5 (2). - С. 119-122.
10. Антонов, А.В. О перспективах замены труда творчеством в современной экономике. / А.В. Антонов. // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 32. Философия. Социология. Культурология. – 2014. – №11 (340). - С. 64-66.
11. Антонов, А.В. К вопросу о первичности общественной или личной собственности в первобытной экономике. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. – №11. - С. 12-14.
12. Антонов, А.В. Является ли собственность фикцией в современной экономике? / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №7. - С. 260-262.
13. Антонов, А.В. Могут ли машины производить стоимость? / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №8. - С. 269-271.

14. Антонов, А.В. Обоснование ограниченности «идейного» подхода к формированию стоимости товара. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. – №13. - С. 29-30.

15. Антонов, А.В. Сколько стоит талант? / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №12. - С. 16-18.

16. Антонов, А.В. О философии экономики в России (отклик на выход в свет книги А.М. Орехова «Философия экономики в России. Рождение традиции. М.: «ИНФРА-М». 2019. 154 с.). / А.В. Антонов. // Научное мнение. – 2019. – №4. - С. 115-118.

17. Antonov, A.V. Is Marxism a Historical Materialism? / A.V. Antonov. // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. - 2019. Том 23. - No 2. - С. 222-229.

18. Орехов, А.М., Антонов, А.В. О двух интерпретациях экономической онтологии в философии экономики. / А.М. Орехов, А.В. Антонов. // Научное мнение. - 2022. – № 4. - С. 11-17.

● в статьях автора, опубликованных в журналах из списка Scopus и Web of Science (5):

1. Antonov, A.V. What does Globalization lead to: Clash or Rapprochement of Civilizations? / A.V. Antonov. // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. SCTCMG 2018. - Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, 01-03 November 2018: [International Scientific Conference]. - London: Published by Future Academy. - 2018. - Volume LVIII. - P. 119-126 (Web of Science журнал).

2. Antonov, A.V. Was marginal scientific revolution unique in history of economic thought? / A.V. Antonov. // Revista Inclusiones. - 2020. - Vol. 7. Número Especial,

Octubre/Diciembre: Trabajo en Equipo Sin Fronteras. - P. 375-388 (Web of Science журнал).

3. Антонов, А.В. В.И. Ленин и эмпириокритики о материи. Окончена ли дискуссия? / А.В. Антонов. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. - 2021. - Том 37. Вып. 1. - С. 16-29 (Web of Science журнал).

4. Antonov, A.V. On methodological individualism, holism and management in the light “Tectology” by A.A. Bogdanov. / A.V. Antonov. // SHS Web Conferences. 10th Annual International Conference “Schumpeterian Readings” (ICSR 2021). - 2021. - Volume 116. Article Number 00064. - P. 1-4 (Web of Science журнал).

5. Antonov, A.V. Karl Popper and the Problem of Essentialism in Philosophy. / A.V. Antonov. // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. - 2022. Том. 26. - № 3. - С. 672-686 (Scopus журнал).

● в монографиях автора (3):

1. Антонов, А.В. Основание социологии. Часть I. Человек смышленный, или О происхождении логического мышления и сознания. / А.В. Антонов. Монография. – Пермь: изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2012. – 286 с.

2. Антонов, А.В. Резонансная форма прибавочной стоимости. Ее место в современной экономике. / А.В. Антонов. Монография. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. - 68 с.

3. Антонов, А.В. Сколько научных революций было в истории экономической мысли? Статьи о природе стоимости. / А.В. Антонов. Монография. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. - 100 с.

Объем и структура диссертации. Структура диссертации, логика изложения, последовательность и содержание глав и параграфов определены темой и

предметом, а также целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих тринадцать параграфов и списка цитируемой литературы. Общий объем работы составил 315 страниц. Список цитируемой литературы представлен 375 наименованиями, из которых 131 на иностранных языках.

I. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

§ 1.1. Проблема соотношения социального и экономического в системе социального знания

Прежде чем выяснять отличие экономической онтологии, лежащей в основе экономической теории, от социальной онтологии необходимо уточнить, что из себя представляет сама онтология. В философском словаре, основанном в 1912 году немецким философом Генрихом Шмидтом и с тех пор носящим его имя дано ее следующее определение: «...учение о бытии как таковом, о всеобщих значениях и определениях бытия».⁵ Советская философская энциклопедия также отмечает, что онтологией (от греч. *он* — «сущее» и *logos* — «учение») «...в ряде философских систем /.../ называют ту их часть, в которой излагается учение о бытии как таковом, независимо от субъекта и его деятельности».⁶

Вплоть до основания Огюстом Конттом в середине XIX века науки «социологии», специфика социального бытия в философии не становилась предметом особой рефлексии. В большинстве случаев законы природы не отделялись еще от законов общества. Вот почему экономика, становящаяся наукой в процессе развития торгового и мануфактурного капитализма, использовала универсальную на тот момент для всех наук естественно-научную рациональность. По этой причине, на

---

⁵ Философский словарь. / основан Генрихом Шмидтом. 22-е издание. - М.: Издательство «Республика», 2003. - 575 с., С. 319.

⁶ Философская энциклопедия. В 5-ти томах. Т. 4. «Наука логики»-Сигети. - М.: Советская энциклопедия, 1967. - 592 с., С. 140.

первых порах, экономисты еще не отличали предмет экономики от предмета естественных наук. И даже позднее, известный английский экономист Джон Кэрнс, например, считал, что «...политическая экономия должна быть такой же наукой, как астрономия, механика, химия и физиология».⁷

Только усилиями немецкой исторической школы (Карл Книс, Вильгельм Рошер, Густав фон Шмоллер, Георг Фридрих Кнапп) в конце XIX века было подтверждено, что, в силу специфики социального бытия, экономические законы не могут носить такой же неизменный характер, как и законы природы.

Значительные успехи, продемонстрированные естественными науками и математикой в ходе научной революции конца XIX — начала XX века привели к тому, что строгость и точность, фактически, сделались синонимами научности. Даже саму философию известный немецкий философ Эдмунд Гуссерль хотел превратить в «строгую науку».⁸ В таких условиях, стремясь занять положение академической дисциплины в университетах, неоклассическая экономическая теория с самого начала ориентировалась на идеалы естественно-научного знания. Как полагал один из ее создателей — французский экономист Леон Вальрас: «...чистая политическая экономия является наукой, совершенно похожей на физико-математические науки».⁹ Да и позднейшие представители неоклассической экономической теории высказывались приблизительно в том же духе. По словам известного американского экономиста Милтона Фридмена, например, «...позитивная экономическая наука является или может являться объективной наукой точно в том же смысле, как и любая из физических наук».¹⁰

---

⁷ Кэрнс Дж. Логический метод политической экономии. - М.: Книжный дом «Либроком», 2012. - 162 с., С. 12.

⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука, С. 185-240. // Гуссерль Э. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 459 с.

⁹ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии или Теория общественного богатства. - М.: Изограф, 2000. - 448с., С. 23.

¹⁰ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки, С. 20-52. // Альманах THESIS. - 1994. - Вып. 4. - С. 21.

Уже в наши дни американский экономист Филип Майровски доказал, что «...жесткое ядро неоклассической экономической теории состоит в заимствовании математических конструкций физики середины XIX века в качестве жесткой парадигмы; и именно это жесткое ядро сохранялось на всем протяжении XX века, даже после того, как сама физика продвинулась вперед, к новым метафорам и методам».¹¹ И, надо признать, что выводы Ф. Майровски во многом подтверждаются тем, что даже в начале XXI века на стыке естественных наук и экономики продолжают возникать такие направления как «эконофизика», которая использует математический аппарат современной физики для решения экономических проблем. И хотя в качестве научной дисциплины эконофизика оформилась еще не до конца, уже и сейчас заметно, что главным вектором ее поиска является попытка обновить, если, конечно, получится, термодинамическое жесткое ядро неоклассической экономической теории (родом еще из XIX века!) с помощью новейших достижений современной физики.¹² Во всяком случае, по словам английского экономиста Эдварда Фуллбрука, «20-й век, особенно его вторая половина, засвидетельствовал постепенно усиливающуюся одержимость экономики переодеванием в методологическую одежду физики».¹³

Нередко и сами экономисты не отличают себя от представителей естественных наук. В частности, тот же Э. Фуллбрук обратил внимание на то, что в своей Нобелевской лекции 1970 года американский экономист Пол Самуэльсон 4 раза

¹¹ Майровски Ф. Физика и «маржиналистская революция», С. 100-116. // *Terra economicus*. - 2012. - Том 10. № 1. - С. 110.

¹² See, for example: *New Perspectives and Challenges in Econophysics and Sociophysics*. - Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2019. - 272 p.; Huber T., Sornette D. Can there be a physics of financial markets? Methodological reflections on econophysics. // *The European physical journal special topics*. - 2016. - Vol. 225. No 12. Iss. 17-18. - P. 3187-3210; Shaikh A. The econ in econophysics. // *The European physical journal special topics*. - 2020. - Vol. 229. No 7. Iss. 9. - P. 1675-1684; Rodríguez R.A., Cáceres-Hernández J.J. Information, entropy, value, and price formation: An econophysical perspective. // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. - 2018. - No 8. - P. 1-22.

¹³ Fullbrook E. *Lawson's Reorientation. Introduction to Ontology and Economics: Tony Lawson and his critics*. editor: Edward Fullbrook. - London and New York: Routledge, 2009. - 359 p., P. 73-82. // *Real-world economics review*. - 2009. - No. 49. - P. 76.

упомянул Альберта Эйнштейна, 2 раза Нильса Бора и еще 8 раз других физиков так, «...как будто он был частью этого семейства».¹⁴

Но особенностью физики, после открытия в 1897 году лауреатом Нобелевской премии за 1906 год английским физиком Джозефом Томсоном электрона, стала ее возрастающая математизация. Ведь с тех пор физика имеет дело не только с макрообъектами, но и с невидимыми микрочастицами, которые к тому же еще подчиняются не динамическим, а статистическим закономерностям. Вот почему ориентирующаяся на физический идеал научности экономика со временем стала приобретать явно выраженные математические черты. Нобелевский лауреат по экономике за 1983 год американский экономист французского происхождения Джерард Дебрё подсчитал, что в 1940-е годы лишь менее трех процентов рецензируемых страниц журнала «American Economic Review» включали математические выражения, а к 1990-м годам уже почти 40 процентов страниц включали математику...»¹⁵ В наши же дни дошло до того, что, по свидетельству Ю.К. Князева, «...в западных специализированных журналах перестали принимать к публикации статьи, не использующие математический аппарат».¹⁶ В конце концов, случилось так, что «Экономическая дисциплина на Западе во многом превратилась в раздел прикладной математики».¹⁷

В 1890 году, стоящий у истоков неоклассической экономической теории известный английский экономист Альфред Маршалл писал: «...представляется сомнительным, чтобы кто-либо уделял много времени чтению обширных переводов

¹⁴ Fullbrook E. Lawson's Reorientation. Introduction to Ontology and Economics: Tony Lawson and his critics. editor: Edward Fullbrook. - London and New York: Routledge, 2009. - 359 p., P. 73-82. // Real-world economics review. - 2009. - No. 49. - P. 76.

¹⁵ Debreu G. The Mathematization of Economic Theory, P. 1-7. // The American Economic Review. - 1991. - Vol. 81. No. 1. - P. 1.

¹⁶ Князев Ю.К. Обновление экономической теории: от непреложного индивидуализма к коллективизму, С. 39-54. // Мир перемен. - 2011. - № 2. - С. 39.

¹⁷ Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины, С. 5-51. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2014. - Том 14. Вып. 2. - С. 35.

экономических доктрин на язык математики, сделанных не им самим».¹⁸ Однако уже в скором времени совершенствование математического аппарата экономических теорий стало восприниматься как совершенствование самой экономической науки.

Примечательно, что за последние 25 лет Нобелевские премии по экономике в большинстве случаев присуждались за работы по применению именно математических методов в экономике. А «...начиная с Джона Нэша (лауреат 1984 года), Нобелевскую премию по экономике стали получать профессиональные математики».¹⁹ Неудивительно, что возникшие в недрах философии науки сперва философия экономики, а после и ее методология под влиянием господствующей неоклассической экономической теории также усвоили методологию математики и естественных наук.

Можно согласиться с тем, что экономисты имеют право, а иногда и должны использовать математические методы. Надежность и точность идут на пользу любой науке. Вот только не все явления в экономике можно формализовать до математического уровня. А значит, экономическая реальность при этом, как минимум, огрубляется. Ведь, как заметил В.Л. Тамбовцев: «...феномены, которые удовлетворительно описываются *словесно, не преобразуются без ощутимых потерь содержания и качества в модели* (курсив В.Л. Тамбовцева — А.А.), позволяющие логически выводить из них проверяемые следствия».²⁰ По этой причине альтернативные направления в экономической науке, к примеру, австрийская школа, неомарксизм и институционализм не согласились с отождествлением экономической теории с математизированной эконометрикой.

---

¹⁸ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. - М.: Издательство «Прогресс», 1983. - 415 с., С. 50.

¹⁹ Худокормов А.Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада (на материале лекций нобелевских лауреатов по экономике), С. 52-79. // Вестник Московского ун-та. Серия 6. Экономика. - 2007. - № 4. - С. 78.

²⁰ Тамбовцев В.Л. О кризисе в экономической науке, С. 24-27. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. - 2003. - Том 1. № 3. - С. 27.

Мало-помалу неоклассическая экономическая теория с помощью математики стала обосновывать также и свои программные положения. И в конце концов, с помощью сверхсложного математического аппарата ей удалось доказать, что в тотально конкурентной экономике всеобщее равновесие все-таки достижимо (модель общего равновесия Эрроу-Дебрё). Однако при этом выяснилось, что модель общего равновесия Эрроу-Дебрё оказалась «...построенной на основе семнадцати допущений, четырнадцать из которых просто не могут быть верными в нашем мире, каким мы его знаем...»²¹

Главный недостаток математических моделей в экономике состоит в том, что, при всей строгости оперирования количественными параметрами функциональных зависимостей и внутренней непротиворечивости, они не несут ясности о том, в каком отношении к действительности находятся сами эти зависимости.

В истории философии уже случались примеры, когда общественные науки пытались выстроить при помощи математики. Вспомним хотя бы «Этику» Бенедикта Спинозы²², со всеми ее теоремами и короллариями. Однако, подобные случаи так и не стали традицией. И в когнитивной истории человечества они до сих пор фигурируют в качестве курьезов.

Неограниченное господство математических методов длилось в экономической науке вплоть до 1990-х годов XX века, когда американский экономист Дейдра Макклоски опубликовала ряд статей и книг, в которых выразила протест против преобладания методологии естественно-научного типа рациональности в экономической науке. По ее мнению, экономические теории надо ценить не по причине того, что они соответствуют «правильной» математической методологии, а по тому, насколько они убеждают других экономистов.

²¹ Róna P. Postscript on Ontology and Economics, P. 185-192. // Economic Objects and the Objects of Economics. Springer International Publishing AG, 2018. - 196 p., С. 185.

²² Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей..., С. 251-478. // Спиноза Б. Сочинения. В 2-х томах. Том 1. - Санкт-Петербург: «Наука», 1999. - 489 с.

В своей книге «Секретные грехи экономики» Д. Макклоски обратилась к статистике и математическим моделям (именно их она назвала «секретными грехами экономики» - А.А.). «Большая часть того, что появляется в лучших журналах по экономике, - писала Д. Макклоски, - это ненаучная чушь. Я нахожу это невыразимо печальным. Все мои друзья, мои дорогие, дорогие друзья экономисты тратят свое время впустую. Вот почему я обсуждаю Два Греха Экономики. Они требуют столь же трудных и энергичных действий, как и решение шахматных задач. Но они бесполезны как наука».²³

При этом Д. Макклоски отмечала, что «Математики гордятся бесполезностью большей части того, что они делают...», так как, по их мнению, в конце концов, и «...Моцарт «бесполезен»».²⁴ И, действительно, в искусстве ради искусства нет и не может быть ничего утилитарного. Но науки ради науки даже, если речь идет о самой фундаментальной из них, - быть не может. Тем более сложно представить себе не утилитарную экономическую науку. Ее оторванность от решения реальных хозяйственных проблем превращает экономическую науку, по словам Д. Макклоски, «просто» в «интеллектуальную игру».²⁵

К сходным выводам пришел и известный методолог экономической мысли голландский экономист Марк Блауг. По его словам, «Современная экономическая наука больна. Она все больше становится интеллектуальной игрушкой, в которую играют ради нее самой, а не ради практических следствий, необходимых для понимания экономического мира. Экономисты превратили предмет в разновидность социальной математики, в которой аналитическая строгость — это все, а практическая обоснованность — ничто».²⁶

---

²³ McCloskey D. The Secret Sins of Economics. - Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. - 58 p., P. 55.

²⁴ McCloskey D. The Secret Sins of Economics. - Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. - 58 p., P. 38.

²⁵ McCloskey D. The Secret Sins of Economics. - Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. - 58 p., P. 44.

²⁶ Blaug M. Ugly Currents in Modern Economics, P. 3-8. // Options Politiques. - 1997. - Vol. 18. № 17. - P. 3.

Симптоматично, что причиной подобной ситуации в экономике Д. Макклоски назвала презрение экономистов к философии. «Слова, «метафизические» или «философские», - отмечает она, - используются в наши дни в экономике как выражение презрения: «Это довольно философски, *не так ли?*» (курсив Д. Макклоски — А.А.) означает «Какой глупый, ненаучный пункт...».²⁷ И хотя Д. Макклоски всего лишь призывала к тому, чтобы в экономике не забывались также и методы социальных наук, фактически, дискуссия вокруг ее книг и статей имела далеко идущие последствия.

Позднее протест Д. Макклоски против математизации экономических наук был поддержан английским экономистом Тони Лоусоном. Он уточнил диагноз «больной», по его мнению, экономики, указав на то, что проблемы современной экономики вызваны не пренебрежением к философии вообще, а презрением лишь к такой ее части как социальная онтология, то есть к природе самой социальной реальности. Однако уместней об этом будет сказать в параграфе, где взгляды Т. Лоусона на социальную и экономическую онтологию будут рассмотрены отдельно.

Стоит сказать, что произошедший в конце XX века поворот социальных наук к онтологии оказался особенно важным именно для экономики. И объясняется это тем, что с 30-х годов XX века последняя находилась под сильным влиянием бихевиоризма. Именно в то время английский экономист Лайонель Роббинс предложил определение экономики, ставшее в неоклассической экономической теории каноническим: «Экономическая наука – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление».²⁸ Из этой формулировки следует, что предметом экономики, прежде всего, становится «человеческое поведение»,

²⁷ McCloskey D. The Secret Sins of Economics. - Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. - 58 p., P. 32.

²⁸ Роббинс Л. Предмет экономической науки, С. 10-23. // Альманах THESIS. - 1993. - Вып. 1. - С. 18.

предусматривающее рациональный выбор индивидов. А с такой точки зрения все социальные науки немногим отличаются друг от друга.

Как результат, это привело к тому, что в социальных науках возник, так называемый, «социологический империализм», который представляет собой методологию и *«...тип междисциплинарного синтеза, при котором социология навязывает свои методы, идеи и программы какой-либо другой науке, заставляя ее мыслить «социологически» и использовать в исследовательской работе шаблоны, схемы и методики, разработанные непосредственно социологией»*.²⁹ Мало-помалу распространившись, в конце концов, социологические методы проникли также и в предметную область экономических наук.

Ответной реакцией стало появление методологии «экономического империализма», который также можно определить, как методологию навязывания уже экономической наукой своих методов социальным наукам. Известный финский философ и экономист Ускали Мяки, например, характеризует экономический империализм как форму *«...экономического экспансионизма, при которой тип объясняемых феноменов находится за пределами экономики...»*³⁰ Следует признать, что экономический империализм повел себя столь же наступательно, как и «империализм социологический». Как констатирует, например, известный отечественный социолог В.В. Радаев: *«...к сегодняшнему дню не осталось практически ни одной области социальных наук, в которую не вторглись бы экономисты со своими модельными построениями»*.³¹ Вот почему принципы неоклассического мейнстрима такие, например, как максимизирующее поведение

---

²⁹ Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук: учебник / А.М. Орехов. - М.: ИНФРА-М, 2022. - 692 с., С. 450.

³⁰ Mäki U. Economic imperialism: Concepts and Constraints, P. 351-380. // Philosophy of Social Sciences. - 2009. - No 39 (3). - P. 351.

³¹ Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? С. 116-123. // Общественные науки и современность. - 2008. - № 6. - С. 117.

или методологический индивидуализм в ряде случаев стали применяться также и в других социальных науках.

Сам термин «экономический империализм» был введен в научный оборот новозеландским экономистом Ральфом Соутером еще в 1933 году при обсуждении очерка Л. Роббинса о предмете экономической науки. И, казалось бы, появление «экономического империализма» или использование экономической методологии в других социальных науках можно только приветствовать. Однако неоклассическое определение предмета экономической науки, по сути, «...просто стирает границу между экономикой и другими дисциплинами социально-гуманитарного знания».³² Со временем экономический империализм распространился также и на предшествующие экономические эпохи.

В частности, обозревая историю экономической мысли, известный австралийский экономист Юрг Ниеханс пришел к выводу, что «...история экономической теории представляла собой процесс монотонного кумулятивного прогресса».³³ Ведь, по его словам, в сущности все экономисты придерживаются одной и той же концепции. И эта общая всем концепция - «...«экономический человек», который принимает рациональные решения в том смысле, что он (или она) пытается улучшить любую из ситуаций».³⁴

Но ведь «рациональные решения» и выбор между «худшим» и «лучшим» имеются во всех социальных науках. Так что в концепции «экономического человека», о которой писал Ю. Ниеханс, фактически, нет уже ничего собственно экономического. Общая всем рациональность носит здесь уже чисто формальный

---

³² Егоров Д.Г. Предмет экономической науки, С. 115-120. // Мировая экономика и международные отношения. - 2015. – № 2. - С. 115.

³³ Niehans J. Revolution and Evolution in Economic Theory. The Bateman memorial Lecture delivered at The University of Western Australia on October 12, 1992. - Perth: The University of Western Australia, 1992. - 28 p., P. 20.

³⁴ Niehans J. Revolution and Evolution in Economic Theory. The Bateman memorial Lecture delivered at The University of Western Australia on October 12, 1992. - Perth: The University of Western Australia, 1992. - 28 p., P. 13.

характер. Ведь «лучший» выбор с точки зрения политики, например, может и не совпадать с «лучшим» выбором с точки зрения экономики.

Доказывается это хотя бы историей строительства железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой. Когда Николаю I на утверждение представили два варианта строительства дороги со всеми экономическими, топографическими и прочими обоснованиями, он молча прочертил на карте прямую линию между двумя столицами: вот как должна пройти железная дорога. Естественно, на тот момент это серьезно удорожало строительство. Зато к сегодняшнему дню Россия уже сэкономила на этом решении миллиарды рублей, и будет делать это в дальнейшем.

Активность экономического империализма, в конце концов, привела к тому, что уже с середины 50-х годов XX века методы экономического анализа стали применяться для изучения также таких социальных институтов как образование или здравоохранение. А по наблюдению немецкого философа Андреа Клоншински, «С 1960-х неоклассические методы использовались, чтобы проанализировать широкий объем тем, таких как поведение бюрократов (Niskanen, 1971), учреждения либерального общества (Бьюкенен, 1975), или даже такие явления, как преступление, семья и брак (Беккер, 1976)».³⁵ Вспомним и то, что американскому экономисту Гэри Беккеру Нобелевскую премию по экономике за 1992 год присудили «за расширение области применения микроэкономического анализа к широкому кругу проблем человеческого поведения и взаимодействия, включая поведение вне рыночной сферы». Ведь, как утверждал Г. Беккер: «...экономический подход уникален по своей мощи, потому что он способен интегрировать множество разнообразных форм человеческого поведения».³⁶

---

³⁵ Klonschinski A. "Economic imperialism" in health care resource allocation – how can equity considerations be incorporated into economic evaluation? P. 158-174. // Journal of Economic Methodology. - 2014. - Vol. 21. No. 2. - P. 158.

³⁶ Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение, С. 24-40. // Альманах THESIS. - 1993. - Том 1. Вып. 1. - С. 26.

Со временем в социальных науках сложилась следующая ситуация. С одной стороны, наступал «экономический империализм». С другой стороны, - «новая экономическая социология»³⁷, с ее социально-культурным измерением экономической деятельности. И хотя экономическая теория и экономическая социология, казалось бы, отражают одни и те же общественные явления, - делают это они по-разному. «Если для экономической теории исходной фундаментальной предпосылкой является независимость человека, его самостоятельность в принятии решений, то для экономсоциолога столь же фундаментальной предпосылкой выступает включенность человека в социальные отношения, укорененность всех его действий в этих отношениях».³⁸ При этом «Человек экономический стремится любыми средствами получить экономическую прибыль, даже в убыток социальным отношениям, в то время как человек социологический стремится завоевать доверие и одобрение окружающих часто ценой экономических затрат».³⁹

Следует сказать, что методологию «экономического империализма» неоклассический мейнстрим воспринял в высшей степени позитивно, так как, по мнению его сторонников, «...другого пути развития социальных наук нет. Ведь только при помощи количественных аргументов наука умеет решать, какие теории верны, а какие – нет».⁴⁰ И раз, с точки зрения неоклассической экономической теории, экономический человек существует столько времени, сколько и само человечество, - выходит, что он и является подлинным предметом всех социальных наук. При этом социальное и экономическое полностью совпадают по содержанию, а неоклассическая экономическая теория предстает как «...поистине универсальная

³⁷ См., например: Сведберг Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? С. 111-130. // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. - М.: РОССПЭН, 2004. - 680 с.

³⁸ Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? С. 116-123. // Общественные науки и современность. - 2008. - № 6. - С. 118.

³⁹ Глебовская Н.В. Новая экономическая социология: по ту сторону экономического интереса, С. 36-42. // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2002. - Том 5. № 2. - С. 38.

⁴⁰ Гуриев С.М. Три источника - три составные части «экономического империализма», С. 134-141. // Общественные науки и современность. - 2008. - № 3. - С. 140-141.

грамматика общественной науки».⁴¹ Что же касается в целом экономической науки, как, впрочем, и всех остальных социальных наук, то, по сути, они теряют свой собственный предмет.

Об этом, например, прямым текстом пишет Т. Лоусон: «...материалы и принципы социальной действительности являются теми же в экономике, социологии, политике, антропологии, экономической географии и всех других дисциплинах, касающихся исследования общественной жизни. Следовательно, я думаю, мы должны признать, что нет никакого законного основания для различения отдельной науки об экономике».⁴²

К такому же выводу пришел и Нобелевский лауреат за 1991 год английский экономист Рональд Коуз: «Если созданные экономистами теории (по крайней мере, микроэкономические) представляют собой по большей части определенный подход к изучению факторов, от которых зависит выбор (а я думаю, что так оно и есть), совершенно ясно, что они могут быть использованы для анализа выбора в других областях, в том числе в юриспруденции и в политике. В этом смысле у экономистов нет собственного предмета исследования (выделено диссертантом — А.А.)».⁴³

Немецкий экономист Петер Вайзе пытался выправить сложившуюся ситуацию, предложив компромиссную концепцию - «*homo socioeconomicus*», которая бы отражала двойственность нового действующего лица экономики: и его эгоистичную, и его коллективистскую сущность. Однако, на деле, подобный союз оказался простым механическим объединением. Главным образом потому, что, по словам самого П. Вайзе, «*homo socioeconomicus*» - это уже «человек социальных наук».⁴⁴ По тем же причинам не имела успеха и, так называемая, «социоэкономика», которая по

⁴¹ Hirschleifer J. The Expanded Domain of Economics, P. 53-68. // American Economic Review. - 1985. - Vol. 75. - P. 53.

⁴² Lawson T. The nature of heterodox economics, P. 483-505. // Cambridge Journal of Economics. - 2006. - No 30. - P. 499.

⁴³ Коуз Р. Фирма, рынок и право. - М.: Новое издательство, 2007. - 224 с., С. 8-9.

⁴⁴ Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук, С. 115-130. // Альманах THESIS. - 1993. - Вып. 3. - С. 129.

замыслу ее создателей, «...изучает характер и закономерности *двусторонних* (выделено курсивом М.А. Шабановой — А.А.) связей между экономическими и социальными аспектами воспроизводства хозяйственных систем разных видов...»⁴⁵

Суммируя итоги анализа, проведенного в первом параграфе, диссертант пришел к следующим выводам:

1. В настоящий момент в социальной философии существует проблемная ситуация: традиционно в философии науки экономическое рассматривается как часть социального, а неоклассическая экономическая теория с ее позитивистской методологией не проводит четкого различия между предметами социального и экономического знания.

2. Попытки решить эту проблему введением термина «*homo socioeconomicus*» (П. Вайзе) или путем учреждения новой дисциплины — «социоэкономика», по мнению автора работы, успехом не увенчались.

3. Вот почему для того, чтобы установить в каком отношении в системе социального знания действительно находятся друг к другу социальное и экономическое было бы целесообразно сперва попробовать выяснить их онтологические основания.

---

⁴⁵ Шабанова М.А. Социоэкономика и современность (О пользе и рисках экспансии экономического подхода), С. 100-115. // Общественные науки и современность. - 2010. - № 4. - С. 105.

§ 1.2. Отрицательные определения социальной онтологии и экономической онтологии

Социальная онтология, как это явствует из ее названия, занимается исследованием общества. В свою очередь, общество, в терминах исторического материализма, - это часть природы в широком смысле этого слова. Таким образом, социальная онтология является составной частью онтологии природы. Онтология же природы изучает ее предельные основания, - то, что действительно существует и дает возможность существовать всему остальному, в том числе и обществу. Из этого следует, что социальная онтология изучает предельные основания общества.

Между тем, по признанию скептиков, сущность природного бытия остается по-прежнему неопределенной. Агностики же считают ее и вовсе неопределимой. Едва ли сейчас кто-то может сказать, например, есть до-физическая форма материи или нет? И сколько еще форм материи предшествует до-физической? Что же касается неопределенности существенных черт общества, то она усугубляется еще и тем, что общество как таковое не дано нам в ощущениях.

Однако сама по себе неопределенность каких-либо явлений, не делает их анализ невозможным. Во всяком случае, так было всегда в онтологии. «Ибо более очевидно для нас, - писал, например, Фома Аквинский, - то, чем Бог не является, а не то, что Он есть...».⁴⁶ А значит, вполне можно ожидать, что прием, так называемых в логике, отрицательных определений, когда объект характеризуется с помощью отсутствующих у него качеств, окажется полезным и в области социальной онтологии и экономической онтологии. И прежде, чем положительно определять,

⁴⁶ Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. - М.: ИФ РАН, 2001. - 206 с., С. 47.

что такое социальная онтология и экономическая онтология, нам прежде всего придется отделить их от того, чем они не являются. Ведь очевидно, что если бы нам удалось определить, что листья на деревьях «не черные», то это заметно бы сузило диапазон возможных ответов на вопрос о том — какого они цвета.

Кажется, что можно сразу же перейти к ответам положительным. Однако это возможно лишь в тех случаях, когда речь идет о вещах определенных. К примеру, в известной телевизионной игре «Поле чудес», в самом деле, нет нужды в качестве подсказки открывать какие-то буквы, если эрудит сразу же может назвать слово. Для этого ему надо лишь вспомнить известное определение. Однако природа социального заранее не определена. И надо быть ясновидцем, чтобы иметь претензию на знание ее существенных черт.

При этом надо признать, что до тех пор, пока общепризнанно природа социального еще не определена, любые догадки по поводу его существенных черт оказываются вполне допустимы. Однако для простоты анализа, в качестве социального бытия автор работы рассматривает в диссертации единую, а не множественную реальность. Таким образом, все формы социального рассматриваются в данной работе как трансформации единого (транс-физического, транс-химического и транс-биологического) социального начала.

Следуя логике отрицательных определений, автор работы сперва разделит понятия «*социальная онтология*» и «*социальная эпистемология*», так как, порой, они настолько проникают друг в друга, что часть исследователей, несмотря на то, что «*социальная онтология*» занята вопросами существования социального, а «*социальная эпистемология*» - вопросами его познания, невольно отождествляют их. В частности, Т.И. Решетняк признает, что «...мы воспринимаем онтологию как метод

научного реализма в экономических исследованиях».⁴⁷ А.Ю. Калиев и вовсе считает возможным говорить об «онтологическом методе познания».⁴⁸

Однако познать можно лишь то, «...что для начала «есть», а именно – «есть» независимо от того, познается оно или нет».⁴⁹ Об этом же пишет и В.А. Лекторский: «Знания можно получать только о реально существующих объектах...»⁵⁰ Для материалиста и антиконструктивиста это означает, что в науке онтология всегда должна предшествовать эпистемологии. Вот почему социальная онтология и экономическая онтология просто не могут быть ни «методом научного реализма», ни «ракурсом рассмотрения объекта». И вот почему в трудах по философии науки нет никакого «онтологического метода познания».

Кроме того, *социальную онтологию* следует, как это делает в своих работах А.М. Орехов⁵¹, отделить также и от «гуманитарной» онтологии. В современной классификации социально-экономические и гуманитарные науки принято относить к разным областям знания. Однако это рождает больше вопросов, чем ответов. Ведь перед этим было уже упомянуто, что социальное и экономическое отождествляются только в неоклассической экономической теории.

При этом социальное продолжает мыслиться родовым понятием и для гуманитарных наук, из чего следует, что каким-то образом экономические и гуманитарные знания также должны быть тождественными друг другу. В таком

⁴⁷ Решетняк Т.И. От методологии к онтологии экономической науки: поиск научного метода, С. 29-30. // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы VI Международной научно-практической конференции. Минск, 15-16 мая 2013 г. Министерство образования Республики Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т». Т. 1. - Минск: БГЭУ, 2013. - 426 с., С. 30.

⁴⁸ См.: Калиев А.Ю. Проблема онтологического метода познания, С. 645. // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 2. - С. 645.

⁴⁹ Гартман Н. К основоположению онтологии. - М.: Наука, 2003. - 640 с., С. 105.

⁵⁰ Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма, С. 18-22. // Философия науки и техники. - 2018. - Том 23. № 2. - С. 20.

⁵¹ См.: Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. - М.: ИНФРА-М, 2020. - 201 с.; Орехов А.М. КМВ-революция и ее значение для понимания эволюции современного социально-гуманитарного знания. // Право и государство: теория и практика. - 2020. - № 11. - С. 15-22; Нижников С.А., Орехов А.М. Становление методологии познания в социально-гуманитарных науках и гуманизм. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVIII. - 2021. - Вып. 2. - С. 53-58.

случае непонятно, на каком основании экономическое вообще противостоит гуманитарному знанию в современной классификации наук? Приходится признать, что в современной философии науки онтологические основания социального, экономического и гуманитарного определены недостаточно корректно.

Религия, этика, эстетика и т. д. - это, говоря языком Б. Спинозы, только «модусы» социального бытия. И, разумеется, было бы ошибкой путать саму субстанцию с ее модусами. Но точно такой же ошибкой было бы и их фактическое противопоставление. Вот почему диссертант разделяет точку зрения А.М. Орехова, что *«...социальная онтология изучает предельные основания общества в его наиболее универсальных принципах, а гуманитарная онтология акцентирует свои векторы на человеке в обществе...»*⁵² (курсив А.М. Орехова — А.А.). А поскольку отделить человека от общества невозможно, то на практике у А.М. Орехова социальная и гуманитарная онтологии выступают не как абсолютные противоположности, но, скорее, как два полюса одного и того же магнита.

Логика отрицательных определений потребовала от автора работы отделить «социальную онтологию» также и от «социальной теории». Общим для них является то, что обе они отражают социальную действительность. По этой причине часть исследователей считает, что «Социальная онтология может быть интерпретирована как наиболее абстрактная и генерализованная форма социальной теории».⁵³ При этом не берется в расчет тот факт, что социальная онтология и социальная теория отличаются не просто разной степенью общности, - они отражают разные уровни реальности.

По словам А.М. Орехова, наиболее полно и систематически осветившего этот вопрос, между социальной онтологией и социальной теорией существует явная

⁵² Орехов А.М. Социальная онтология Б. Эпштейна, С. 572-581. // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. - 2022. - Т. 26. № 3. - С. 575.

⁵³ Brännmark J. Institutions, Ideology and Non-Ideal Social Ontology, P. 137-159. // Philosophy of Social Sciences. - 2019. - Vol. 49. No. 2. - P. 138.

оппозиция: «...*онтология и теория* (курсив А.М. Орехова — А.А.) - это две принципиально разные вещи. Если социальная теория в конечном счете базируется на фактах и апеллирует к фактам, а затем последовательно, путем верификации и фальсификации гипотез, восходит от фактов к научным теориям, то в онтологии опора на факты может оказаться излишней».⁵⁴

О разных функциях социальной онтологии и социальной теории писал также и О.И. Ананьин. С его точки зрения: «Теоретическое исследование призвано открывать новые факты и закономерности, онтологический анализ – выявлять скрытые предпосылки, лежащие в основании соответствующих теорий, воссоздавать их реальный контекст и смысл, обеспечивать необходимый фон для сравнения конкурирующих теорий и структурирования накопленного запаса знаний».⁵⁵

О том, что онтологические предпосылки лежат в основе любой теории писал также известный австрийско-американский экономист и социолог Йозеф Шумпетер. В частности, говоря об экономической науке, он называл эти предпосылки «видением». По словам Й. Шумпетера, «Любая полноценная «теория» экономического состояния общества состоит из двух взаимодополняющих, но заметно различающихся элементов. Во-первых, у теоретика есть мнение об основных чертах экономического состояния общества, о том, что важно и что не важно знать для того, чтобы понять жизнь этого общества в исследуемый период. Назовем эту часть видением автора. Во-вторых, у него есть метод, аппарат, при помощи которого он концептуализирует свое видение и превращает его в конкретные предположения, или теории».⁵⁶

⁵⁴ Орехов А.М. Российская философия экономики: как ей найти взаимопонимание с «Новой философией экономики»? (часть I), С. 11-17. // Основы экономики, управления и права. - 2020. - № 6 (25). - С. 13.

⁵⁵ Ананьин О.И. Экономические онтологии и экономические институты, С. 75-100. // Федерализм. - 2013. - № 1 (69). - С. 77.

⁵⁶ Шумпетер Й. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса: пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2011. - 414 с., С. 366.

Онтологическое видение, как его определяет Й. Шумпетер, является «донаучным когнитивным актом». Оно предшествует получению фактов. И «...должно быть выполнено, чтобы наше сознание получило предмет для научной работы (выявление объекта исследований), но само по себе оно не является научным».⁵⁷

Если после Карла Поппера в философии науки стало общим местом говорить о том, что факты «нагружены» теорией, и вне какой-либо теории теряют свою доказательную силу, то вряд ли будет ошибкой, если добавить к этому, что *в не меньшей степени факты нагружены также и какой-либо онтологией*. И для того, чтобы пояснить это положение, в качестве аналогии рассмотрим известную фразу советского лингвиста Льва Владимировича Щербы: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѣнка».

В этой фразе нет ни одного реального слова на любом из когда-либо существовавших языков. Тем не менее, если в качестве, предшествующего познанию этой фразы, общего видения ситуации выбрать синтаксис русского языка, то смысл ее станет понятен любому говорящему по-русски. Приблизительно его можно было бы передать следующим образом: «Нечто женского рода совершило насильственные действия над существом мужского рода, и после этого стало причинять вред его детёнышу».

Если продолжить аналогию, то в данном случае «теориями» здесь будет выяснение того, кем является эта «глокая куздра» и почему именно она «будланула бокра», а не наоборот. И хотя вопрос о наличии онтологии в языке является дискуссионным, сам факт наличия в отражении, в том числе и языковом, двух уровней является несомненным.

---

⁵⁷ Шумпетер Й. Наука и идеология, С. 247-264. // Философия экономики. Антология / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с., С. 253.

Из сказанного ясно, что социальная онтология и социальная теория — как раз и представляют собой два этих разных уровня отражения. Вот почему «Для анализа онтологии нельзя опираться на существующие теории, поскольку они являются частью проблемы...»⁵⁸

Конечно, здесь можно возразить, что онтология также является способом познания, и потому сама может быть сформулирована как теория, а, следовательно, является частью эпистемологии. Однако, подобные вопросы отдельно были рассмотрены английским философом Роем Бхаскаром еще в 1975 году в книге «Реалистская теория познания». И в ней возможность того, что «...онтологические вопросы всегда можно перефразировать как эпистемологические»⁵⁹ Р. Бхаскар назвал «эпистемической ошибкой», которую совершают представители «эмпирического реализма», то есть позитивизма. Ведь оттого, что, описывая мир, мы поменяем те или иные слова в его описании сам мир не изменится.

Наконец, при отрицательном определении *социальную онтологию* если и не следует отделить также от *социологической онтологии*, то хотя бы нужно обратить внимание на то, что, в отличие от нашей страны, на Западе существует противостояние не «человека экономического» и «человека социального», а *homo oeconomicus* и *homo sociologicus*.

Что же касается «экономической онтологии», изучающей предельные основания экономической реальности, которые также пока общепризнанно не определены, то, следуя логике отрицательных определений, в свою очередь, и ее следует также отделить от «экономической эпистемологии», от «гуманитарной онтологии» и от «экономической теории».

⁵⁸ Aspers P. Relational Ontology Being and Order out of Heidegger's Socioontology, P. 257-272. // *Relationale Soziologie: Zur kulturellen Wende der Netzwerkforschung*. S. Mützel and J. Fuhse (ed.). - Wiesbaden: VS Verlag, 2010. - 296 p., P. 266.

⁵⁹ Bhaskar R. *A Realist Theory of Science*. - London and New York: Taylor & Francis e-Library, 2008. - 277 p., P. 35.

В целом исследование отрицательных определений социальной онтологии и экономической онтологии, предпринятое автором работы во втором параграфе приводит его к следующим выводам:

1. Следуя логике отрицательных определений, социальную онтологию следует отделить от социальной эпистемологии, от гуманитарной онтологии и от социальной теории.

2. Следуя логике отрицательных определений, в свою очередь, и экономическую онтологию также следует отделить от экономической эпистемологии, от гуманитарной онтологии и от экономической теории.

3. Исследование социальной онтологии и экономической онтологии с помощью отрицательных определений позволяет установить то, чем они не являются, однако не позволяет установить то, что они есть на самом деле. По этой причине в качестве следующего шага диссертант вынужден обратиться к опыту положительного определения как социальной онтологии, так и экономической онтологии.

§ 1.3. Положительные определения социальной онтологии и экономической онтологии

В предыдущем параграфе и социальная онтология, и экономическая онтология были рассмотрены диссертантом с точки зрения их отрицательных определений. Но в современной философии есть немало попыток и их положительных характеристик. В этом параграфе автор работы анализирует онтологические концепции Джона Сёрля (коллективная интенциональность), Тони Лоусона (Кембриджская школа), Франческо Гуалы («равновесная модель» институтов) и Маурицио Феррариса (новый реализм), так как они дают наиболее авторитетные и общепризнанные в современной социальной философии определения социальной онтологии.

Предваряя свой анализ, Д. Сёрль отмечает тот «...необычный факт интеллектуальной истории, что у великих философов прошлого века было мало или совсем ничего, из того, что они могли бы сказать о социальной онтологии».⁶⁰ И это, с одной стороны, в самом деле так, поскольку термин «социальная онтология» до конца XX века в философии не употреблялся.

С другой стороны, о существенных чертах общества писали и в античности, и в Новое время. Важные мысли о том, как устроено общество принадлежат К. Марксу, Э. Дюркгейму, М. Веберу и массе других не менее известных философов и социологов. Таким образом, тезис Д. Сёрля об «интеллектуальном молчании» предшественников следует понимать либо как то, что никто из его предшественников не пользовался термином «социальная онтология», либо как то,

---

⁶⁰ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 6.

что никто из них не делал этого с точки зрения позитивистской аналитической философии.

Как указал, например, Стефан Бём таким «...пионерам социологии, как Дюркгейм, Вебер и Зиммель, было очевидно, что онтология предшествует методологии. Тем не менее Сёрль, по всей видимости, прав, говоря (во введении к своей книге 1995 года), что их проблемы заметно отличались от тех, которые пришлось решать ему. Правда, это произошло не по вине Дюркгейма, Вебера или Зиммеля, поскольку в их распоряжении еще не было отточенных инструментов, ставших доступными благодаря подъему аналитической философии, например, теории речевого акта и интенциональности, на которые мог опереться Сёрль. Но можно добавить, что Сёрль забыл упомянуть о таких исследованиях по социальной онтологии, как Коллин (1997), Гилберт (1992), Петтит (1993), Рубен (1985) и Туомела (1995). Сказать, что Сёрль воспринимает предшествующую ему литературу очень избирательно, - было бы грубым преуменьшением».⁶¹ К этому можно добавить и тот факт, что задолго до работ Д. Сёрля - в 1928 году в социологии появилась и, так называемая, «теорема Томаса», которая гласит: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям».⁶²

Да и социальная онтология самого Д. Сёрля также имеет свою интеллектуальную историю. Сперва он исследовал философию языка, затем сознания⁶³, и лишь потом перешел, наконец, к познанию общества.⁶⁴ В основу своей социальной онтологии Сёрль положил механизм наделения природных явлений

⁶¹ Boehm S. The ramifications of John Searle's social philosophy in economics, P. 1-10. // Journal of Economic Methodology. - 2002. - No 9 (1). - P. 4.

⁶² Thomas W., Thomas D. The child in America. Behavior Problems and Programs. - New York: Alfred A. Knopf, 1928. - 583 p., P. 572.

⁶³ See: Searle J. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. - Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979. - 201 p.; Searle J. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983. - 285 p.; Searle J. The Re-discovery of the Mind. - Cambridge, Mass, London: The MIT Press, 1992. - 104 p.

⁶⁴ Searle J. The Construction of Social Reality. - New York: The Free Press Edition, 1995. - 241 p.; Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p.

«функцией статуса». По мнению Д. Сёрля, мир людей и животных отличаются друг от друга тем, что у людей есть еще и сверхфизическая реальность. «Особенностью человеческой социальной реальности», писал Д. Сёрль, «...является то, что у людей есть возможность придать дополнительные функции объектам и людям таким образом, что объекты и люди могут выполнять эти функции только виртуально, а не в силу их физической организации».⁶⁵

При этом социальная реальность может возникнуть лишь на основе реальных вещей, и лишь при строго определенных условиях. Д. Сёрль как раз и видит свою задачу в том, чтобы раскрыть эти условия. И главным из них он считал присущую человеку *интенциональность* как направленность нашего сознания на объекты внешнего (или внутреннего) мира. Причем главной чертой социальной онтологии, по Д. Сёрлю, является наличие у групп людей общей для них коллективной интенциональности.

Именно «Коллективная интенциональность, - пишет Д. Сёрль, - позволяет группам людей создавать общие институциональные факты, связанные с деньгами, собственностью, бракосочетаниями, управлением и, самое главное, языками. В таких случаях существование общественного института позволяет отдельным личностям или группам возлагать на объекты такие функции, которых эти объекты не могли бы выполнять сами по себе в силу одной своей структуры, но выполняют благодаря коллективному признанию их определенного статуса, а с этим статусом и специфических функций. Я буду называть их статусными функциями. Обычно они принимают форму «X считается за Y в C». Например, такие-то последовательности слов считаются предложениями, такой-то кусочек бумаги считается

---

⁶⁵ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 7.

десятидолларовой купюрой в США, такая-то позиция означает в шахматах мат, а человек, удовлетворяющий таким-то требованиям, считается президентом США».⁶⁶

В своей первой книге по социальной онтологии («The Construction of Social Reality», 1995 год) Д. Сёрль считал, что статусные функции возможны лишь в том случае, если они одобряются коллективом. Однако в книге 2010 года («Making the Social World») он пришел к выводу, что достаточно и простого коллективного «признания».

Правда, одно лишь общественное признание социальных фактов осталось бы без последствий, если бы при этом они не наделялись тем, что Д. Сёрль определил как «деонтические полномочия», то есть «...права, обязательства, требования, разрешения и тому подобное».⁶⁷ Суть таких деонтических полномочий состоит в том, что они заставляют людей действовать, порой, даже вопреки их реальным желаниям. Только благодаря этому, считает Д. Сёрль, «функции статуса» и могут являться тем «...клеем, который скрепляет общество».⁶⁸

Многие факты, которые Д. Сёрль называет «грубыми», вроде гор или солнца, могут существовать и без общественных институтов. Однако такие, например, как десятидолларовая купюра, взятая не как материальный объект, а как общественный «пучок полномочий», без поддержки социальных институтов существовать не могут.

При этом в самом простейшем виде социальный «Институт является системой учредительных правил, и такая система автоматически создает возможность институциональных фактов».⁶⁹ При этом учредительные правила могут быть двух видов. Регулятивные правила, по Сёрлю, «...призваны упорядочить уже имеющуюся

⁶⁶ Сёрль Д. Рациональность в действии. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. - 336 с., С. 75.

⁶⁷ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 9.

⁶⁸ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 9.

⁶⁹ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 61.

деятельность, а не конструировать новую. Например, к таковым относятся правила дорожного движения, которые лишь определяют принципы вождения, но не создают само по себе вождение... /.../ Конститутивные правила в свою очередь создают саму возможность осуществлять ту или иную деятельность. Классический пример конститутивных правил – правила игры в шахматы, создающие возможность игры».⁷⁰

Правда, часть исследователей, к примеру, итальянский философ Франческо Гуала считают, что в социальной онтологии Д. Сёрля значение «конститутивных правил» заметно преувеличено, так как «...конститутивные правила не добавляют ничего такого, что не могло бы быть выражено с помощью простых регулятивных правил. /.../ Конститутивное правило денег, например, можно перевести в следующее регулятивное правило: (курсив Ф. Гуалы — А.А.) «если вексель или банкнота были выпущены федеральным казначейством, то используйте его для покупки товаров или сохраните его на будущее» и т. п.»⁷¹

По мнению Ф. Гуалы, Д. Сёрль не задумывается о том, что «Сформулировать некое правило - еще недостаточно для того, чтобы определить, что такое институт. Это объясняется, в частности тем, что существует множество неэффективных правил: правил, которые официально или формально существуют, но которыми, тем не менее, большинство людей явно или неявно пренебрегает».⁷² И «коллективное признание» Д. Сёрля в данном случае не является определяющим, так как «...любой социальный объект существует независимо от того, сформулированы ли в отношении него правильные теории или не сформулированы».⁷³ Вот почему Ф. Гуала

⁷⁰ Searle J. The Construction of Social Reality. - New York: The Free Press Edition, 1995. - 241 p., P. 27-28.

⁷¹ Гуала Ф. Краткое изложение понимания институтов / Пер. с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова, С. 140-151. // Вопросы социальной теории. - 2021. - Том XIII. - С. 145-146.

⁷² Гуала Ф. Краткое изложение понимания институтов / Пер. с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова, С. 140-151. // Вопросы социальной теории. - 2021. - Том XIII. - С. 142.

⁷³ Гуала Ф. Краткое изложение понимания институтов / Пер. с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова, С. 140-151. // Вопросы социальной теории. - 2021. - Том XIII. - С. 148.

и высказывается о работах Д. Сёрля как о «...весьма амбивалентных и неопределенных».⁷⁴

Однако идею свести конститутивные правила к регулятивным сам Д. Сёрль посчитал ошибкой. Он обратил внимание на то, что Ф. Гуала и Ф. Хиндрикс «...рассматривают нормы и деонтичность как эквиваленты. Однако они вовсе не являются таковыми. Все правила являются нормативными. Но не все из них создают обязательства».⁷⁵

Не согласился Д. Сёрль и с идеей о том, что социальные институты возникают в точке равновесия стремлений индивидов. По мнению Д. Сёрля, это свидетельствует о том, что Ф. Гуала и Ф. Хиндрикс, скорее «...интересуются экономикой или теорией игр, но не онтологией социальной реальности человека».⁷⁶

«Бесконечные обсуждения дилеммы «заключённых»» Д. Сёрль считает «поверхностными» и оторванными от жизни. Да и что могут дать социальной онтологии абстрактные рассуждения на тему «Тюремный надзиратель предлагает двум заключенным следующий выбор», хотя это и является любимым занятием сторонников принципа равновесия в экономике. «...что такое тюрьма? - спрашивает Д. Сёрль. - Что такое надзиратель? Что такое заключенный? Что такое предложение? Эти вопросы никогда не задаются. Вы получаете совершенно иное представление о дилемме заключенных, если вы думаете о ней как о дилемме «любовников», «дилемме матери и ребенка», «дилемме мафиози» и так далее»⁷⁷.

«Когда я даю обещание, - пишет Д. Сёрль, - я намеренно создаю обязательство, независимый от желания повод для действий. Я создаю новый институциональный

⁷⁴ Гуала Ф. Ответ на критику / Пер. с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова, С. 152-170. // Вопросы социальной теории. - 2021. - Том XIII. - С. 161.

⁷⁵ Searle J. Status functions and institutional facts: reply to Hindriks and Guala, P. 507-514. // Journal of Institutional Economics. - 2015. - No 11 (3). - P. 511.

⁷⁶ Searle J. Status functions and institutional facts: reply to Hindriks and Guala, P. 507-514. // Journal of Institutional Economics. - 2015. - No 11 (3). - P. 514.

⁷⁷ Searle J. Status functions and institutional facts: reply to Hindriks and Guala, P. 507-514. // Journal of Institutional Economics. - 2015. - No 11 (3). - P. 513.

факт, тот факт, что обещание существует. Теоретико-игровое равновесие здесь просто не имеет значения. Позвольте мне подчеркнуть эту *мысль*: /.../ равновесия недостаточно, чтобы произвести деонтологию - права, обязательства и так далее...»⁷⁸ И с этим доводом Д. Сёрля, направленным против Ф. Гуалы и его сторонников, трудно не согласиться.

По меньшей мере, с ним согласились финские исследователи Э. Аудинонат и П. Юликоски, по мнению которых концепция Ф. Гуалы «...не позволяет ему составить общее представление о социальных институтах. Сложные социальные институты, такие как /.../ «университет» и «правительство», не вписываются в концепцию Гуалы, основанную на правилах равновесия».⁷⁹ К тому же, по мнению Э. Аудиноната и П. Юликоски, концепция Ф. Гуалы не включает в себя проблемы языка, чему сам Д. Сёрль уделяет повышенное внимание. «Следовательно, - делают вывод Э. Аудинонат и П. Юликоски, - она представляется менее объединяющей, поскольку является более узкой по своему охвату».⁸⁰

Д. Сёрль уверяет, что статусные функции чему бы то ни было придает коллективное намерение. Но как оно может возникнуть? Ведь «Единственная интенциональность, которая может существовать, - полагает сам Д. Сёрль, - находится в головах людей. Нет никакой коллективной интенциональности вне того, что находится в голове каждого члена коллектива».⁸¹ Фактически, Д. Сёрль признает, что многочисленные попытки редуцировать «Мы-намерения» к «Я-намерениям» (а именно этого требует принцип методологического индивидуализма, которого придерживается аналитическая философия), так или иначе, потерпели крах. Вот

⁷⁸ Searle J. Status functions and institutional facts: reply to Hindriks and Guala, P. 507-514. // Journal of Institutional Economics. - 2015. - No 11 (3). - P. 512.

⁷⁹ Auidinonot E., Ylikoski P. Three Conceptions of a Theory of Institutions, P. 550-568. // Philosophy of the Social Sciences. - 2018. - Vol. 48 (6). - P. 551.

⁸⁰ Auidinonot E., Ylikoski P. Three Conceptions of a Theory of Institutions, P. 550-568. // Philosophy of the Social Sciences. - 2018. - Vol. 48 (6). - P. 558.

⁸¹ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 55.

почему он и вынужден был прийти к тому, что «Коллективная интенциональность - это биологически примитивный феномен, который нельзя свести или устранить в пользу чего-то другого».⁸² Однако такое спасение принципа методологического индивидуализма не столько решает проблему, сколько переносит ее на биологический уровень.

При этом Д. Сёрль признает, что «Для человека возможно построить и «частный» институт, и создать «частные» институциональные факты для своего личного употребления. Например, человек мог бы изобрести игру, в которую играет только он. Но, - добавляет Д. Сёрль, - случаи, важные для нашего исследования, - те, которые создают социальный мир, такие как деньги и правительство, - эти случаи требуют коллективной интенциональности».⁸³ Фактически, у Д. Сёрля нет ответа на вопрос о том, каким образом частные институциональные факты могли бы стать коллективными. Он лишь признает, что эта проблема каким-то образом была решена на биологическом уровне.

Неудивительно, что итальянский философ Маурицио Феррарис также обратил внимание на то, что Д. Сёрль «...ставит всю социальную реальность в зависимость от действия совершенно загадочной сущности /.../ от коллективной интенциональности, берущей на себя ответственность по трансформации физического в социальное».⁸⁴ При этом М. Феррарис не просто критикует позицию Д. Сёрля, но и предлагает свое собственное решение.

По его мнению, «На самом деле социальные объекты совсем не подразумевают интенциональных действий, сознательно воплощающих объект в жизнь, — так, например, будто бы мы все одновременно мыслим о конституции. Нет, конституция написана, и с этого самого момента она имеет силу, даже если никто о ней больше и

---

⁸² Searle J. The Construction of Social Reality. - New York: The Free Press Edition, 1995. - 241 p., P. 25.

⁸³ Searle J. The Construction of Social Reality. - New York: The Free Press Edition, 1995. - 241 p., P. 59-60.

⁸⁴ Феррарис М. Что такое новый реализм? С. 145-159. // Вопросы философии. - 2014. - № 8. - С. 155.

не мыслит /.../ То есть, социальный объект – это результат социального акта /.../ он характеризуется тем, что зарегистрирован на бумаге, в компьютерном файле или даже просто в голове участвующих в этом акте людей. Будучи однажды зарегистрированным, социальный объект, зависимый от разумов в отношении своего происхождения, становится независимым в отношении своего существования...»⁸⁵

Однако похоже, что предложенное М. Феррарисом улучшение все-таки не решает проблему конституирования социальных объектов. Если у Д. Сёрля биологическая «мы-интенциональность» присуща каждому человеку, то М. Феррарису надо еще сконструировать механизм, с помощью которого «задокументированное» в головах двух индивидов событие могло бы стать коллективным. А ведь такой «документ» мысленно «завизировать» должна подавляющая часть индивидов.

Вот почему вряд ли можно согласиться с тем, что идея М. Феррариса наносит ущерб концепции Д. Сёрля, хотя сам М. Феррарис и уверен в том, что «...интенциональность происходит из документальности».⁸⁶ Похоже, что М. Феррарис здесь не учитывает следующие обстоятельства. Во-первых, сам термин «документальность» по отношению к до-письменной эпохе выглядит, как минимум, не соответствующим. А, во-вторых, чем эта «документальность» события, запечатленная в головах двух индивидов, отличается от приписывания «функции статуса» у Д. Сёрля?

В свою очередь, американская исследовательница Линн Бейкер критиковала Д. Сёрля за то, что его теория социальной реальности «...является вполне эпистемологической».⁸⁷ С одной стороны, Д. Сёрль утверждает, что мир «состоит из физических частиц», существующих независимо от нашего сознания, с другой

⁸⁵ Феррарис М. Что такое новый реализм? С. 145-159. // Вопросы философии. - 2014. - № 8. - С. 154.

⁸⁶ Феррарис М. Что такое новый реализм? С. 145-159. // Вопросы философии. - 2014. - № 8. - С. 155.

⁸⁷ Baker L. Just What is Social Ontology? P. 1-12. // Journal of Social Ontology. - 2019. - No 5 (1). - P. 1.

стороны у него: «социальная реальность существует лишь потому, что мы считаем, что она существует». Л. Бейкер пришла к выводу, что «...Сёрль не может одновременно иметь и социальную онтологию, и физикалистское воззрение на онтологию в целом».⁸⁸ Но, спрашивается, почему? Разве свойства социального мира исчерпываются свойствами физического?

В своем анализе Л. Бейкер руководствовалась принципом методологического холизма, а не индивидуализма, как Д. Сёрль. По ее мнению, «...принимая «социальную общность» за базисный элемент, можно охарактеризовать социальное свойство как свойство, реализация которого требует существования социальной общности».⁸⁹ Но многое ли это меняет? Ведь даже в этом случае, «социальное свойство» будет таким же коллективным представлением, как и у Д. Сёрля. С той лишь разницей, что Д. Сёрль ясно видит, что коллективное представление не может существовать само по себе. Каким-то образом оно должно быть присуще лишь персональным сознаниям. Как остроумно заметил нидерландский философ Ф. Хиндрикс: «Два человека, которые несут рояль наверх, делают это из-за совместного намерения. Однако, у них нет совместного мозга».⁹⁰

Д. Сёрль считает приписывание «функции статуса» исключительно человеческим свойством. По его словам, «Люди обладают особой способностью, которая, насколько мне известно, отсутствует у других видов животных, и которая заключается в том, что они могут навязывать функции объектам и другим людям, где функция выполняется /.../ в силу того факта, что этому лицу или объекту присвоен определенный статус, и с этим статусом они наделяются *функцией, которая может*

⁸⁸ Baker L. Just What is Social Ontology? P. 1-12. // Journal of Social Ontology. - 2019. - No 5 (1). - P. 3.

⁸⁹ Baker L. Just What is Social Ontology? P. 1-12. // Journal of Social Ontology. - 2019. - No 5 (1). - P. 10.

⁹⁰ Hindriks F. Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents, Raimo Tuomela. Oxford: Oxford University Press, 2013. - 310 p. Review, P. 341-348. // Economics and Philosophy. - 2015. - No 31 (2). - P. 344.

быть выполнена только в силу *коллективного признания...*⁹¹ (выделено Д. Сёрлем — А.А.)

Однако, на взгляд автора работы, Д. Сёрль здесь излишне категоричен. По меньшей мере, в своей знаменитой книге «В тени человека»⁹² английский приматолог Джейн ван Гудолл описывает как менее сильный самец - шимпанзе Майк, - производя шум с помощью украденных у людей канистр от керосина смог отнять лидерство в стаде у физически гораздо более крепкого самца Голиафа.

Д. Сёрль уверен в том, что: «...если биолог, изучающий приматов, идентифицирует конкретного шимпанзе как Альфа-Самца, то он не привержен мнению, что шимпанзе или его коллеги думают: «Он — Альфа-Самец». Но если антрополог идентифицирует какого-то человека в племени как «вождя», он привержен мнению, что члены племени считают его вождем...»⁹³

А между тем, именно коллективное признание сильных самцов позволило Майку приобрести статус альфа-самца в стаде шимпанзе в национальном парке Гомбе-Стрим (Танзания), за которым наблюдала Д. ван Гудолл. Все произошло в полном соответствии с требованиями самого Д. Сёрля. Причем, коллективное признание Майка альфа-самцом наделило его также и деонтическими полномочиями. Не только обязанностью защищать всех детенышей и самок, но также и первоочередным правом на пищу и внимание противоположного пола.

Особую роль в социальной онтологии Д. Сёрль отводит естественному человеческому языку. Язык, по его мнению, «...это не просто один из институтов. Это центральный институт, так как все другие институты предполагают язык, но язык не предполагает их».⁹⁴

⁹¹ Searle J. Money: Ontology and Deception, P. 1453-1470. // Cambridge Journal of Economics. - 2017. - No 41. - P. 1457.

⁹² Лавик-Гудолл ван Д. В тени человека. Пер. с англ. Е. Годиной. - М.: Мир, 1974. - 210 с.

⁹³ Searle J. Commentary. The Limits of Emergence: Reply to Tony Lawson, P. 1-13. // Journal for the Theory of Social Behaviour. - 2016. - No 46 (4). - P. 3.

⁹⁴ Searle J. Commentary. The Limits of Emergence: Reply to Tony Lawson, P. 1-13. // Journal for the Theory of Social Behaviour. - 2016. - No 46 (4). - P. 3.

Именно с помощью языка, считает Д. Сёрль, действительность наделяется сверх-реальным общественным статусом. И эти «декларации статуса» возникают как раз с помощью речевых высказываний, цель которых «...состоит в том, чтобы изменить действительность так, чтобы она соответствовала содержанию речевого акта».⁹⁵ В качестве примера такой декларации Д. Сёрль приводит выражение: «Я прошу, чтобы Вы вышли из комнаты».

Человеческие языки могут порождать институциональные факты потому, что они «...обладают замечательной способностью, которой не обладают другие животные системы общения, создавать реальность, представляя эту реальность как существующую».⁹⁶ Вот почему, по мнению Д. Сёрля, «пчелиного языка» или «системы передачи сигналов животными» здесь явно недостаточно. Чтобы появились институциональные факты с необходимыми деонтическими полномочиями нужен достаточно развитый язык. Правда, возникает вопрос, как такой, создающий социальное язык мог бы возникнуть до появления самого социального?

В такой ситуации Д. Сёрлю остается лишь «...предположить две вещи: у нас должен быть язык, чтобы иметь деонтологию, и такой язык должен развиваться из пре-деонтических способов коммуникации. Вопрос в том, как деонтология развивается с помощью языка? Мы знаем, что он действительно эволюционировал так что должен быть ответ на вопрос о том, как он мог развиваться, и это вопрос, на который я пытаюсь ответить. Это обычная проблема куриного яйца, и в отсутствие эволюционных доказательств мы вынуждены прибегнуть к определенному количеству спекуляций».⁹⁷

⁹⁵ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 12.

⁹⁶ Searle J. Replies, P. 733-741. // Analysis Reviews. - 2011. - Vol. 71. No 4. - P. 734.

⁹⁷ Searle J. Commentary. The Limits of Emergence: Reply to Tony Lawson, P. 1-13. // Journal for the Theory of Social Behaviour. - 2016. - No 46 (4). - P. 11.

И такой «спекуляцией», по наблюдению А.А. Санженакова у Д. Сёрля является то, что «...язык, будучи также институтом, требует для своего создания язык, что является порочным кругом».⁹⁸ Вот почему Д. Сёрлю приходится рассматривать язык как одновременно и «биологический и социальный».⁹⁹ Но это не проясняет проблему рождения социальных фактов, а лишь переносит ее на биологический уровень. Д. Сёрль убежден в том, что «...вся институциональная действительность создана лингвистическим представлением».¹⁰⁰ Но каким образом «лингвистическое представление» могло бы возникнуть раньше самого языка?

Впрочем, эти трудности не столько говорят о слабости концепции социальной онтологии Д. Сёрля, сколько о нерешенности проблемы происхождения языка. Ведь несмотря на отмеченные слабости позиции Д. Сёрля, все-таки, следует признать, что при помощи «коллективной интенциональности» ему удалось вписать социальную онтологию в контекст онтологии общефилософской.

Что же касается различий между социальной онтологией и экономической онтологией, то Д. Сёрль их попросту не проводит. Во всяком случае, деньги для него — это все та же обычная «...статусная функция».¹⁰¹

Другой не менее важной для философских наук концепцией социальной онтологии является та, что принадлежит английскому философу Тони Лоусону, которого по справедливости считают инициатором «онтологического поворота» в экономической науке. Именно в дискуссии вокруг «онтологического поворота», в которой приняли участие не только представители сложившейся вокруг Т. Лоусона

⁹⁸ Санженаков А.А. О различии подходов Сёрля и Дюркгейма к описанию социальной реальности, С. 189-198. // Сибирский философский журнал. - 2019. - Т. 17. № 2. - С. 193.

⁹⁹ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 61.

¹⁰⁰ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization. - Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. - 208 p., P. 14.

¹⁰¹ Searle J. Money: Ontology and Deception, P. 1453–1470. // Cambridge Journal of Economics. - 2017. - No 41. - P. 1453.

Кембриджской социально-онтологической группы¹⁰², но также У. Мяки, Э. Аудионат, Б. Эпштейн, О.И. Ананьин, И.А. Болдырев и другие не менее известные философы и экономисты, как раз и сложилось понятие о предмете и социальной онтологии, и экономической онтологии.

Многие пункты в социальных онтологиях у Д. Сёрля и Т. Лоусона являются схожими. Анализ показывает, что, если у Д. Сёрля в его онтологии главными пунктами являются «коллективная интенциональность» и «функции статуса», порождающие «деонтические полномочия», то у Тони Лоусона эту роль играют «социальные правила, отношения и позиции».

Причем Т. Лоусон пишет о социальных правилах, не делая различий — законы это, моральные нормы или религиозные табу. Словом, абстрагируясь от степени обязательности их выполнения. Вот почему, несмотря на то, что он рассматривает социальный мир как структурированный разного рода кодексами, ограничивающими практику, у Т. Лоусона нет никаких иллюзий насчет того, что в реальной жизни «...человеческое поведение редко бывает полностью предсказуемым, если вообще когда-либо бывает».¹⁰³

И все-таки, благодаря наличию в обществе социальных правил, предсказуемость экономического поведения обычно бывает достаточной для того, чтобы человеческая практика оказывалась эффективной. В качестве доказательства Т. Лоусон приводит в пример поведение водителей на автомагистралях в Великобритании, которые, хоть и превышают установленную законом скорость, но, как правило, ненамного, так как опасаются быть пойманными полицией.

¹⁰² Кембриджская группа социальной онтологии (Cambridge Social Ontology Group - CSOG), в состав которой входят как экономисты, так и социальные философы (Т. Лоусон, К. Лоусон, Ф. Фаулкнер, А. Александрова, П. Льюис, С. Праттен, Дж. Лацис и Д. Эльдер-Васс), организационно оформилась на базе еженедельного семинара по критическому реализму в Кембриджском университете под руководством Тони Лоусона.

¹⁰³ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 37.

Помимо правил поведения в структуре социальной реальности Т. Лоусон выделяет также и *социальные позиции*, такие, например, как преподаватели и студенты, работодатели и работники, проповедники и прихожане и т. п. Причем у каждой из этих социальных групп есть еще и свои правила. Вот почему большинство индивидов занимают в обществе несколько социальных позиций как в плане синхронии, так и в плане диахронии.

Т. Лоусон придает наличию в обществе социальных позиций большое значение, так как, по его мнению, это доказывает, что люди в обществе так тесно связаны между собой, что их выбор просто никак не может быть выбором «экономического человека» неоклассической экономической теории, действующего как изолированный атом.

Кроме того, в структуре социальной реальности Т. Лоусон различает также и «социальные институты», которые он определил как «...особые социальные системы или структурированные процессы взаимодействия, которые являются относительно устойчивыми и идентифицируются как таковые...»¹⁰⁴

Из этого видно, что по отношению к структуре социальной реальности концепции Д. Сёрля и Т. Лоусона мало чем отличаются друг от друга. И главной оригинальной чертой концепции Т. Лоусона является его критика онтологических основ неоклассической экономической теории. Причем, об этом известно из первых уст, поскольку между Д. Сёрлем и Т. Лоусоном состоялась публичная дискуссия, выразившаяся в обмене критическими статьями.

По мнению Т. Лоусона, Д. Сёрль так и не смог решить «...вопрос о том, каким образом язык мог бы выйти из неязыковой практики».¹⁰⁵ А без этого говорить о фундаментальной роли языка в социальной онтологии и о том, что «вся деонтология

¹⁰⁴ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 43.

¹⁰⁵ Lawson T. Some Critical Issues in Social Ontology: Reply to John Searle, P. 426-438. // Journal for the Theory of Social Behaviour. - 2016. - No 46 (4). - P. 429.

требует той или иной формы лингвистического представления», — это все равно, что делить шкуру неубитого медведя.

По всей видимости, часть отличий между концепциями социальной онтологии Д. Сёрля и Т. Лоусона, была порождена различием их научных специальностей. Будучи по образованию математиком, в котором вдруг проснулся интерес к экономике, Т. Лоусон тонко чувствует границы той и другой дисциплины. Возможно поэтому он и обратил внимание на то, что, ставшая прикладной математикой неоклассическая экономическая теория, отражает действительность не в полной мере.

По мнению Т. Лоусона, сторонники неоклассической экономической теории рассматривают социальную жизнь по аналогии с жизнью природы так, как будто она основана на некоем наборе констант. Чем меньше изменчивых элементов будет в жизни общества, тем, с точки зрения сторонников неоклассической экономической теории, точнее окажутся и описывающие его математические модели. Т. Лоусон здесь видит опасность в том, что в подобного рода математических моделях точность описания обратно пропорциональна их адекватности, так как жизнь общества находится в постоянном движении.

А кроме того, рациональный выбор в обществе осуществляют обычные люди, включенные в те или иные социальные группы, со своими пристрастиями и представлениями о жизни, а не природные изолированные атомы. По мнению Т. Лоусона, сама «...социальная действительность совсем не атомистична...»¹⁰⁶ Она не упорядочена так жестко, как мир природы. А значит, к ней плохо подходят и те математические модели, которые заранее подразумевают стабильность окружающей

---

¹⁰⁶ Lawson T. Mathematical Formalism in Economics: what really is the Problem? In book: Methodology, Microeconomics and Keynes. Essays in Honour of Victoria Chick, Volume 2. Chapter: 8. Edited by Philip Arestis, Meghnad Desai, Sheila Dow. - London: Routledge, 2002. - 252 p., P. 78.

среды, где «Если происходит событие (типа) x , то всегда происходит событие (типа) y »¹⁰⁷ Т. Лоусон называет такие системы закрытыми.

На самом деле, по его мнению, социальные системы вовсе не так закрыты, как этого хотелось бы неоклассическим теоретикам. Вот почему Т. Лоусон и пришел к выводу, что «...современная экономическая дисциплина требует отказа от доминирующих в настоящее время методов математико-дедуктивистского моделирования...»¹⁰⁸

При этом Т. Лоусон вовсе не против математики в экономической теории. Он просто исходит из того, что «Все методы анализа соответствуют лишь определенным видам материала, а вовсе не всем. Это так же верно для математических методов, как и для всех остальных».¹⁰⁹ Что же касается современной экономической науки, то, по мнению Т. Лоусона, «можно не сомневаться» в том, что там явным образом «...доминирует проект, который пытается применить математические методы ко всем областям исследования».¹¹⁰

Подгонка изучаемых явлений под метод, а не подбор необходимых методов к изучаемым явлениям сказались и на результатах современной экономической теории, которая не смогла предсказать ни азиатский кризис 1998 года, ни кризис интернет-компаний в США 2000 года, ни финансовый кризис 2008-2009 годов.

По крайней мере, Т. Лоусон имел все основания прийти к выводу, что кризисы в развитии мировой экономики, отчасти, объясняются тем, что математические методы в экономической теории используют даже в тех ситуациях, к которым они явно не подходят. Вот почему Т. Лоусон даже говорит о неоклассической

¹⁰⁷ Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма, С. 77-98. // Вопросы экономики. - 2006. - № 2. - С. 83.

¹⁰⁸ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. XXII.

¹⁰⁹ Lawson T. The nature of heterodox economics, P. 483-505. // Cambridge Journal of Economics. - 2006. - No 30. - P. 493.

¹¹⁰ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 3.

экономической теории, превратившей экономическую науку в прикладную математику как о «...фундаментально неверной теории».¹¹¹

И хотя, конечно же, это заявление носит чересчур полемический характер все-таки, по мнению автора работы, Т. Лоусон здесь прав в том, что «...ключевой недостаток мэйнстрима состоит в пренебрежении изучением природы социальной реальности...»¹¹² Правда, по мысли Т. Лоусона, это пренебрежение - всего лишь кажущееся, так как «...методы математико-дедуктивистского моделирования, как и все методы, несомненно, имеют свои онтологические предпосылки».¹¹³ И главной из таких предпосылок неоклассической экономической теории, Т. Лоусон считает «принятие конкретного за общее» и «универсализацию» как самой теории, так и действующего в ней «экономического человека». Ведь, по словам Т. Лоусона: «...экономисты - сторонники неоклассического мэйнстрима придерживаются мнения, что все люди везде одинаковы».¹¹⁴

В начале своей академической карьеры Т. Лоусон просто критиковал неоклассическую экономическую теорию за очевидное отсутствие интереса к сущности социальной реальности. Однако, в конце концов, ему пришлось и самому заняться изучением этой реальности. И начал Т. Лоусон с обращения к изучению онтологии природы. При этом в конце 1980-х годов он обнаружил¹¹⁵, что его восприятие мира практически полностью совпадает с теоретическими взглядами Р. Бхаскара, о котором ранее Т. Лоусон никогда не слышал.

«Альтернативный взгляд, который я отстаиваю, следуя идеям Бхаскара, - писал Т. Лоусон, - можно в самом общем виде обозначить как *трансцендентальный*

¹¹¹ Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма, С. 77-98. // Вопросы экономики. - 2006. - № 2. - С. 81.

¹¹² Лоусон Т. Что может предложить реализм? // Философия экономики. Антология. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с., С. 436.

¹¹³ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 12.

¹¹⁴ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 55.

¹¹⁵ See: Dunn S. Cambridge Economics, Heterodoxy and Ontology: An Interview with Tony Lawson, P. 481-496. // Review of Political Economy. - 2009. - Vol. 21. No 3. - P. 485.

*реализм*¹¹⁶ (курсив Т. Лоусона — А.А.). В соответствии с этим подходом мир, являющийся объектом научного исследования, состоит не только из событий, данных нам в опыте или в восприятии, но и из (не сводимых к ним) структур, механизмов, движущих сил и тенденций, которые хотя и не являются напрямую наблюдаемыми, но тем не менее лежат в основе реальных событий, управляют ими или облегчают их осуществление».¹¹⁷

Иллюстрируя разницу между трансцендентальным реализмом Р. Бхаскара и эмпирическим реализмом (то есть в терминологии Р. Бхаскара - позитивизмом), Т. Лоусон приводит в пример падающий осенний лист. Что нам дано в этом опыте? Мы видим лист, и мы видим землю. Но мы не видим гравитацию. А между тем, именно из-за нее лист, в конце концов, окажется на земле. Из этого следует, что наша жизнь устроена гораздо сложнее, чем это кажется эмпирическим реалистам, и за обычными видимыми явлениями могут стоять порождающие их структуры, механизмы и движущие силы.

А поскольку законы структурного строения окружающего нас мира носят фундаментальный характер, то, рассуждая последовательно, Т. Лоусон, в конце концов, и пришел к выводу, что «...на самом общем уровне трансцендентально-реалистическая онтология может быть перенесена и в социальную сферу».¹¹⁸ При этом под «социальной реальностью» Т. Лоусон всегда понимал «...ту область всех явлений, существование которых, по крайней мере частично, зависит от нас».¹¹⁹

---

¹¹⁶ По определению Р. Бхаскара: «трансцендентальный реализм» - это «...учение, которое объединяет как классический эмпиризм, так и трансцендентальный идеализм. «Реализм» обычно ассоциируется философами с позициями в теории восприятия или теории универсалий. В первом случае рассматриваемая реальная сущность является определенным конкретным объектом восприятия; в последнем случае какая-либо общая особенность или свойство мира. «Реальные сущности», которыми занимается трансцендентальный реалист, являются объектами научных открытий и исследований, таких как причинно-следственные законы». (Bhaskar R. A Realist Theory of Science. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2008. - 277 p., P. 16)

¹¹⁷ Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма, С. 77-98. // Вопросы экономики. - 2006. - № 2. - С. 86.

¹¹⁸ Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма, С. 77-98. // Вопросы экономики. - 2006. - № 2. - С. 90.

¹¹⁹ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 16.

Вот каковы основные черты социальной и экономической онтологии Т. Лоусона, многие из которых по сей день остаются дискуссионными. И, надо признать, что немного найдется концепций в экономической науке, которые бы подверглись такой интенсивной критике как со стороны противников, так и со стороны сторонников Т. Лоусона.

Большая часть замечаний, конечно же, была высказана приверженцами неоклассической экономической теории. Ведь для ее сторонников мыслить теоретически - значит «строить математическую модель». Т. Лоусон же утверждал, что «...математическое моделирование, безусловно, не имеет существенного значения для социального теоретизирования и понимания».¹²⁰

В частности, с этим не согласилась такая известная представительница неоклассической экономической теории как Джулия Райсс. Полемизируя с Т. Лоусоном в ходе дискуссии о роли моделей в экономической теории, она обратила внимание на то, что «Абсолютно точное представление, которое отражало бы каждую деталь, лишило бы карту ее подлинного назначения, и сделало бы ее совершенно бесполезной. Подлинные карты должны идеализировать в большой степени - например, опуская бесчисленные детали или преднамеренно искажая их для упрощения (когда, скажем, кривая улица представлена как прямая). Что-то аналогичное верно и для моделей в науке».¹²¹

Даже представители критического реализма в экономической науке, например, У. Мьяки вынуждены были признать, что «Модели - это лаборатории экономических теоретиков».¹²² А значит, часть «дедуктивно-математических моделей», которые не приемлет Т. Лоусон, могут оказаться, своего рода, мысленными экспериментами.

¹²⁰ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 8.

¹²¹ Reiss J. Idealization and the Aims of Economics: three Cheers for Instrumentalism, P. 363-383. // Economics and Philosophy. - 2012. - No 28. - P. 367.

¹²² Mäki U. Models are experiments, experiments are models, P. 303-315. // Journal of Economic Methodology. - 2005. - No 12 (2). - P. 308.

Эти, и подобные им доводы говорят о том, что, вопреки Т. Лоусону, полная ликвидация математических моделей в экономической теории вряд ли принесет ей пользу.

Критике подверглась и такая важная сторона социальной онтологии Т. Лоусона как деление между «закрытым» и «открытым» характером социальной реальности в представлении различных экономических школ. Нет сомнений, что «закрытый» характер социальной среды, предполагающий ее равновесное состояние, обеспечивает лучшие результаты для применения к ней дедуктивно-математических моделей. Однако, по мнению Т. Лоусона, на самом деле: «...социальный мир является открытой, дифференцированной и динамично формирующейся областью...»¹²³ А значит, и применение к такому миру дедуктивно-математических моделей, в конце концов, ведет к их частичной или полной неадекватности.

Против такого абстрактного, не знающего исключений, характера определений Т. Лоусона и выступили, в частности, английские экономисты С. Мохун и Р. Венециани. По их словам, «Хотя социальная сфера может быть в целом и открыта, структурирована и так далее, все же неясно, в какой степени *каждое социальное* явление обладает этими особенностями, и обладает ли оно ими *в такой степени* (курсив С. Мохуна и Р. Венециани — А.А.), что это делает применение формальных моделей неадекватным».¹²⁴ В конце концов, открытость социальных систем также имеет свои пределы. По остроумному замечанию английского экономиста Джеми Моргана «...полностью открытая система по определению не является системой».¹²⁵

Английский институционалист Дж. Ходжсон обратил внимание на то, что «Любое теоретизирование в науке включает абстракции (или изоляцию), которые

¹²³ Dunn S. Cambridge Economics, Heterodoxy and Ontology: An Interview with Tony Lawson, P. 481-496. // Review of Political Economy. - 2009. - Vol. 21. No 3. - P. 493.

¹²⁴ Mohun S., Veneziani R. Reorienting Economics? P. 126-145. // Philosophy of the Social Sciences. - 2012. - No 42 (1). - P. 130.

¹²⁵ Morgan J. Seeing the Potential of Realism in Economics, P. 176-201. // Philosophy of the Social Sciences. - 2015. - Vol. 45 (2). - P. 180.

приводят к некоторому частичному или временному закрытию в теории /.../ Неортодоксальная теория в экономике также не является в этом отношении неким исключением. Следовательно, попытка Лоусона разделить мейнстрим и неортодоксальную экономику на основе этого принципа (открытости-закрытости социальной реальности — А.А.) является ошибкой». ¹²⁶

Даже такой сторонник Т. Лоусона как английский экономист Стив Флитвуд вынужден был признать, что «Все модели упрощают и абстрагируют, но упрощение и абстрагирование не обязательно требуют системного закрытия. Все модели идеализируют, но только некоторые требуют системного закрытия». ¹²⁷ А значит, сама по себе «закрытость» какой-либо системы еще не может считаться минусом теоретического подхода, которого следует избегать любым способом.

В свою очередь, американский философ Дуглас Порпора критиковал концепцию социальной реальности Т. Лоусона с марксистских позиций. Он отметил, что Т. Лоусону тяжело «...расширить свою онтологию отношений за рамки того, что его акторы субъективно признают правами и обязанностями». По этой причине Д. Порпора пришел к выводу, что «Социальная онтология Лоусона /.../ является слишком скудной и слишком субъективистской». ¹²⁸ Однако с такой оценкой едва ли можно согласиться.

В своем анализе Д. Порпора использовал ленинское деление общественных отношений на, так называемые, «идеологические», то есть проходящие через человеческое сознание, и «материальные», которые не осознаются людьми, существуя, тем не менее, реально. Марксизм признает, что в большинстве своем люди действуют сознательно. Но поскольку в обществе они разделены по классам,

¹²⁶ Hodgson G. Characterizing Institutional and Heterodox Economics - A Reply to Tony Lawson, P. 213-223. // *Evol. Inst. Econ. Rev.* - 2006. - No 2 (2). - P. 215.

¹²⁷ Fleetwood S. The critical realist conception of open and closed systems, P. 41-68. // *Journal of Economic Methodology.* - 2017. - Vol. 24. No. 1. - P. 45.

¹²⁸ Porpora D. Response to Tony Lawson: Sociology Versus Economics and Philosophy, P. 420-425. // *Journal for the Theory of Social Behaviour.* - 2016. - No 46 (4). - P. 423.

профессиям или, как у Т. Лоусона «по социальным позициям», постольку один человек стремится к одному, другой — к другому, в результате чего появляется нечто третье, чего вообще никто не хотел. Д. Порпора посчитал, что концепцией Т. Лоусона учитываются лишь отношения, которые В.И. Ленин называл «идеологическими».

Однако, на самом деле, это не так. По мнению Т. Лоусона, «...особенностью опыта является то, что многие, по сути, большинство наших намеренных действий осуществляются без нашего прямого и явного рассмотрения их».¹²⁹ А значит, «Признание того, что многие человеческие дела совершаются без предумышленных или обдуманных действий, не означает, что они не направлены».¹³⁰

В конце концов, в ходе дискуссий возобладало мнение, что в концепции социальной онтологии Т. Лоусона критическое начало явно взяло верх над началом позитивным. Как по выражению итальянского экономиста Джулио Палермо, «Модель совершенной конкуренции служит не для того, чтобы понять, как работает реальный мир, а для того, чтобы понять, как он не работает»¹³¹, так и критическое выступление Т. Лоусона против неоклассической экономической теории, в значительной степени, показало, какой экономической теорией быть не должна.

Что же касается позиции Т. Лоусона по вопросу об отношениях социального и экономического, то, по его мнению, которое автор работы привел в первом параграфе диссертации, «нет никакого законного основания для различения отдельной науки об экономике».

Это же не различение социального и экономического характерно и для концепции социальной онтологии Ф. Гуалы, считающего, что социальные институты возникают в точке равновесия стремлений индивидов, и для концепции

---

¹²⁹ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 47.

¹³⁰ Lawson T. Reorienting Economics. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p., P. 48.

¹³¹ Palermo G. The economic debate on power: A Marxist critique, P. 123-141. // Journal of Economic Methodology. - 2014. - Vol. 21. N. 2. - P. 133.

М. Феррариса, который в основу социальной онтологии положил «документированность» индивидами происходящих событий.

Таким образом, рассмотрев концепции положительного определения социальной онтологии и экономической онтологии наиболее авторитетных и общепризнанных в современной социальной философии авторов — Джона Сёрля (коллективная интенциональность), Тони Лоусона (Кембриджская школа), Франческо Гуалы («равновесная модель» институтов) и Маурицио Феррариса (новый реализм) — автор работы пришел к следующим выводам:

1. Положительные определения социальной онтологии и экономической онтологии, предложенные Д. Сёрлем, Т. Лоусоном, Ф. Гуалой и М. Феррарисом, не дают работающих критериев для предметного различия между этими областями знания.

2. По мнению диссертанта, так происходит потому, что неоклассическая экономическая теория, применяя феноменологическую методологию позитивизма, сводит сущность экономического к рациональному выбору индивидов в условиях дефицита ресурсов. Такой подход является слишком узким не только в рамках экономической онтологии, но даже и в рамках онтологии социальной.

3. А поскольку примененная Д. Сёрлем, Т. Лоусоном, Ф. Гуалой и М. Феррарисом феноменологическая методология не смогла эффективно определить существующие различия между социальной онтологией и экономической онтологией, постольку, по мнению автора работы, для решения этой задачи следует использовать альтернативную ей методологию - эссенциалистскую.

§ 1.4. Анализ дискуссии о научном статусе социальной онтологии и экономической онтологии

Начиная с 2015 года, в своих исследованиях Т. Лоусон «...счел полезным провести различие между социально-философской онтологией и социально-научной онтологией».¹³² По его словам, «Первая связана с особенностями, которые сохраняются или действуют во всей социальной сфере, то есть с особенностями социального бытия как такового... /.../ Напротив, социально-научная онтология связана с тем, как формируются конкретные результаты или социальные объекты (деньги, рынки, города, корпорации, технологии, гендер, университеты) на основе или в соответствии с более общими характеристиками, разработанными в рамках философской онтологии».¹³³

Фактически, это был путь к возрождению старой философской традиции. Как отмечал американский философ Маркс Вартофский, после Рене Декарта «...в основания современной науки и философии была введена альтернатива: реализм — инструментализм. Эта альтернатива породила два понимания науки: (1) наука — это исследование истины в том смысле, что она формулирует и обосновывает истинные суждения относительно мира, природы или природного бытия; (2) наука — это инструмент предвосхищения будущих данных опыта на основе открываемых и формулируемых закономерностей в прошедшем опыте (либо посредством индукции, с одной точки зрения, либо посредством изобретения проверяемых гипотез — с

---

¹³² See: Lawson T. Critical Ethical Naturalism: An Orientation to Ethics, P. 359-387. // Social Ontology and Modern Economics. Edited by Stephen Pratten. - New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2015. - 605 p.

¹³³ Lawson T. The Nature of Social Reality. Issues in Social Ontology. - New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2019. - 281 p., P. 11.

другой)».¹³⁴ В первом случае наука познает саму реальность, существующую независимо от нашего познания. Во втором случае лишь упорядочивает наш опыт, создавая полезные эвристически, но к реальности не имеющие отношения абстрактные конструкции.

Впрочем, следует заметить, что еще раньше средневековые логики различали два типа утверждений: *de re* и *de dicto*. То есть о самой реальности или о тех или иных высказываниях о реальности.

И, надо признать, что предложенное Т. Лоусоном деление социальной онтологии на ее философскую и научную версии, в конце концов, было принято философским сообществом, о чем свидетельствует дискуссия вокруг статьи американского экономиста Ричарда Лауэра «Предшествует ли социальная онтология социальной научной методологии?»¹³⁵, прошедшая в 2019 году на страницах журнала «Philosophy of the Social Sciences».

Р. Лауэр не только противопоставил философский и научный взгляды на социальную онтологию, но и выразил сомнение в необходимости существования онтологии как философской дисциплины. При этом Р. Лауэр признал, что немало философов, в том числе и такие известные как Д. Сёрль или Брайан Эпштейн считают, что онтология важна.¹³⁶ Д. Сёрль, например, недвусмысленно высказался о том, что «...там, где речь идет о социальных науках, социальная онтология предшествует методологии и теории. Она является приоритетной в том смысле, что, если у вас нет четкого представления о природе исследуемых явлений, вы вряд ли

¹³⁴ Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке, С. 43-110. // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. - М.: Издательство «Прогресс», 1978. - 487 с., С. 56.

¹³⁵ Lauer R. Is Social Ontology prior to Social Scientific Methodology? // Philosophy of the Social Sciences. - 2019. - Vol. 49 (3). - P. 171-189.

¹³⁶ See: Searle J. Language and Social Ontology. // Theory and Society. - 2008. - No 37. - P. 443-459; Epstein B. The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences. - New York: Oxford University Press, 2015. - 298 p.

сможете разработать правильную методологию и правильный теоретический аппарат для проведения исследования».¹³⁷

Р. Лауэр назвал подобные взгляды «реалистическими «Онтология важна!»-аргументами». Но сам он был склонен поддержать, по его словам, «прагматическую альтернативу» этим представлениям или тот взгляд, что «...желательность социальной онтологии зависит от ее эмпирических достоинств».¹³⁸

С точки зрения Р. Лауэра, ценность социальной онтологии зависит не от того, насколько успешно она отражает реальность общества, а от того, насколько успешными будут научные теории, исходящие именно из таких, а не иных представлений о социальном мире, вне зависимости от того, верны они или нет. Вот что, например, Р. Лауэр пишет по поводу разницы между прагматической и реалистической точками зрения:

«Прагматический взгляд: Социальная онтология может способствовать эмпирическому успеху, вводя утверждения в наши социальные научные теории и модели, которые делают их эмпирически адекватными. Эти заявления не влекут за собой приверженности тому, что есть.

«Реалистический взгляд: (курсив Р. Лауэра — А.А.) Социальная онтология может помочь в эмпирическом успехе благодаря успешному ответу на онтологические вопросы. Социальные научные теории и модели становятся эмпирически адекватными, определяя то, что существует».¹³⁹ Характерно, что еще один участник дискуссии — нидерландский философ Симон Лозе прямо назвал

¹³⁷ Searle J. Language and Social Ontology, P. 443-459. // Theory and Society. - 2008. - No 37. - P. 443-444.

¹³⁸ Lauer R. Is Social Ontology prior to Social Scientific Methodology? P. 171-189. // Philosophy of the Social Sciences. - 2019. - Vol. 49 (3). - P. 172.

¹³⁹ Lauer R. Is Social Ontology prior to Social Scientific Methodology? P. 171-189. // Philosophy of the Social Sciences. - 2019. - Vol. 49 (3). - P. 183.

выделенные Р. Лауэром точки зрения: *онтологическим фундаментализмом и антионтологическим прагматизмом* (курсив С. Лозе — А.А.).¹⁴⁰

Однако, как бы по-разному не назывались выделенные Р. Лауэром точки зрения, стоит их поместить в контекст развития философии науки, как становится ясно, что позиция Р. Лауэра вполне тождественна точке зрения известного французского физика и философа Пьера Дюгема. Вот что, к примеру, в свое время писал о физической науке П. Дюгем: «...правильной мы должны считать не такую теорию, которая дает объяснение физическим явлениям, соответствующее действительности, а такую, которая наиболее удовлетворительным образом выражает группу экспериментально установленных законов».¹⁴¹

После научной революции конца XIX века, связанной в первую очередь с открытием делимости атома, физика оказалась на распутье. Перед философами встал вопрос: а существует ли реальность, отличная от чувственных явлений? И если она все же есть, то какова ее природа? Как считал П. Дюгем: «Эти два вопроса не могут быть решены методом экспериментальным: этот метод знает только чувственные явления и ничего открыть не может, что выходит за пределы их. Решение этих вопросов выходит за пределы методов, основанных на наблюдении, — методов, которыми пользуется физика; это уже дело метафизики».¹⁴²

Но в метафизике имеется множество объяснений реальности. По этой причине физика, основывающаяся на метафизике, просто не может дать единого объяснения физическим явлениям. Вот почему у П. Дюгема и возникла мысль: «Нельзя ли поставить перед физической теорией такую цель, чтобы она стала самостоятельной? Если она будет основана на принципах, не заимствованных ни из одной

¹⁴⁰ See: Lohse S. Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice, P. 3-27. // Philosophy of the Social Sciences. - 2017. - Vol. 47 (1). - P. 7.

¹⁴¹ Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. Пер. с фр. / Предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 328 с., С. 26.

¹⁴² Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. Пер. с фр. / Предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 328 с., С. 12.

метафизической доктрины, можно будет оценивать ее самое без всякой связи с различными философскими школами, сторонниками которых те или другие физики являются.

Нельзя ли придумать метод, достаточный для того, чтобы построить физическую теорию?»¹⁴³ И вскорости такой метод был найден — это математика.

Отныне теоретическая физика опиралась уже не на метафизику, а на математику. «Требования алгебраической логики — единственное, чему ученый автор должен удовлетворять, развивая свою теорию. Величины, на которых основываются его вычисления, вовсе не претендуют на то, чтобы быть физическими реальностями, принципы из которых он исходит в своих выводах, вовсе не претендуют на то, чтобы быть выражением действительных отношений между такими реальностями. Поэтому, не имеет ни малейшего значения вопрос, соответствуют ли операции, которые он совершает, реальным или даже только мыслимым физическим изменениям или нет. Все, что мы вправе от него требовать, это, чтобы его значения были правильны и его вычисления точны».¹⁴⁴

Кажется, трудно здесь не заметить сходства между проблемами, которые стоят перед экономической наукой сегодня и теми, которые в начале XX века стояли перед физикой. Да и математическое решение этих проблем неоклассической экономической теорией, по сути, оказалось тем же самым. Ведь «...при записи, и при чтении формализованного текста совершенно несущественно, приписывается ли словам и знакам этого текста то или иное значение или даже не приписывается никакого, — важно лишь точное соблюдение правил синтаксиса».¹⁴⁵

¹⁴³ Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. Пер. с фр. / Предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 328 с., С. 24.

¹⁴⁴ Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. Пер. с фр. / Предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 328 с., С. 25-26.

¹⁴⁵ Бурбаки Н. Теория множеств. - М.: Мир, 1965. - 456 с., С. 24.

Фактически, в экономической науке Р. Лауэр придерживается тех же инструменталистских позиций, что и в свое время П. Дюгем в физике. С его точки зрения, и научные реалисты, и научные антиреалисты¹⁴⁶ «...могли бы признать электрон существующим в физической теории, имея при этом весьма различные представления о том, что следует понимать под этим существованием».¹⁴⁷ У Р. Лауэра речь идет именно об «...инструментальной ценности онтологических предположений для социального научного теоретизирования без соответствующей приверженности реализму».¹⁴⁸

Однако это, как минимум, неоднозначная постановка вопроса. В свое время У. Мяки писал о том, что «Ни один из реалистов не готов настаивать на существовании *всех* (курсив У. Мяки — А.А.) постулируемых универсалий, партикулярий, объектов здравого смысла и/или научных объектов (иначе пришлось бы признать, что Дед Мороз, кентавры и флогистон не менее реальны, чем чайные листья или молекулы ДНК)».¹⁴⁹ И, все же, фактически, заранее ставить электрон на одну доску с дедом Морозом, с точки зрения философии науки, едва ли приемлемо. Неудивительно, что выводы статьи Р. Лауэра многим участникам дискуссии показались спорными.

Один из них, уже упомянутый С. Лозе, отверг и «реалистическую», и «прагматическую» точки зрения, предложенные Р. Лауэром. В целом С. Лозе не ставит под сомнение необходимость онтологии для развития науки. Однако, по его мнению, с одной стороны, «Онтологические исследования не

¹⁴⁶ «Научный реализм» и «научный антиреализм» - эпистемологические позиции в аналитической философии, сформулированные английским философом Майклом Даммитом. Научные реалисты считают, что наука изучает мир таким, каков он есть, в логике его собственного бытия. Научные антиреалисты полагают, что науке доступен лишь тот мир, который ею самой и сконструирован.

¹⁴⁷ Lauer R. Instrumentalizing and Naturalizing Social Ontology: Replies to Lohse and Little, P. 24-39. // *Philosophy of the Social Sciences*. - 2021. - Vol. 51 (1). - P. 33.

¹⁴⁸ Lauer R. Is Social Ontology Prior to Social Scientific Methodology? P. 171-189. // *Philosophy of the Social Sciences*. - 2019. - Vol. 49 (3). - P. 187.

¹⁴⁹ Мяки У. Что такое реализм? С. 419-428. // *Философия экономики*. М.: Издательство Института Гайдара. 2012. - 518 с., С. 421.

определяют исследования в социальных науках».¹⁵⁰ А, с другой стороны, для С. Лозе столь же очевидно, что «Некоторые формы социальных объяснений в значительной степени основаны на неясных или принятых к сведению онтологических предположениях, которые могут (и должны) быть четко и ясно изложены онтологическими исследованиями».¹⁵¹

Другими словами, С. Лозе стремится не противопоставлять эмпирику и онтологию в научных исследованиях, - «либо-либо», по его словам, а органически дополнять их. С его точки зрения: «Предполагая, что онтологические исследования социальных наук должны выходить за рамки теорий, я, конечно, не имею в виду, что теории не важны».¹⁵² Просто все, что связано с формулированием и применением теорий — это эпистемическая деятельность, а не менее важна еще и деятельность онтологическая. Как подчеркивает С. Лозе: «...тот факт, что кого-то не интересуют онтологические аспекты исследования, не означает, что этих аспектов нет; они просто остаются неизученными...»¹⁵³

Вступивший в свою очередь в полемику американский философ Дэниел Литтл, обратил внимание на то, что Р. Лауэр, по сути, переформулировал вопрос, вынесенный им в название статьи на более скромный: «Могут ли ответы на онтологические вопросы способствовать эмпирическому успеху?» Но даже с поправкой на этот факт, Д. Литтл отвергает и «реалистический», и «прагматический» взгляды Р. Лауэра на онтологию. Причем с еще более радикальных позиций, чем С. Лозе.

¹⁵⁰ Lohse S. Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice, P. 3-27. // Philosophy of the Social Sciences. - 2017. - Vol. 47 (1). - P. 16.

¹⁵¹ Lohse S. Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice, P. 3-27. // Philosophy of the Social Sciences. - 2017. - Vol. 47 (1). - P. 17.

¹⁵² Lohse S. Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice, P. 3-27. // Philosophy of the Social Sciences. - 2017. - Vol. 47 (1). - P. 16.

¹⁵³ Lohse S. Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice, P. 3-27. // Philosophy of the Social Sciences. - 2017. - Vol. 47 (1). - P. 19.

Д. Литтл пишет о том, что, если спросить «...предшествует ли социальная онтология эмпирическим рассуждениям или социально-научной методологии, тогда мой ответ заключается в том, что в этой области нет интеллектуального или практического содержания, и она не имеет никакого отношения к методологии социальных наук вообще. Кант продемонстрировал бесплодие чистой спекулятивной метафизики, и его программа синтетического априорного познания мира потерпела неудачу. Таким образом, нет возможности для чисто философских открытий, имеющих отношение к познанию эмпирического мира».¹⁵⁴

И хотя наука все же не может жить без онтологии, по мнению Д. Литтла, «...онтологические разногласия - это просто научные разногласия высокого уровня. Разница между онтологическими утверждениями и гипотетическими теоретическими утверждениями заключается всего лишь в степени абстрактности, степени общности, степени дистанцированности от экспериментальных и наблюдаемых данных»....»¹⁵⁵

Для Д. Литтла онтология — это всего лишь аккумуляция эмпирического опыта. Опыт этот обобщается и формирует ожидаемое поле возможностей науки. И это-то поле возможностей конкретной науки, фактически, и есть ее онтология. А поскольку в науке всегда присутствует конкуренция возможностей, то это приводит к наличию у нее и разных возможных онтологий.

По мнению Д. Литтла, исследовательская мысль сперва движется от опыта - к его обобщению и формулированию теорий, а от них — к выработке общего представления об исследовательском поле данной науки или об ее онтологии, а после этого возвращается обратно. Таким образом, у него получается, что онтология — это, фактически, некое мета-теоретическое обобщение. И «Только при наличии творческого взаимодействия между эмпирическим исследованием, формированием

¹⁵⁴ Little D. Social Ontology De-dramatized, P. 13-23. // Philosophy of the Social Sciences. - 2021. - No 51 (1). - P. 15.

¹⁵⁵ Little D. Social Ontology De-dramatized, P. 13-23. // Philosophy of the Social Sciences. - 2021. - No 51 (1). - P. 20.

теории и онтологической рефлексией мы получим знания и понимание природы социального мира»¹⁵⁶, - такой, с точки зрения Д. Литтла, является оптимальная методология научных исследований.

При этом, по Д. Литтлу, онтология в науке, - это всего лишь точка зрения исследователя. «Когда мы рассматриваем природу социального мира, - пишет Д. Литтл, - мы должны с чего-то начать /.../ Если мы начнем с примеров, взятых из микроэкономики — поведение цен, трудовая миграция, модели инвестиций, — мы, скорее всего, сосредоточим наши онтологические взгляды на индивидуальной рациональности и наборах ограничений, в которых люди делают свой выбор. /.../ Если мы начнем с примеров из области социологии и политики этнических конфликтов, мы, скорее всего, выделим группы...»¹⁵⁷

Таким образом, с инструменталистской точки зрения Д. Литтла, и онтология методологических индивидуалистов, и онтология холистов «...являются описаниями тех же фактов, но они возникают из разных суждений о переднем плане и фоне. Существуют аспекты социального мира, в которых важно подчеркнуть свойства групп, структур и нормативных систем, что предполагает целостную онтологию. Но в равной степени существуют аспекты социального мира, где самые интересные загадки лежат на уровне отдельных индивидов... /.../ Какая из этих онтологий верна? Моя точка зрения состоит в том, что они совместимы, и обе теории приблизительно верны».¹⁵⁸

Однако стоит лишь нам согласиться с Д. Литтлом в том, что онтология — это просто угол зрения исследователей, как мы тотчас же, причем незаметно для себя, соскальзываем с онтологического уровня анализа проблем на уровень эпистемологический. Ведь вопрос о том, «что мы видим», вдруг, подменяется

¹⁵⁶ Little D. Social Ontology De-dramatized, P. 13-23. // Philosophy of the Social Sciences. - 2021. - No 51 (1). - P. 15.

¹⁵⁷ Little D. Social Ontology De-dramatized, P. 13-23. // Philosophy of the Social Sciences. - 2021. - No 51 (1). - P. 18.

¹⁵⁸ Little D. Social Ontology De-dramatized, P. 13-23. // Philosophy of the Social Sciences. - 2021. - No 51 (1). - P. 19.

вопросом о том, «как мы это видим». И внешне этот подход выглядит даже вполне эвристичным. Ведь если посмотреть на мир в ультра-красном или в ультра-фиолетовом освещении, то очевидно, что можно увидеть в нем не одно и то же, и это может дополнить наше понимание мира. И все же за этой попыткой стоит представление о том, что сумма наших взглядов на мир дает нам в итоге и адекватный образ мира.

А между тем, как в самой реальности, так и в отражающей ее философии *сложное — это не обязательно сложенное*. Таким оно выглядит лишь с точки зрения математизированной экономики, образ которой как раз и стоит за всеми этими представлениями. Однако сложное, и это было еще раз доказано синергетикой, обладает качествами, отличными от суммы свойств составляющих его элементов. Так что попытка Д. Литтла предложить миру научную онтологию, свободную от философского «бесплодия», фактически, обернулась бесплодием «бесфилософской» онтологии.

Непосредственного участия в дискуссии о научном статусе социальной и экономической онтологии отечественные специалисты не принимали. Хотя, разумеется, вопросы о том, что представляет собой экономическая онтология, - это учение о самой экономической реальности или учение об ее отражении в экономической науке? - являются актуальными и для российских философов и экономистов.

По мнению, например, И.А. Болдырева экономическая онтология - «...это учение *не об экономическом мире как таковом*, а лишь о его *репрезентации* (курсив И.А. Болдырева — А.А.) в научных теориях и моделях».¹⁵⁹ С ним соглашается и Добринка Златева: «Экономическая наука исследует не экономическую

---

¹⁵⁹ Болдырев И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации, С. 100-111. // Вопросы экономики. - 2008. - № 7. - С. 101.

действительность, а ее мыслительный объект».¹⁶⁰ Причем Д. Златева объясняет это характером самой экономической науки: «Я считаю, что экономика существует объективно, независимо от субъекта, однако это такая реальность, когда ты повернулся спиной к ней. Находясь лицом к ней, когда человек находится в каком-либо отношении (теоретически или практически) с экономической действительностью, она перестает быть независимой реальностью и не может существовать без субъекта /.../ Экономическое мышление – это мышление о том, что реально существует в экономической жизни, а именно мышление опыта».¹⁶¹ Ну, а опыт, как нам разъяснили еще махисты, будучи взаимодействием субъекта и объекта, изначально не может быть чем-то объективным.

Что же касается И.А. Болдырева, то с его точки зрения: «Предметом экономической онтологии выступают фундаментальные, наиболее общие структуры теоретической реальности, то есть «мира», как он представлен в моделях экономической теории».¹⁶² Но чем же еще могут быть эти смоделированные «наиболее общие структуры теоретической реальности» как не абстракциями математики? Неудивительно, что, в конце концов, И.А. Болдырев приходит именно к тому выводу, что *«...в качестве формальной онтологии в экономике мейнстрима можно рассматривать математику»* (курсив И.А. Болдырева — А.А.).¹⁶³ И этот вывод И.А. Болдырева, по мнению автора работы, является вполне закономерным, так как неоклассическая экономическая теория (как показал Ф. Майровски) до сих пор руководствуется физическим идеалом познания, тесно связанным с математикой.

¹⁶⁰ Златева Д. Экономическая наука как эпистемология: истинность и реалистичность в экономической науке, С. 34-45. // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». - 2014. - № 2. - С. 40.

¹⁶¹ Златева Д. Экономическая наука как эпистемология: истинность и реалистичность в экономической науке, С. 34-45. // Вестник ТвГУ. Серия «Экономика и управление». - 2014. - № 2. - С. 40.

¹⁶² Болдырев И.А. Онтология экономической науки, С. 43-58. // Философские проблемы экономической науки. - М.: Институт экономики РАН, 2009. - 208 с., С. 44-45.

¹⁶³ Болдырев И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации, С. 100-111. // Вопросы экономики. - 2008. - № 7. - С. 107.

Но математика не может быть причислена ни к социально-экономическим, ни, тем более, к гуманитарным наукам. Выходит, что, фактически, у И.А. Болдырева здесь идет речь не об экономической, а о какой-то общенаучной онтологии.

О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов и А.В. Чусов, которые специально исследовали вопрос о месте онтологии в экономической науке, прежде всего обратили внимание на многозначность самого термина «онтология». Ведь «Под онтологией понимают мировоззрение, и картину мира, и «базовые предпосылки некоторой дисциплины» (теории, научной школы), и «ядро» той или иной научной традиции, парадигмы, исследовательской программы, и базовую модель описания знания (предметной области), и совокупность базовых категорий и понятий, описывающих некую предметную область».¹⁶⁴

Однако, несмотря на многозначность термина «онтология», и на то, что в литературе по философии экономики сложилось несколько взглядов на «онтологическую проблематику», по наблюдениям О.Б. Кошовец, И.Э. Фролова и А.В. Чусова, «...подавляющая часть исследований интересуется онтологией с точки зрения выявления многообразия картин (представлений) экономической реальности, их различий, базовых категорий, то есть репрезентацией экономической реальности в экономическом знании. Концептуально тема экономической онтологии, то есть вопрос о реалистичности самой существующей конструкции описания экономического мира, разрабатывается в основном представителями критического реализма».¹⁶⁵

Сами же О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов и А.В. Чусов, как следует из содержания их статьи, придерживаются «научной», а не философской точки зрения на онтологию. По их мнению, «онтологические структуры знания» – это, скорее,

¹⁶⁴ Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки, С. 156-176. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 157.

¹⁶⁵ Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки, С. 156-176. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 162.

«...онтологизации теоретических конструктов, понятий и концептов»¹⁶⁶, чем отражение структур самой экономической реальности.

Как отмечают авторы статьи: «Развитие экономической теории по пути увеличения арсенала используемых прикладных средств аппарата и усложнения формальных техник, привязанных к соответствующим математическим теориям, приносит с собой в превращенной форме онтологию этих математических теорий. В итоге результаты экономико-математических моделей зачастую соотносятся уже не с исходными интуициями и чувством предметной реальности, формируемыми в ходе повседневных практик, а уже с некоторой особой теоретизированной и формализованной средствами прикладной математики реальностью, которая затем интерпретируется как экономическая с помощью привязки к таким универсальным экономическим категориям, как «рынок», «равновесие» и прочее».¹⁶⁷

При этом главной трудностью, стоящей перед исследователями, является то, что «...проверка многих теоретических суждений на их соответствие действительности из-за ряда условий сильно затруднена (а иногда и невозможна), поэтому *приходится удовлетворяться логической истинностью...*» (курсив О.Б. Кошовец, И.Э. Фролова и А.В. Чусова — А.А.).¹⁶⁸ По этой причине, авторы статьи, как и их западные коллеги, приходят к выводу, что «...нельзя непосредственно сопоставлять онтологию некоторой теории и реальную экономическую практику, можно лишь сопоставить онтологию с онтологией».¹⁶⁹

Как видим, и здесь присутствует тот же инструменталистский подход, который в свое время П. Дюгем предложил применительно к физике. Однако с точки зрения

¹⁶⁶ Кошовец О.Б. Почему господствующая экономическая теория прозвала кризис: о роли онтологических барьеров, С. 18-34. // Вестник ИЭ РАН. - 2017. - № 3. - С. 19-20.

¹⁶⁷ Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки, С. 156-176. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 160-161.

¹⁶⁸ Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки, С. 156-176. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 169.

¹⁶⁹ Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки, С. 156-176. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 176.

материализма и соответствующей ему классической (или корреспондентской) теории истины любая научная теория, какой бы фрагмент реальности она не описывала, не стоит ровным счетом ничего, если к самой описываемой реальности она не имеет никакого отношения. Исключение составляют лишь те редкие случаи, когда в процессе познания используют когерентную, конвенциалистскую или прагматическую теории истины.

Становится ясно, что «...ни антиреалистическая, ни инструменталистская позиция не позволяют экономистам уйти от проблемы «реальности»»¹⁷⁰ И это еще раз доказывает, что онтологический анализ должен предшествовать анализу эпистемологическому.

Проанализировав итоги дискуссии о научном статусе социальной онтологии и экономической онтологии, диссертант пришел к следующим выводам:

1. Научная интерпретация социальной онтологии и экономической онтологии обнаруживает явное различие двух методологических программ: философской и мета-теоретической. С. Лозе, Д. Литтл, а также И.А. Болдырев, О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов и А.В. Чусов рассматривают социальную онтологию и экономическую онтологию как относящиеся к мета-теоретическому уровню познания. С их точки зрения, когнитивная ценность социальной онтологии и экономической онтологии зависит от того, насколько удачно они выполняют роль инструмента оценки каких-либо конкретных исследовательских данных.

2. Однако, по мнению автора работы, и социальная онтология, и экономическая онтология принадлежат к философскому уровню познания, и выполняют роль философских предпосылок научного исследования, независимо от того, насколько удачным оно окажется.

---

¹⁷⁰ Вархотов Т., Кошовец О. Базовые концептуальные конструкции и мысленные эксперименты в экономической теории, С. 25-41. // Общество и экономика. - 2014. - № 4. - С. 30.

3. С точки зрения материализма и соответствующей ему классической (или корреспондентской) теории истины любая научная теория, какой бы фрагмент реальности она не описывала, не стоит ровным счетом ничего, если к самой описываемой реальности она не имеет никакого отношения.

§ 1.5. Философские интерпретации социальной онтологии и экономической онтологии

Однако не все специалисты считают, что социальную онтологию и экономическую онтологию следует рассматривать именно научным образом. Ведь при этом, по мнению украинского экономиста А.С. Филипенко, например, «...рассматривается не собственно экономический мир, а его научное отражение, научная онтология, или конкретнее – онтология экономической науки».¹⁷¹

Вот почему А.С. Филипенко противопоставил этому свое понимание экономической онтологии. По его словам, «Структура экономического мира (бытия) в контексте предложенных онтологических измерений выглядит следующим образом:

- экономическая реальность (сущее первого порядка);
- экономическая действительность (сущее второго порядка);
- искусство экономики (экономическая политика) (сущее третьего порядка)».¹⁷²

Среди «основных системообразующих элементов экономической реальности» у А.С. Филипенко присутствуют, «...во-первых, ресурсный, который содержит природные, человеческие, технологические, финансовые составляющие; во-вторых, институциональный, охватывающий ценности, писанные и неписанные правила,

---

¹⁷¹ Филипенко А.С. Экономический мир: онтология, С. 38-47. // Экономическая теория. - 2014. - Том 11. № 3 (38). - С. 38.

¹⁷² Филипенко А.С. Экономический мир: онтология, С. 38-47. // Экономическая теория. - 2014. - Том 11. № 3 (38). - С. 40.

рынки, фирмы, организации, антропологическую составляющую, этические нормы».¹⁷³

При этом «экономическую действительность» А.С. Филипенко изображает «...как функционирующую экономическую реальность в процессах производства, обмена, потребления и т. д.».¹⁷⁴ Таким образом, экономическая действительность у А.С. Филипенко оказывается все той же экономической реальностью только на этот раз уже действующей. Однако подобная конструкция, по мнению автора работы, выглядит чересчур умозрительной. Ведь трудно представить себе абсолютно не действующую экономическую реальность при наличии у нее стольких «системообразующих элементов».

Еще одно определение экономической онтологии не как онтологии экономической науки, а как отражение экономической реальности было предложено О.И. Ананьиним, который выделил «...три различающихся образа (видения) экономической реальности: (а) как мира деятельности (поведения) хозяйствующих субъектов, (б) как кругооборота богатства и (в) как совокупности экономических институтов — каждый из которых претендует на то, чтобы представлять экономическую реальность как таковую или, как минимум, ее ядро».¹⁷⁵ Причем, по мнению О.И. Ананьина, продуктовая, поведенческая и институциональная онтологии в настоящий момент сосуществуют в экономической теории как самостоятельные точки зрения, но «...составляют экономическую реальность»,¹⁷⁶ лишь в совокупности, дополняя друг друга.

---

¹⁷³ Филипенко А.С. Экономический мир: онтология, С. 38-47. // Экономическая теория. - 2014. - Том 11. № 3 (38). - С. 41-42.

¹⁷⁴ Филипенко А.С. Экономический мир: онтология, С. 38-47. // Экономическая теория. - 2014. - Том 11. № 3 (38). - С. 43.

¹⁷⁵ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. - М.: Наука, 2005. - 242 с., С. 140.

¹⁷⁶ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. - М.: Институт экономики РАН, 2013. - 50 с., С. 26.

Однако «...в том, что монистический, единый экономический мир своим научным фундаментом, основой научного толкования имеет плюралистическую онтологию»,¹⁷⁷ по мнению А.С. Филипенко имеется неразрешимое противоречие. Фактически, здесь речь как раз идет о различии между эссенциалистским и феноменологическим взглядами на экономическую реальность.

Ведь классификация, предложенная О.И. Ананьиним, по сути, является феноменологической, поскольку ограничивается лишь внешней схожестью явлений, а не пытается проникнуть в их суть. В частности, она не замечает разницы, существующей между дарообменной первобытной, перераспределительной социалистической и рыночной экономиками, так как во всех этих случаях внешним образом мы имеем дело с одним и тем же «кругооборотом богатства» в форме обмена продуктами. А между тем, по мнению автора работы, эти формы экономических отношений имеют разную природу.

Конечно, эти противоречия для части экономистов не представляют собой проблемы, поскольку принято считать, что в наши дни действительной единицей научного исследования является не отдельная парадигма, а «многоклеточная» «научно-исследовательской программа». А, по словам ее создателя - английского философа венгерского происхождения и известного методолога науки Имре Лакатоса, *«Ни логическое доказательство противоречивости, ни вердикт ученых об экспериментально обнаруженной аномалии не могут одним ударом уничтожить исследовательскую программу»*¹⁷⁸ (выделено И. Лакатосом — А.А.), а вместе с ней и ее онтологию.

¹⁷⁷ Филипенко А.С. Экономический мир: онтология, С. 38-47. // Экономическая теория. - 2014. - Том 11. № 3 (38). - С. 39.

¹⁷⁸ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции, С. 199-278. // Лакатос Имре. Избранные произведения по философии и методологии науки / Пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса - М.: Академический Проект; Трикста, 2008. - 475 с., С. 222-223.

Вот почему О.И. Ананьин уверен в том, что выделенные им «три картины экономической реальности», - «институциональная, поведенческая и продуктовая» естественным образом «...продолжают сосуществовать в рамках экономической науки. Все три картины реальности претендуют на то, чтобы отражать один и тот же объект – экономику, при этом качественно различаясь в трактовке этого объекта, в ракурсе и методе («технике») его изображения. В этом смысле они альтернативны друг другу. Соответственно начиная по крайней мере с середины XIX в., когда историческая школа бросила вызов классической, экономическая наука функционирует и развивается в рамках плюралистической модели научного сообщества».¹⁷⁹

Точно такую же синхроническую модель экономической онтологии изображает и Ю.К. Князев, по мнению которого, можно «...выделить следующие четыре группы онтологических понятий, представление о которых важны для любой теории. Во-первых, это экономические субъекты (агенты, акторы), осуществляющие хозяйственную деятельность /.../ Во-вторых, характер объектов, с которыми имеют дело субъекты (продукты и прочие потребительские блага, земля и недвижимость, накопления и инвестиции, банковские и страховые продукты и услуги). В-третьих, система взаимоотношений между субъектами (рыночные и производственные связи, отношения собственности, финансовые трансакции). В-четвертых, институциональные и иные условия, в которых субъекты осуществляют свою деятельность».¹⁸⁰

К этому Я.В. Тарароев и Н.А. Иваненко добавляют еще и то, что «Реальность вообще и экономическая, в частности, не сводится к одним товарным рыночным отношениям, существуют элементы реальности, в том числе и экономической,

¹⁷⁹ Ананьин О.И. Экономическая теория: кризис парадигмы как кризис высшего профессионального образования, С. 35-50. // Экономика образования. - 2009. - № 3. Часть 1. - С. 42.

¹⁸⁰ Князев Ю.К. О современном понимании основ экономической теории, С. 126-156. // Общество и экономика. - 2013. - № 7-8. - С. 129.

которые «не вписываются» в рынок и не имеют рыночной ценности. Однако несмотря на это, такие элементы обладают полноценным, а не фиктивным онтологическим статусом, они существуют и с фактом их существования необходимо считаться».¹⁸¹

Таким образом, мы видим, что в рамках плюралистической модели развития экономической науки имеется множество разных экономических теорий формально равноценных друг другу. А между тем, при всем этом методологическом равноправии одна из них, а именно - неоклассическая экономическая теория в наши дни занимает господствующее положение в экономической науке, на практике обеспечивая то, что американский философ и методолог науки Томас Кун именовал «нормальным» развитием науки».¹⁸² Но это значит, что кажущийся плюрализм мнений в экономической науке, в том числе и по поводу природы экономической онтологии, является весьма относительным. Тем более, что нет никакой уверенности в том, что представленные выше теории представляют собой исчерпывающий список объяснений исследуемых экономических явлений.

Вот почему заслуживает внимания следующее методологическое наблюдение английского философа Альфреда Уайтхеда, «Когда вы критикуете философию эпохи, не обращайтесь на те интеллектуальные позиции, которые, по мнению ее выразителей, следует защищать. Обратите внимание на те фундаментальные предположения, которые бессознательно предполагают приверженцы всех различных философских систем эпохи. Такие предположения кажутся настолько очевидными, что люди даже не осознают, что они что-то предполагают, поскольку никакой другой способ изложения вещей никогда не приходил им в голову».¹⁸³

---

¹⁸¹ Тараров Я.В., Иваненко Н.А. Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория, С. 47-56. // Вопросы философии. - 2011. - № 12. - С. 54.

¹⁸² Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 605 с.

¹⁸³ Whitehead A. Science and the Modern World. Lowell Lectures, 1925. - New York: The Macmillan Company, 1925. - 296 p., P. 69.

Из этого видно, что А. Уайтхед исходит из того, что сущности не лежат на поверхности, и для их обнаружения требуется некий эссенциалистский подход. Однако, если мы попробуем определить одно из тех фундаментальных предположений, которые, по словам А. Уайтхеда, «...кажутся настолько очевидными, что люди даже не осознают, что они что-то предполагают», то по отношению к социальной онтологии и экономической онтологии сделать это будет не так-то просто, хотя такие попытки и продолжают осуществляться.

В частности, не так давно на эмерджентные свойства социальной онтологии и экономической онтологии, или на «сверхфизическую реальность» в терминах Д. Сёрля, обратил внимание английский философ Дэйв Эльдер-Васс. С его точки зрения, «Преобладающие концепции социальной структуры в социальных науках, несмотря на их разнообразие, неизменно игнорируют вклад материальных объектов, но это радикально искажает онтологию социального мира».¹⁸⁴

По мнению Д. Эльдер-Васса, это искажение состоит в том, что упускается из виду эффект от взаимодействия людей и разного рода техники, которые совместными усилиями образуют «социотехническую структуру». К примеру, пишет Д. Эльдер-Васс «Социальная онтология, включающая солдат и оружие, но не армии, упускает важнейший элемент для объяснения того, что происходит в военном конфликте»¹⁸⁵, поскольку очевидно, что армия обладает теми возможностями, которыми бы не обладали по отдельности солдаты и оружие. Ведь главное в любой армии — это строжайшая дисциплина, благодаря которой организованная сотня всегда оказывается сильнее неорганизованной тысячи.

По мысли Д. Эльдер-Васса, этот эмерджентный эффект нельзя не учитывать и говоря об экономике, так как «...вся экономика - это комплекс социально-технических структур. Господствующая экономическая теория абстрагируется от

¹⁸⁴ Elder-Vass D. Materialising social ontology, P. 1437-1451. // Cambridge Journal of Economics. - 2017. - No 41. - P. 1448.

¹⁸⁵ Elder-Vass D. Materialising social ontology, P. 1437-1451. // Cambridge Journal of Economics. - 2017. - No 41. - P. 1448.

всего этого, сводя эти отношения к математическим производственным функциям, но при этом скрываются важные вещи о том, как на самом деле функционируют структуры экономики». ¹⁸⁶

Однако в какой степени эмерджентная теория Д. Эльдер-Васса является развитием и подкреплением «сверхфизической реальности» Д. Сёрля, порожденной коллективной интенциональностью? Порождена ли сама техника и технология коллективной интенциональностью, о которой писал Д. Сёрль?

Как отмечает, например, еще один английский философ Клайв Лоусон, «Это правда, что форма и содержание молотка не исчезли бы завтра (как, скажем, язык), если бы человеческие общества прекратили свое существование. Но молоток, в случае прекращения существования человеческих обществ, фактически перестал бы быть молотком; потому что часть того, чем является молоток, существует только по отношению к тем, кто им пользуется». ¹⁸⁷

Конечно, «Реальность не является пластичным образованием, из которой можно лепить все, что угодно. Субъект конструирует представление, ориентируясь на естественные ограничения». ¹⁸⁸ А значит, и коллективная интенциональность, которая в какой-то момент времени придала определенной конструкции функции молотка, является одной из тех возможностей, которыми обладают сами материалы, из которых изготовлен молоток. Но во всех ли случаях работает это правило?

К примеру, в своем описании жизни индейцев живущих в условиях каменного века в бассейне реки Амазонка известный французский социолог и этнограф Клод Леви-Строс упоминает «коро» - личинки, которыми кишат стволы некоторых гниющих деревьев. В отличие от индейцев европейцы их в пищу не употребляют. Но значит ли это, что данная коллективная интенциональность порождена

¹⁸⁶ Elder-Vass D. Materialising social ontology, P. 1437-1451. // Cambridge Journal of Economics. - 2017. - No 41. - P. 1450.

¹⁸⁷ Lawson C. An Ontology of Technology: Artefacts, Relations and Functions, P. 48-64. // Techné. - 2008. - No 12 (1). - P. 54.

¹⁸⁸ Богданова В.О. Конструктивизм в научном познании, С. 58-61. // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. - 2015. - № 9 (4). - С. 59.

несъедобностью упомянутых личинок? К. Леви-Стросу не раз использовавшему, так называемый, метод включенного наблюдения в условиях полевых исследований пришлось эти личинки попробовать. И оказалось, что коро «...по консистенции напоминает масло, а по вкусу — молоко кокосового ореха».¹⁸⁹

Таким образом, на этом примере мы убеждаемся в том, что коллективная интенциональность, которая лежит в основе социальной онтологии Д. Сёрля, а значит и в основе эмерджентной теории Д. Эльдер-Васса, дает нам всего лишь «истину во мнении», как выразились бы древние греки. Или, другими словами, оставляет нас лишь на феноменологическом уровне исследования.

Когда-то американский философ Дуглас Порпора сформулировал «основной спорный вопрос» западных дискуссий о социальной онтологии следующим образом: «...что делает социальное социальным?»¹⁹⁰ На взгляд автора работы, и применительно к экономической онтологии следует поставить вопрос точно так же принципиально: «что делает экономическое экономическим?» Однако для прояснения этого вопроса требуется перейти к анализу сущности уже самого «экономического». А это можно осуществить, лишь продолжив диссертационное исследование в рамках уже не феноменологической, а эссенциалистской методологии.

С точки зрения феноменологической методологии плюралистическое многообразие точек зрения на социальную онтологию и экономическую онтологию выглядит вполне естественно. Если же рассматривать имеющиеся теории с точки зрения их исторической иерархии, то от плюралистической идиллии не останется и следа. Будучи примененной к исследованию общества, эссенциалистская методология неизбежно потребует поиска и исторических, и генетических ступенек,

¹⁸⁹ Леви-Строс К. Печальные тропики. - М.: Мысль, 1984. - 220 с., С. 205.

¹⁹⁰ Porpora D. Response to Tony Lawson: Sociology Versus Economics and Philosophy, 420-425. // Journal for the Theory of Social Behaviour. - 2016. - No 46 (4). - P. 422.

так как с точки зрения эссенциалистской методологии возможна лишь иерархия теорий.

Таким образом, рассмотрев философские интерпретации социальной онтологии и экономической онтологии, автор работы пришел к следующим выводам:

1. Эссенциализм и феноменология являются взаимоисключающими методологическими программами при анализе социальной реальности.

2. В частности, социальный эссенциализм и экономический эссенциализм как методологические программы предполагают, что при анализе социальной и экономической реальности необходимо сведение экономических явлений к единому началу или сущности.

3. Напротив, и социальная феноменология, и экономическая феноменология как методологические программы предполагают, что при анализе социальной и экономической реальности мы должны принимать за истину, что во всех случаях явления совпадают с сущностью, поэтому любые наши попытки найти что-либо кроме явлений, являются напрасной тратой сил.

4. Пользуясь лишь феноменологической методологией нельзя определить в каком отношении между собой находятся социальная онтология и экономическая онтология. Вот почему дальнейшее исследование в рамках данной работы автор будет вести исключительно в рамках эссенциалистской методологии.

Выводы по главе «Экономическая онтология как философская основа экономической теории»

1. В настоящий момент в социальной философии существует проблемная ситуация: традиционно в философии науки экономическое рассматривается как часть социального, а неоклассическая экономическая теория с ее позитивистской методологией не проводит четкого различия между предметами социального и экономического знания. Попытки решить эту проблему введением термина «*homo socioeconomicus*» (П. Вайзе) или путем учреждения новой дисциплины — «социоэкономика», по мнению автора работы, успехом не увенчались.

2. Положительные определения социальной онтологии и экономической онтологии, предложенные Д. Сёрлем, Т. Лоусоном, Ф. Гуалой и М. Феррарисом, не дают работающих критериев для предметного различия между этими областями знания. По мнению диссертанта, так происходит потому, что неоклассическая экономическая теория, применяя феноменологическую методологию позитивизма, сводит сущность экономического к рациональному выбору индивидов в условиях дефицита ресурсов. Такой подход является слишком узким не только в рамках экономической онтологии, но даже и в рамках онтологии социальной.

3. Большинство западных и отечественных философов и экономистов, в том числе С. Лозе, Д. Литтл, а также И.А. Болдырев, О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов и А.В. Чусов рассматривают социальную онтологию и экономическую онтологию как относящиеся к мета-теоретическому уровню познания. С их точки зрения, когнитивная ценность социальной онтологии и экономической онтологии зависит от

того, насколько удачно они выполняют роль инструмента оценки каких-либо конкретных исследовательских данных. Однако, по мнению автора работы, и социальная онтология, и экономическая онтология принадлежат к философскому уровню познания, и выполняют роль философских предпосылок научного исследования, независимо от того, насколько удачным оно окажется.

4. Анализ философских интерпретаций социальной онтологии и экономической онтологии, проведенный диссертантом в первой главе показал, что, пользуясь лишь феноменологической методологией нельзя определить в каком отношении между собой находятся социальная онтология и экономическая онтология. Вот почему дальнейшее исследование в рамках данной работы автор будет вести исключительно в рамках эссенциалистской методологии.

II. ЭССЕНЦИАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ

§ 2.1. Эссенциализм, его апология и критика в истории философии и экономической науки

Прежде чем говорить о современных формах экономического эссенциализма необходимо дать, хотя бы краткий очерк становления и развития этого философского направления. В современной философии эссенциализм определяется как *«...методологическая концепция, полагающая, что объяснение социальных явлений следует проводить на уровне «сущности» и являемая нам социальная реальность может исказить эту сущность и даже быть радикально от нее отличной»*¹⁹¹ (выделено А.М. Ореховым — А.А.).

Термин «методологический эссенциализм» в философский оборот ввел Карл Раймунд Поппер, тесно связав его с метафизикой, или, как он пишет, «для обозначения точки зрения, характерной для Платона и многих его последователей, согласно которой задача чистого познания или «науки» состоит в том, чтобы отыскивать и описывать подлинную природу вещей, т. е. их подлинную сущность или реальность».¹⁹² В экономической науке, как это явствует из книги Марка Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» эссенциализм предстает как «...методологическая позиция, согласно которой основной задачей

¹⁹¹ Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук: учебник / А.М. Орехов. - М.: ИНФРА-М, 2022. - 692 с., С. 431.

¹⁹² Поппер К. Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 448 с., С. 63.

науки является открытие истинной сущности вещей, а сущность вещи определяется как элемент или множество элементов, без которых она перестала бы существовать».¹⁹³

Но если К. Поппер ввел «методологический эссенциализм» лишь в XX веке, то само явление, которое этот термин должен был отражать, возникло в истории намного раньше. Не имея места, чтобы подробно осветить путь развития метафизики, отметим лишь те моменты, благодаря которым эссенциализм и метафизика оказались в истории философии тесно связанными друг с другом.

После того, как в концепции пантеизма Бог оказался отождествленным с природой, возникла «божественная природа», которая стала субстанцией или *causa sui* у Бенедикта Спинозы. Противоречие поздней античности между активным Богом и пассивной материей в метафизике исчезло. На первый план вышло новое противоречие — между, обретшим единство объектом, с его божественной по происхождению активностью «в себе», и субъектом, с его всегдашней активностью «для себя».

Собственно, для отражения этих изменений в философии и потребовался новый термин - «онтология». Причем не так давно обнаружили, что приоритет в употреблении термина «онтология» принадлежит не Рудольфу фон Гоклениусу (1613 год), о чем до сих пор еще пишут в учебниках по истории философии, а Якобу Лорхарду, и был использован им в 1606 году в названии книги «*Ogdoas Scholastica, continens Diagraphen Typicam artium: Grammatices (Latinae, Graecae), Logices, Rhetorices, Astronomices, Ethices, Physices, Metaphysices, seu Ontologiae*»¹⁹⁴.

На первых порах, как об этом свидетельствует название книги Я. Лорхарда, онтология воспринималась еще как синоним метафизики. Но вскоре выяснилось, что

¹⁹³ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. - М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. - 416 с., С. 376.

¹⁹⁴ Lorhard J. *Ogdoas Scholastica, continens Diagraphen Typicam artium: Grammatices (Latinae, Graecae), Logices, Rhetorices, Astronomices, Ethices, Physices, Metaphysices, seu Ontologiae*. - Sangalli: Straub, 1606. - 398 p.

это — не одно и то же. Ведь онтология — это уже не просто учение о бытии как таковом, но, непременно, о бытии объекта и субъекта как таковых и об отношениях между ними.

Отличием онтологии от метафизики стало выведение за скобки активности объекта и признание активности лишь у субъекта. Начавшись в трудах Р. Декарта, субъект-объектная онтология свое развитие обрела в системах немецкой классической философии и марксизма. И в качестве уже их наследия благополучно дожила и до наших дней. Как отмечает, например, В.Е. Буденкова: «Несмотря на разнообразие конкретных онтологических доктрин, в классической философской традиции существуют всего два способа построения онтологии: «от субъекта» и «от объекта»». ¹⁹⁵

С изменением же содержания метафизики изменились и формы соответствующего ей эссенциализма. Для метафизики Аристотеля существенным было то, что форма, которую вещи имеют в реальности, участвовала и в человеческом познании. Впоследствии Фома Аквинский углубил это положение Аристотеля. В частности, проводя параллель между видением и познанием, Фома Аквинский отмечал: «...первое, что познается, - это сходство вещи, которая есть в интеллекте, а второе, что познается, - это сама вещь, которая познается через это сходство». ¹⁹⁶

Первоначально вещь является нам в качестве «видимой формы», которая за счет внешнего «сходства» адресует нас к внутренней «форме» или «виду», который существует у нас в интеллекте. И так как внутренние «виды» являются общими логическими понятиями, наш ум, определив принадлежность «видимой формы» к

¹⁹⁵ Буденкова В.Е. Два способа построения онтологии и перспективы неклассической эпистемологии, С. 66-71. // Вестник Томского государственного университета. - 2007. - № 298. - С. 67.

¹⁹⁶ Thomas Aquinas. I Sent., dist. 35, q. 1, corp. 2. // Pasnau R. Theories of cognition in the later Middle Ages. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. - 330 p., P. 202

какому-то «виду», вновь обращается к предстоящей вещи и находит в ней конкретную разновидность общего понятия.

В теории Фомы Аквинского речь идет не о наличии двух разных сущностей — формы вне интеллекта и формы внутри него. Они представляют собой одну и ту же сущность. Таким образом, познание объекта за счет видимого «сходства», фактически, является его «опознанием», классификацией или подведением под общее понятие — тот или иной «вид».

Этот этап познания является и самым уязвимым для критики. Ведь именно здесь возникает проблема случайной и сущностной форм, больше известная как проблема «казаться» и «быть». Как хорошо подметил грузинский поэт Симон Чиковани: «Всему дана двойная честь — быть тем и тем. Предмет бывает — тем, что он в самом деле есть, и тем, что он напоминает».¹⁹⁷

По этой причине за выявлением связи между видимым объектом и соответствующим логическим «видом» должна неизбежно последовать и проверка сущности этой связи, к примеру, «енот» перед нами или всего лишь «енотовидная собака». Без этой проверки познание как отражение того, что есть, а не кажимостей и иллюзий существовать не может. Вследствие этого установление тождества (а вовсе не сходства, которое всегда бывает лишь внешним) является вторым и необходимым этапом метафизического процесса познания. Вот почему и звучащие порой обвинения метафизики в отрыве от реальности, - это сведение двухэтапного процесса метафизического познания лишь к одному его первому этапу.

Как справедливо заметил швейцарский философ Доминик Перлер: «...мы всегда должны быть достаточно осторожными, чтобы сказать, что первое, что мы осознаем, это только форма, поскольку она находится в нашем интеллекте. Существование второй вещи, а именно формы в той мере, в какой она есть в

---

¹⁹⁷ Чиковани С. Стихотворения и поэмы. - Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1983. - 367 с., С. 217.

материальной вещи, нуждается в эмпирическом доказательстве. Но даже такое расхождение между первым и вторым не заставляет нас разделять два объекта. Это просто помогает нам различать два способа существования формы, чтобы мы могли отличить утверждение типа «Я понимаю, что такое динозавр» от «Я понимаю, что в материальном мире есть живой динозавр».¹⁹⁸ Такова была классическая эссенциалистская форма познания.

Однако после того, как в философии Нового времени пассивный объект был противопоставлен активному субъекту, подобная теория познания стала невозможной. «Вид» как образ вещи, которая стоит перед нами, уже не «бросался больше в глаза» в силу активности самого внешнего мира. От вещи уже не истекали образы материальных объектов, как это описывали античные материалисты (к примеру, Лукреций Кар¹⁹⁹). Фактически, в теории познания между объектом и субъектом образовалась пропасть, поскольку мостик в ней в виде «сходства» был разрушен.

Отныне активность в познании — удел одного субъекта. Это он устремляет на мир свой пытливый взор, в то время как между субъектом и объектом уже нет больше никакого посредника или «вида» - этой «призрачной сущности, расположенной между интеллектом и внешним миром». И даже, если бы этот «вид», вдруг, всплыл из глубин нашей памяти, - он тут же бы сам оказался объектом, а вовсе не внутренним средством познания — эссенциальной формой, как это было раньше.

В онтологической теории познания субъект определяет объект за счет своей интенциональности, которая, в отсутствии внутреннего «вида», может быть объяснена лишь как априорная форма, что, собственно, впоследствии и было

¹⁹⁸ Perler D. Essentialism and Direct Realism: Some Late Medieval Perspectives, P. 111-122 // *Topoi*. - 2000. - No 19. - P. 116.

¹⁹⁹ Лукреций. О природе вещей. Том I. Редакция латинского текста и перевод Ф.А. Петровского. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1946. - 451 с., С. 221 («Образ нам видеть дает и его распознать помогает. Ибо, от вещи, пойдя, он сейчас же толкает и гонит воздух, который меж ним и глазами у нас расположен...»)

проделано И. Кантом. Достаточно субъекту обратить на объект свое внимание, как тут же возникает и познавательный акт.

Из сказанного ясно, что метафизическая и онтологическая теории познания являются антиподами. У Аристотеля и Фомы Аквинского импульс познания шел от самой материальной вещи. Это она в качестве «вида» отражалась в субъекте, а субъект лишь пассивно отражал ее с помощью, имеющейся у него в интеллекте эссенции или внутреннего «вида». Если бы не тождество внешнего и внутреннего «вида», - не было бы и никакого познания.

В онтологической же теории познания все, что является внешним для субъекта, тотчас же становится для него и объектом, будь это «вид» Фомы Аквинского, платоновская «идея», или «форма» Аристотеля. Даже веберовский «идеальный тип» в онтологической теории познания — не избежал этой участи. Так что по своей форме метафизика является объективным, а онтология — субъективным отражением мира.

После того как метафизика стала онтологией неясно как вообще в познании субъект может определять объекты внешнего мира. Если нет «сходства» материальной вещи и ее внутреннего образа, то в таком случае, внешний объект оказывается непостижимой сущностью, или, точнее сказать, простым нашим представлением. А если для нас внешний мир — это лишь субъективное представление, то возникает вопрос, как мы вообще можем быть уверены в том, что адекватно отражаем мир?

По меньшей мере, часть явлений трудно объяснить без единой эссенциалистской формы. К примеру, я смотрю на цветные фотографии. Но благодаря чему я вижу на них не те или иные сочетания цветовых пятен, а пейзаж, людей или животных? Разве не требуется здесь какая-то структура-посредник, так сказать, *tertium comparationis* (третье для сравнения), чтобы с ее помощью я мог бы

за счет сходства различать предстоящие образы, и благодаря этому определять, что же, в конце концов, я вижу? Без этих посредствующих образов мы даже мать родную не узнали бы. Да и как иначе? Ведь нам дали шифр, но не дали ключа к нему.

Увы, но теория идей у Платона и теория идей у Джона Локка едины лишь по названию. Во всяком случае, идеи Платона, формы Аристотеля и виды Фома Аквинского делают внешние объекты чем-то «своим» для познающего интеллекта, в то время как идеи Локка - нет, поскольку в метафизике Д. Локка нет никаких следов положения о двойственном существовании форм (видов или идей).

На то, что в онтологическом типе познания трудно обойтись без теории сущностных форм, уже в наши дни обратил внимание известный американский философ Хилари Патнэм в своей статье с характерным названием «Аристотель после Витгенштейна». Как пишет Х. Патнэм: «...нам не хватает именно представления о том, что события имеют *форму*. Эффективная причинно-следственная связь, как она понимается в настоящее время, не компенсирует нам требуемую *форму*»²⁰⁰ (курсив Х. Патнэма — А.А.).

Конечно, возврат к точке зрения Аристотеля в наши дни выглядит довольно проблематично. И все же критика Х. Патнэма свидетельствует о том, что эссенциализм по-прежнему является актуальным в философии. Хотя, очевидно, что из-за разрыва между объектом и субъектом он больше не может играть прежнюю роль в познании. Следовательно, разрыв между субъектом и объектом в онтологии должен преодолеваться каким-то иным способом.

И в философии, в самом деле, есть несколько исследовательских программ, пытающихся восстановить связь между объектом и субъектом. Главные из них: это - *реализм*, признающий существование реальности, независимо от наличия

---

²⁰⁰ Putnam H. Words and Life. Edited by J. Conant. - Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1995. - 531 p., P. 68.

наблюдателя и *антиреализм*, признающий, что внешний мир — это коллективное представление человечества.

Можно сказать, что промежуточную позицию между реализмом и антиреализмом занимает, так называемый, «операционализм»²⁰¹, который рассматривает мир с точки зрения бихевиористского «черного ящика». Фактически, операционализм считает, что наука ищет не объяснения этого мира, а способы удачного действия человека в нем. Как отмечает, например, датский философ Питер Прузан: «...для реалиста электроны и гравитационные силы существуют, в то время как для инструменталиста они являются практическими концепциями, которые могут существовать, а могут и не существовать».²⁰²

Известный английский физик-теоретик Стивен Хокинг высказывался в том же духе: «Я не требую, чтобы теория соответствовала реальности, поскольку я не знаю, как она устроена. Реальность не является величиной, которую можно проверить с помощью лакмусовой бумажки. /.../ теория должна предсказывать результаты измерений».²⁰³ Как видим, операционализм, который иначе еще называют инструментализмом, пытается встать над схваткой, и явно использует не классическую теорию истины с ее соответствием наших знаний действительности.

Однако реальность просто есть, независимо от того, что мы думаем о ней, и думаем ли мы о ней вообще. По словам, Кларенса Леви, «Независимая реальность - это не то, что нужно доказывать, а признание, которое все люди делают, сталкиваясь с фактами жизни»²⁰⁴.

²⁰¹ Формально этот термин был предложен британским физиком Норманом Кэмпбеллом в 1920 году в книге «Элементы физики», но в философию науки его ввел в 1927 году американский физик Перси Бриджмен в книге «Логика современной физики».

²⁰² Pruzan P. Research Methodology. The Aims, Practices and Ethics of Science. - Copenhagen: Springer International Publishing Switzerland, 2016. - 326 p., P. 68.

²⁰³ Хокинг С., Пенроуз Р. Природа пространства и времени. - Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. - 160 с., С. 138.

²⁰⁴ Lewis C.I. Realism or Phenomenalism? P. 233-247. // The Philosophical Review. - 1955. - Vol. 64. No. 2. - P. 238.

Конечно, многое в мире нам не дано в наблюдении, или кажется не таким, каким является на самом деле. К примеру звезды на небе отнюдь не сгруппированы в созвездия, - такими они выглядят лишь в нашем восприятии. Звезды находятся друг от друга на расстоянии, может быть, в миллионы световых лет. Однако при их проекции на плоскость небосвода, которая порождена земной точкой зрения, они оказываются рядом друг с другом. Сама эта кажимость является объективной, несмотря на то, что в одной и той же конфигурации звезд на небе древние греки видели Большую медведицу, наши славянские предки — Ковш, а народы Средней Азии — Повозку.

Порой реализм философы противопоставляют не антиреализму, а феноменологии, как это делает, например, В.В. Негруль: «...в современной философии различаются реалистичные и феноменологические онтологии событий общественной жизни».²⁰⁵ Но так, на взгляд автора работы, происходит из-за неясности самих исходных позиций феноменологии как философского направления. По этой причине, например, М. Хайдеггер рассматривает феноменологию в качестве онтологии. Однако с тем же успехом ее можно было бы рассматривать и как эпистемологию. Ведь в философской феноменологии сущность объектов, которые она исследует, нельзя отделить от субъекта, который их исследует.

Конечно, это — лишь самые первые различия между реализмом и антиреализмом. И они станут более наглядными, когда мы исследуем конкретные формы, в которых те себя проявляют. В частности, обратившись к анализу концепций антиреализма, мы едва ли ошибемся, признав, что самыми заметными из них являются конструктивизм и интерпретативизм, - термин, который в 1966 году был введен в философию науки Питером Бергером и Томасом Лукманом в книге

---

²⁰⁵ Негруль В.В. Онтологические основания экономического поведения личности, С. 133-142. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». - 2015. - № 2. - С. 138.

«Социальное конструирование реальности»²⁰⁶. При этом сами П. Бергер и Т. Лукман считали, что общество не существует вне наших попыток познать его, так как все наши теории сами являются продуктами общества. Вот почему мы поддерживаем мнение английского философа Бернда Сталя, что «Разница между конструктивизмом и интерпретативизмом, по-видимому, заключается в том, что конструктивисты более радикальны и распространяют свои онтологические взгляды на все аспекты реальности, в то время как интерпретативисты ограничивают их социальной реальностью».²⁰⁷

Конструктивисты исходят из того, что наука — это всего лишь набор конвенций исторически определенного общества. И потому она не может быть суммой наших знаний о мире. «Конструктивистский подход предполагает, что /.../ термины науки не столько пассивно аккумулируют информацию о сущности изучаемых явлений, сколько сами являются средством формирования предметной области, исследуемой научным сообществом».²⁰⁸

При этом какую бы версию конструктивизма мы не взяли, она все равно не может перекинуть мостик через пропасть между объектом и субъектом. Вот почему многим философам этот подход кажется недостаточным. В.А. Лекторский, например, хоть и считал, что «...выйти за пределы оппозиции реализма и конструктивизма в эпистемологии нельзя»²⁰⁹, все же пытался найти компромисс между ними, и предложил небесспорный термин «конструктивный реализм». По его мысли, конструктивизм и реализм должны подкреплять и дополнять друг друга.

²⁰⁶ See: Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. - L.: Penguin Books. 1991. - 249 p.

²⁰⁷ Stahl B. Chapter 5. Positivism or non-positivism – tertium non datur. A Critique of Ontological Syncretism in IS Research, P. 115-142. // Ontologies. A Handbook of Principles, Concepts and Applications in Information Systems. - New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2007. - 930 p., P. 120.

²⁰⁸ Добрынин Д.Х. Теоретико-методологический статус понятия религии в эссенциалистской трактовке этнической общности в зарубежной науке, С. 76-84. // Концепт: философия, религия, культура. - 2020. - Том 4. № 3 (15). - С. 77.

²⁰⁹ Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма, С. 18-22. // Философия науки и техники. - 2018. - Том 23. № 2. - С. 18.

Причем, эти идеи В.А. Лекторского созвучны исканиям русских философов Серебряного века. Ведь и они тоже выработали не менее парадоксальный термин, - «гносеологический онтологизм». И хотя В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» употребил термин «гносеологический онтологизм» всего лишь один раз применительно к А.С. Хомякову²¹⁰, мы знаем, что в той или иной степени мнение об единстве гносеологии и онтологии разделяли также Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн и С.Л. Франк.

То, что реализм и конструктивизм должны дополнять друг друга уже в наши дни признал также известный специалист по социальной онтологии Д. Эльдер-Васс: «Я считаю, - свидетельствует он, - что реалисты должны быть социальными конструктивистами, а социальные конструктивисты — реалистами. Что же касается социологов в целом, то они должны быть и теми, и другими».²¹¹ Вот только едва ли можно устранить противоречие между реализмом и конструктивизмом путем простого пожелания, как это, фактически, происходит у Д. Эльдер-Васса.

Во всяком случае, немногие философы готовы пойти на подобные компромиссы. В частности, создатель нового течения во французской философии - «корреляционизма» - Квентин Мейяссу по поводу пропасти между субъектом и объектом пишет следующее: «...мысль не может выйти за пределы себя, чтобы сравнить мир, как он есть «сам по себе», с миром, как он есть «для нас», и тем самым отличить то, что является функцией нашего отношения к миру, от того, что принадлежит только миру»²¹². Корреляционизм как раз и состоит в невозможности «...рассматривать сферы субъективности и объективности независимо друг от друга»²¹³.

²¹⁰ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. - М.: Академический Проект, Паритет, 2001. - 880 с., С. 203.

²¹¹ Elder-Vass D. Towards a realist social constructionism, P. 9-24. // Sociologia, Problemas e Praticas. - 2012. - No 70. - P. 20.

²¹² Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. Trans. Ray Brassier. - London: Continuum International Publishing Group. 2008. - 148 p., P. 3.

²¹³ Meillassoux Q. After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency. Trans. Ray Brassier. - London: Continuum International Publishing Group. 2008. - 148 p., P. 5.

Но именно это и не устраивает К. Мейясу, поскольку он считает, что неразрывная связь между объектом и субъектом носит искусственный характер, и что у нас есть прямой путь к объекту. В качестве довода К. Мейясу приводит тот факт, что археологические раскопки, порой, обнаруживают находки, чей возраст насчитывает миллионы лет. И «Эта доисторическая реальность не нуждалась для своего появления в каких-либо людях, способных что-либо об этой реальности поведать»²¹⁴. А, следовательно, и конструктивизм здесь оказывается ни при чём.

По выражению Х. Патнэма, для конструктивистов нет «готового мира». Мир состоит из наших понятий о нем. И все факты о сущности мира являются фактами, касающимися только наших понятий. Но это значит, что «...предполагаемые факты о сущности понятий на самом деле являются просто фактами, касающимися понятия понятий, и мы вступили в порочный бесконечный регресс».²¹⁵

Известный английский философ Джонатан Лоу приводит и другой довод против концепции конструктивизма. По его мнению, концептуалист должен признать, что «...концепции — или, по другой версии, слова — существуют и что пользователи концептов, а именно мы сами, также на самом деле существуют. По крайней мере, это те вещи, которые концептуалист должен признать, независимо от того, как мы их понимаем, под страхом непоследовательности в его позиции. /.../ И если он таким образом судит об этих вещах, то почему не обо всех остальных?»²¹⁶

Не считая подобную критику конструктивизма окончательной, заметим, что во всех конструктивистских теориях мир объекта все равно остается лишь нашим представлением.

²¹⁴ Чепкасова Е.В. Критика корреляционизма в современной онтологии К. Мейясу, С. 117-118. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. - 2017. - № 11. - С. 118.

²¹⁵ Lowe J. Essentialism, Metaphysical Realism, and the Errors of Conceptualism, P. 9-33. // *Philosophia Scientiæ*. - 2008. - No 12 (1). - P. 27.

²¹⁶ Lowe J. Essentialism, Metaphysical Realism, and the Errors of Conceptualism, P. 9-33. // *Philosophia Scientiæ*. - 2008. - No 12 (1). - P. 27.

Что же касается конкретных форм реалистических концепций, то основными из них также являются две философских позиции. Исторически это были рационализм и эмпиризм. Однако, по мере углубления принципов, они все в большей степени превращались в эссенциализм и позитивизм. Поэтому едва ли будет ошибкой сказать, что нынешний эссенциализм — это доведенный до логического конца рационализм, а позитивизм — это доведенный до логического конца эмпиризм.

Онтологически позитивизм рассматривает мир, в котором есть только предъявленные нам в опыте явления. Сущности для позитивизма — не более, чем логические обобщения. Позитивизм признает, что природный мир существует объективно и независимо от человеческих суждений. А значит, такой же объективный характер должны носить и наши научные определения. Следовательно, они должны быть свободными от всех субъективных ценностей.

Если столь же кратко охарактеризовать философскую позицию эссенциализма, то он, как и позитивизм, признает объективное существование мира до и без каких бы то ни было субъектов. Но, в отличие от позитивизма, эссенциализм не считает, что объективный мир исчерпывается лишь миром явлений. Не менее объективно может существовать и то, что вообще не является человечеству.

Р. Бхаскар считал свой «трансцендентальный реализм»²¹⁷ третьей позицией между позитивизмом и эссенциализмом. По его мнению, ««Реализм» обычно ассоциируется философами с позициями в теории восприятия или теории универсалий. В первом случае рассматриваемая реальная сущность является определенным конкретным объектом восприятия; в последнем случае это какая-либо общая особенность или свойство мира. «Реальные сущности», которыми занимается

²¹⁷ See: Archer M. Critical Realism and Relational Sociology: Complementarity and Synergy. // Journal of Critical Realism. - 2010. - Vol. 9 (2). - P. 199-207; Archer M., Bhaskar R., Collier A., Lawson T., Norrie A. Critical Realism: Essential Readings. - London; New York: Routledge, 1998. - 756 p.; Bhaskar R. A Realist Theory of Science. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2008. - 277 p.; Collier A. Critical Realism: An Introduction to Roy Bhaskar's Philosophy. - London and New York: Verso Books, 1994. - 292 p.; Mäki U. Reglobalizing Realism by going local, or (how) should our Formulations of Scientific Realism be informed about the Sciences? // Erkenntnis. - 2005. - No 63. - P. 231–251.

трансцендентальный реалист, являются объектами научных открытий и исследований, таких как причинно-следственные законы».²¹⁸ Заметим, что исследователь взглядов Р. Бхаскара - Н.А. Гончарова, например, также «...рассматривает критический реализм как возможный третий вариант (непозитивистский реализм), примиряющий крайние взгляды и являющийся значимым основанием современной философии науки».²¹⁹

В предисловии к своей, уже ставшей классической, книге Р. Бхаскар писал, что главной целью его исследования «...является разработка систематического реалистического представления о науке. Таким образом, я надеюсь предложить всеобъемлющую альтернативу позитивизму, который узурпировал звание науки».²²⁰

Но, стал ли на самом деле критический реализм «всеобъемлющей альтернативой позитивизму»? Онтологически и критический реализм, и позитивизм признают независимость мира и его закономерностей от познающего субъекта. Однако на этом все сходство между ними и заканчивается. Р. Бхаскара считают автором онтологического поворота в философии. Но не потому, что он «изобрел» онтологию. По его словам, в ткани научного исследования «...онтология абсолютно неизбежна».²²¹ Разница состоит лишь в том, применяется ли онтология тайным или явным образом. Следовательно, суть осуществленного Р. Бхаскаром онтологического поворота заключается в том, что он всего лишь сделал онтологию в науке предметом открытой философской рефлексии.

Что же касается скрытой онтологии позитивизма, которая до Р. Бхаскара в науке не обсуждалась, то, по его словам, она «кристаллизована в концепции эмпирического

²¹⁸ Bhaskar R. A Realist Theory of Science. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2008. - 277 p., P. 16.

²¹⁹ Гончарова Н.А. Критический реализм и современная философия науки, С. 89-92. // Известия Томского политехнического университета. - 2009. - Т. 315. № 6. - С. 90.

²²⁰ Bhaskar R. A Realist Theory of Science. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2008. - 277 p., P. XXIX.

²²¹ Bhaskar R., Callinicos A. Marxism and critical Realism. A Debate, P. 89-114. // Journal of Critical Realism. - 2003. - No 1 (2). - P. 98.

мира». Для позитивистской онтологии реально лишь то, что дано человеку в опыте. Однако, по мнению Р. Бхаскара, это существенно обедняет мир. Ведь в том же опыте мы сталкиваемся с тем, что в природе действуют и невидимые силы, структуры и механизмы, которые порождают явления, а не, наоборот, порождаются ими.

Сравнив реальное и эмпирическое, Р. Бхаскар приходит к выводу, что «...наука использует два критерия для приписывания реальности положенному объекту: критерий восприятия и каузальный критерий. Критерий причинности обнаруживает способность сущности вызывать изменения в материальных вещах, которую нельзя пощупать и чье существование по этой причине стоит под вопросом. Обратите внимание, - пишет Р. Бхаскар, - что магнитное или гравитационное поле удовлетворяет этому критерию, но не критерию воспринимаемости. По этому критерию быть - значит не быть воспринятым, а скорее (в последнем случае) просто быть способным делать».²²² Другими словами, пусть магнитное поле или гравитация не даны нам в ощущениях. Их реальность доказывается их действием. Ведь падать вверх еще никому не удавалось.

Согласно точке зрения Р. Бхаскара на науку: «...ее суть заключается в движении на любом уровне от знания явных феноменов к знанию структур, которые их порождают».²²³ В связи с этим Р. Бхаскар даже цитирует К. Маркса, что «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...»²²⁴

И то, что критический реализм в исследованиях действительно устремляется к сущностям не вызывает никаких сомнений. Как справедливо подчеркивает

²²² Bhaskar R. The Possibility of Naturalism. A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. Third edition. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2005. - 215 p., P. 13.

²²³ Bhaskar R. A Realist Theory of Science. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2008. - 277 p., P. 14.

²²⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая (главы XXIX-LII). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. II. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962. - 551 с., С. 384.

Н.А. Гончарова: «...критический реализм это «глубокий» реализм, в котором научное исследование пытается проникнуть в суть вещей, оставляя позади их внешние характеристики и вскрывая их генеративные причины».²²⁵ И все же, в отличие от эссенциализма, сущность явлений у Р. Бхаскара носит, скорее, физический, чем логический характер. И этим его критический реализм оказывается гораздо ближе к позитивизму, нежели к феноменологии как философскому направлению или эссенциализму.

Бесспорно критический реализм оказал положительное влияние как на развитие философии в целом, так и на развитие философии экономики в частности. Благодаря ему онтология уже перестала быть для науки неким факультативным элементом. Критический реализм поколебал монополию позитивизма в философии науки, а заодно и монопольное положение неоклассической экономической теории в экономической науке. Но поскольку критический реализм занял промежуточную позицию между позитивизмом и эссенциализмом, его критика позитивизма, на взгляд автора работы, оказалась недостаточно радикальной. Ведь критический реализм признает, что экономические явления, которые лежат на поверхности, порождены невидимыми глубинными структурами, а между тем, даже не пытается анализировать эти глубинные структуры.

После того как в Новое время метафизика стала определяться активностью субъекта и пассивностью объекта позиции эссенциализма в философии внешним образом оказались ослаблены, правда, не окончательно и на короткий срок. Верх в философии взяли, в конце концов, позитивисты. К тому же после всемирного успеха книги К. Поппера «Открытое общество и его враги» эссенциализм приобрел еще и репутацию теоретической основы любых форм тоталитаризма, что, разумеется, также не прибавило ему популярности в научном мире.

---

²²⁵ Гончарова Н.А. Критический реализм и современная философия науки, С. 89-92. // Известия Томского политехнического университета. - 2009. - Т. 315. № 6. - С. 91.

Неудивительно, что, например, американский философ мексиканского происхождения Мануэль Деланда обратил внимание на то, что «...в последние десятилетия во многих интеллектуальных кругах преобладал сильный антиэссенциалистский дух».²²⁶ Канадский философ науки Ян Хакинг и вовсе пишет о том, что большинство людей, которые употребляют термин «эссенциализм» «...используют его как оскорбительное слово, предназначенное для подавления оппозиции».²²⁷

При этом под термином «эссенциализм» исследователи нередко имеют ввиду очень разные вещи. Для одних эссенциализм — это «...наивная онтологическая вера в то, что под поверхностным обликом логических категорий существует лежащая в их основе скрытая реальность, или непреложная сущность...»²²⁸ По мнению же английского философа Энн Филлипс, например, существует целых четыре различных значения эссенциализма:

«Первый - это приписывание характеристик всем, кто относится к определенной категории: «(все) женщины заботливы и чутки», «(у всех) африканцев есть ритм», «(все) азиаты ориентированы на сообщество». Второй - это отнесение этих характеристик к категории способами, которые натурализуют или овеществляют то, что может быть социально создано или сконструировано. Третий - это обращение к коллективу как к субъекту или объекту политических действий («рабочий класс», «женщины», «женщины третьего мира»), которое, по-видимому, предполагает гомогенизированную и единую группу. Четвертое - это контроль над этой коллективной категорией, обращение с ее предположительно общими характеристиками как с определяющими, которые нельзя подвергать сомнению или

²²⁶ Деланда М. Новая онтология для социальных наук, С. 35-56. // Логос. - 2017. - Том 27. № 3. - С. 36.

²²⁷ Hacking I. The Social Construction of What? - Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 1999. - 261 p., P. 17.

²²⁸ Kashima Y., Kashima E., Bain P., Lyons A., Tindale S., Robins G., Vears C., Whelan J. Communication and Essentialism: Grounding the Shared Reality of a Social Category, P. 306-328. // Social Cognition. - 2010. - Vol. 28. No. 3. - P. 308.

изменять, не подрывая притязаний индивида на принадлежность к этой группе».²²⁹ Причем А. Филлипс перечисляет здесь всего лишь разновидности, так называемого, психологического эссенциализма.

Большой разброс мнений по поводу эссенциализма существует также и среди отечественных философов. В частности, С.А. Лебедев в своей краткой энциклопедии по философии науки дает следующее определение: эссенциализм — это «...философская концепция о соотношении знания и реальности, согласно которой любое знание описывает существующую реальность (ее свойства, отношения, законы). Все научные высказывания, могущие иметь истинностные значения, должны иметь форму ассерторических суждений («А есть В»). Соответственно, процедура установления их истинности состоит в непосредственном сопоставлении их содержания (утверждающем наличие или отсутствие некоторого тождества между понятиями А и В) с реальным отношением их объективных денотатов...»²³⁰

Однако, по справедливому замечанию А.М. Орехова²³¹, в такой дефиниции эссенциализм мало чем отличается от «операционализма», а потому и противопоставляется С.А. Лебедевым не позитивизму, и не феноменологии как философскому направлению, а «социальному конструктивизму».²³²

Часть философов аналитической школы, из числа тех, что разделяют представления модальной логики о возможных мирах, также называют себя эссенциалистами. С их точки зрения, свойство объекта является существенным, если объект обладает им во всех возможных мирах, в которых он существует. При этом с

²²⁹ Phillips A. What's wrong with essentialism? P. 1-24. // LSE Research Online. - 2012. - No 4. - P. 1.

²³⁰ Лебедев С.А. Философия науки: Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). - М.: «Академический проект», 2008. - 692 с., С. 157.

²³¹ Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. Монография. - М.: ИНФРА-М, 2020. - 201 с., С. 28.

²³² Лебедев С.А. Философия науки: Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). - М.: «Академический проект», 2008. - 692 с., С. 157.

точки зрения позитивизма не очень понятно, каким образом органы чувств вообще могут обнаруживать то, что наличествует во всех возможных мирах.

Мало того, немецкий философ Вольфганг Спон обращает внимание на то, что в нашем мире «...имеются относительные существенные свойства. То, что я - сын своих родителей (и таким образом внук моей бабушки и дедушки, и так далее) является существенной связью. Кто-то мог быть очень похожим на меня, даже в чрезвычайной степени; но если он при этом не сын моих родителей, то он не мог бы быть мною. Таким образом я онтологическим образом завишу от своих родителей в том смысле, что я не могу существовать без них; в любом мире, в котором я существую, мои родители должны быть также, но никак не наоборот».²³³ А значит, с точки зрения онтологии, речь, как минимум, должна идти не о всех возможных мирах.

Но сколько этих миров вообще логически возможно? Для того, чтобы выяснить это, обратимся, в частности, к следующим парадоксам известного американского аналитического философа Уилларда Куайна: «Возьмем, например, возможного толстого человека в дверном проеме и возможного лысого человека в том же дверном проеме. Являются ли они одним и тем же возможным человеком или двумя возможными людьми? Каким образом мы это решаем? Сколько возможных людей в данном дверном проеме? Больше ли в нем тонких, чем толстых? Многие ли из них похожи друг на друга? Или их похожесть делает их одним и тем же возможным человеком?»²³⁴

Без обращения к тому, что считать сущностью, подобные вопросы, на взгляд автора работы, просто не могут быть разрешены. При этом самым важным для позитивистов мнением о сущности является точка зрения Д. Локка, а не Аристотеля.

²³³ Spohn W. How Essentialism Properly Understood Might Reconcile Realism and Social Constructivism, P. 255-265. // *New Directions in the Philosophy of Science*. - Cham [u.a.]: Springer, 2014. - 786 p., P. 257.

²³⁴ Quine W. On What There Is, P. 21-38. // *The Review of Metaphysics*. - 1948. - Vol. 2. No. 5. - P. 23.

Д. Локк же писал о том, что «Во-первых, сущностью можно считать бытие какой-либо вещи, благодаря чему она есть то, что она есть. Так, сущностью вещей можно называть их реальное внутреннее строение (обычно неизвестное в субстанциях), от которого зависят их обнаруживаемые качества. /.../ В этом смысле оно еще употребляется тогда, когда мы говорим о сущности отдельных вещей, не давая им никакого названия».²³⁵

«Во-вторых, - продолжает Д. Локк, - вследствие того, что в университетских научных занятиях и диспутах много толковали о родах и видах, слово «сущность» почти потеряло свое первичное значение и вместо реального строения вещей почти целиком применялось к искусственному строению рода и вида. /.../ Эти два разряда сущностей, на мой взгляд, можно кстати назвать: один — реальною, другой — номинальною сущностью».²³⁶

Таким образом, с точки зрения Д. Локка, реальной, а не номинальной сущностью обладают лишь единичные объекты. А между тем, еще Дунс Скот доказал, что таким объектам присуще качество «haecceitas» или «этость». Другими словами, они должны обладать уникальностью и непохожестью на всё остальное. А, следовательно, такие объекты никак бы не смогли оказаться в каких-то возможных мирах. Все это делает возможные миры эвристической конструкцией, которая, являясь полезной для модальной логики, по всей видимости, к эссенциализму имеет лишь косвенное отношение.

В последние годы все большим признанием пользуется эссенциализм естественного вида, общие черты которого, в большинстве случаев, характеризуются следующим образом:

²³⁵ Локк Д. Сочинения в 3-х т.: Т. I. Опыт о человеческом разумении. / Ред. I т., авт. вступит, статьи и примеч. И. С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. - М.: Мысль, 1985. - 621 с., С. 474.

²³⁶ Локк Д. Сочинения в 3-х т.: Т. I. Опыт о человеческом разумении. / Ред. I т., авт. вступит, статьи и примеч. И. С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. - М.: Мысль, 1985. - 621 с., С. 474-475.

«1. Члены естественного рода обладают сущностью, которая одновременно необходима и достаточна для членства в роде.

2. (В сочетании с законами природы) сущность способствует созданию поверхностных свойств образца вида, некоторые из которых обычно ассоциируются с членами вида.

3. Сущность природного вида - это набор присущих ему свойств».²³⁷ В качестве примеров таких естественных видов в философской литературе обычно фигурируют золото, сущность которого определяется тем, что оно состоит из частиц с атомным номером 79, и вода, сущность которой определяется формулой H₂O. При этом и Сол Крипке, и Х. Патнэм, в частности, считают, что внутренние характеристики естественных видов становятся известны лишь апостериори, после их тщательного научного рассмотрения.

Однако проблема состоит в том, что золото, было золотом, а вода водой задолго до того, как химики определили их внутреннее строение. Выходит, что их принадлежность к роду была когда-то определена не реальным («особое внутреннее строение», как выразался Д. Локк), а номинальным образом. И, кажется, у нас есть возможность указать на то, каким был механизм подобного рода определений.

В 40-х годах XX века в экспериментах американских психологов Дж. Брунера и Л. Постмена²³⁸ было обнаружено, что «Восприятие предполагает акт категоризации. Фактически в эксперименте происходит следующее; мы предъявляем субъекту соответствующий объект, а он отвечает путем отнесения воспринятого раздражителя к тому или иному классу вещей или событий».²³⁹ (И это заставляет вспомнить теорию познания Аристотеля-Фомы Аквинского). Дж. Брунер даже

²³⁷ Williams N. Putnam's traditional neo-essentialism, P. 151-170. // The Philosophical Quarterly. - 2011. - Vol. 61. No. 242. - P. 151.

²³⁸ See: Bruner J.S., Postman L. Tension and tension release as organizing factors in perception. // Journal of Personality. - 1947. - No 15 (4). - P. 300-308.

²³⁹ Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. Пер. с англ. К. И. Бабицкого. - М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - 782 с., С. 13.

приходит к выводу, что «Если бы какое-нибудь восприятие оказалось не включенным в систему категорий, то есть свободным от отнесения к какой-либо категории, оно было бы обречено оставаться недоступной жемчужиной, жар-птицей, погребенной в безмолвии индивидуального опыта».²⁴⁰ При этом Дж. Брунер признает, что «законы восприятия» совершенно аналогичны «законам понятийной деятельности».

Таким образом, оказывается, что *категоризация или отнесение к сущности* — это не забытая особенность метафизического типа познания, а естественная способность нашего мышления вообще. А значит и любой предстоящий нам объект, для того, чтобы быть отраженным в мыслях, должен быть причислен нами к какому-то «виду» и принадлежать к какой-то онтологической категории. Точно так же и сущность «воды» наши предки определяли не потому, что она по своему химическому составу является H_2O , - это еще оставалось неизвестным, а потому, что она принадлежит к роду жидкостей, обладая при этом такими отличительными признаками как прозрачность, бесцветность, отсутствие вкуса и необходимость для жизни.

Справедливости ради, следует признать, что к подобным же выводам по поводу эссенциализма пришли не только психологи, но также и философы. Так, например, с точки зрения Дж. Лоу «...общая сущность вещи заключается в том, что значит быть вещью в своем роде, а ее индивидуальная сущность заключается в том, что значит быть индивидуумом такого рода, каким он является, в отличие от любого другого индивидуума в этом роде».²⁴¹ Как видим, эссенциализм и для Дж. Лоу — естественная и необходимая способность нашего мышления.

²⁴⁰ Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. Пер. с англ. К. И. Бабицкого. - М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - 782 с., С. 16.

²⁴¹ Lowe J. Essentialism, Metaphysical Realism, and the Errors of Conceptualism, P. 9-33. // *Philosophia Scientiæ*. - 2008. - No 12 (1). - P. 13.

Дж. Лоу даже пишет о том, что «...отрицание реальности сущностей создает не только эпистемологическую проблему: оно также создает онтологическую проблему. Если у Тома нет «личности» — независимо от того, знаком с ней кто-либо или нет, - нет ничего, что делало бы Тома тем, чем он является, в отличие от любой другой вещи. Антиэссенциализм обязывает нас к антиреализму, и действительно, к антиреализму настолько глобальному, что он, безусловно, бессмыслен». ²⁴²

Во всяком случае, тем, для кого эссенциализм - это когнитивное заблуждение, следует считаться с подобными контрдоводами. Автору работы кажется, что в полной мере это относится и к классической критике эссенциализма К. Поппером.

Для К. Поппера эссенциализм как философская концепция настолько несостоятелен, что, разделявший его взгляды, М. Блауг даже бросил реплику об «ослиных ушах» эссенциализма. ²⁴³ К тому же эссенциализм неприемлем для К. Поппера не только в когнитивном, но и в социальном плане, так как обращение философов к эссенциализму «...с неизбежностью приводит к антинаучному, антирационалистическому и антилиберальному мышлению». ²⁴⁴

При этом главным доводом против эссенциализма всегда служил его не эмпирический характер. По мнению К. Поппера, «...эссенциалистские воззрения находятся в вопиющем противоречии с методами современной науки. (Я имею в виду, - писал он, - эмпирические науки, а не чистую математику)». ²⁴⁵ Из чего следует, что научными К. Поппер считал только методы естественных наук. Вот почему он пишет о том, что «...в социальных науках мало что напоминает объективный и идеальный поиск истины, который мы видим в физике. Сколько тенденций в

²⁴² Lowe J. Essentialism, Metaphysical Realism, and the Errors of Conceptualism, P. 9-33. // *Philosophia Scientiæ*. - 2008. - No 12 (1). - P. 14.

²⁴³ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. - М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. - 416 с., С. 185.

²⁴⁴ Пржиленский В.И. Социально-исторический контекст становления аналитики присутствия, С. 137-140. // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. - 2010. - № 4. - С. 137.

²⁴⁵ Поппер К. Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 528 с., С. 20.

социальной жизни, столько их и в социальной науке; сколько интересов, столько и точек зрения».²⁴⁶

И подобных взглядов придерживался, конечно, не только К. Поппер. Такова была общая платформа философского позитивизма. «Предположим, например, - писал один из лидеров логического позитивизма американский философ немецкого происхождения Рудольф Карнап, - что кто-нибудь образует новое слово «бабик» и утверждает, что имеются вещи, которые «бабичны», и такие, которые «небабичны». Чтобы узнать значение слова, мы спросим этого человека о критерии: как в конкретном случае установить, является ли определенная вещь бабичной или нет? Предположим, что спрашиваемый на вопрос не ответил: он сказал, что для бабичности нет эмпирических характеристик. В этом случае мы считаем употребление слова недопустимым».²⁴⁷

Понятно, что подобная философия направлена, прежде всего, против эссенциализма. Ведь эссенциализм имеет дело с сущностями, которые не эмпиричны по самой своей природе. Однако Р. Карнап почему-то не обратил внимание на то, что демокритовские атомы тоже когда-то были «бабиками». Вдобавок к этому М. Вартофский напомнил и про другие известные в истории «бабики»: «Достаточно сослаться на понятия *материи, движения, силы, поля, элементарной частицы* и на концептуальные структуры *атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности, эволюции и скачка, целого и части, неизменности в изменении, пространства, времени, причинности*, (курсив М. Вартофского — А.А.) которые первоначально имели «метафизическую» природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия».²⁴⁸ Тем не менее, под

²⁴⁶ Поппер К. Нищета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 24.

²⁴⁷ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка, С. 89-95. // Исследователь/Researcher. - 2009. - № 1. - С. 90.

²⁴⁸ Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке, С. 43-110. // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. Сборник переводов. - М.: Издательство «Прогресс», 1978. - 487 с., С. 63.

влиянием аргументов, подобных изложенным К. Поппером и Р. Карнапом эссенциализм по-прежнему считается устаревшей и исторически уже преодоленной формой философской и экономической мысли.

Прежде всего, считал К. Поппер, эссенциализм недостаточен в области общественных наук. Тем не менее, возмущался он, несмотря на все плюсы методологического номинализма «...проблемы общественных наук до сих пор решаются в основном эссенциалистскими методами». В этом, по мнению К. Поппера, и состоит одна «...из главных причин их отсталости».²⁴⁹ Однако с точки зрения, например, В.Н. Жукова, «Предлагать (как это делает Поппер) использовать позитивистскую (естественно-научную) методологию для исследования социальных проблем означает заведомо ограничивать свой исследовательский горизонт».²⁵⁰

Эссенциализм не устраивал К. Поппера, в первую очередь, потому, что в науке он описывал «...те реальности, которые лежат за явлениями».²⁵¹ (курсив К. Поппера — А.А.). Такие «реальности», по мнению К. Поппера, «не нуждаются в дальнейшем объяснении и не допускают его», они являются «окончательными объяснениями».

И эта «окончателность объяснений», по сути, и явилась предметом критики К. Поппера. Ведь в науке нет и не может быть ничего окончательного. Все теории со временем будут сфальсифицированы. Выходит, что всякая «окончателность» находится за пределами демаркационной линии, отделяющей науку от не науки. Однако К. Поппер не обратил внимание на то, что до тех пор, пока научная теория не будет сфальсифицирована, функционально она также играет роль «окончательных объяснений». При этом К. Поппер «...согласен с эссенциализмом относительно того,

²⁴⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 448 с., С. 65.

²⁵⁰ Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: окончанный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историзма, С. 15-29. // Государство и право. - 2020. - № 11. - С. 25.

²⁵¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1983. - 605 с., С. 300.

что многое от нас скрыто и что многое из того, что скрыто, может быть обнаружено».²⁵²

По мнению К. Поппера, «Эссенциализм считает наш обычный мир только видимостью, за которой он открывает реальный мир. Такое понимание должно быть отвергнуто сразу же, как только мы осознаем тот факт, что мир каждой из наших теорий в свою очередь может быть объяснен с помощью других дальнейших миров, описываемых последующими теориями — теориями более высокого уровня абстракции, универсальности и проверяемости».²⁵³

Однако эссенциалисты также согласны с тем, что сущности исторически развиваются, и что каждая из них представляет собой иерархию связанных между собой «дальнейших миров, описываемых последующими теориями — теориями более высокого уровня абстракции, универсальности и проверяемости». Эссенциалисты лишь говорят о том, что эти тождественные между собой «дальнейшие миры» не сходны между собой так, как не сходны между собой, например, яйцо, гусеница, куколка и бабочка. А между тем, все они представляют собой одну и ту же сущность.

Но К. Поппер продолжает критику эссенциализма также и со стороны его «историцизма». Хотя в данном случае мы согласны с мнением О.В. Афанасьевой, что, рассуждая об «историцизме» «...Поппер ввёл излишний термин. Открытие «железных законов» социальной эволюции и описание истории как целенаправленного процесса есть частный случай восходящего к Платону и Аристотелю *эссенциализма* (курсив О.В. Афанасьевой — А.А.)».²⁵⁴ В итоге

²⁵² Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1983. - 605 с., С. 302.

²⁵³ Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1983. - 605 с., С. 317.

²⁵⁴ Афанасьева О.В. Открытое общество и его риски. Перечитывая Карла Поппера, С. 43-53. // Вопросы философии. - 2012. - № 11. - С. 44.

читателям «...приходится постоянно прилагать специальные усилия, чтобы не путать историцизм, историзм и исторический метод».²⁵⁵

Как и в случае прямой критики эссенциализма, обращаясь к историцизму, в качестве мишени К. Поппер выстраивает некую искусственную конструкцию. С его точки зрения, «...историцизм видит главную задачу социальных наук в *историческом предсказании* (курсив К. Поппера — А.А.)».²⁵⁶ И если марксизм, в самом деле, считал, что постиг законы истории, и потому может предсказывать ее направление, то вовсе не все социальные науки поступают также. В эту схему не вписывается даже такой классический эссенциалист, как Г.В.Ф. Гегель, для которого философия есть «...современная ей эпоха, постигнутая в мышлении. Столь же глупо думать, - писал Г.В.Ф. Гегель, - что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос. Если же его теория в самом деле выходит за ее пределы, если он строит себе мир, каким он должен быть, то этот мир, хотя, правда, и существует, однако — только в его мнении; последнее представляет собою мягкий материал, на котором можно запечатлеть все, что угодно».²⁵⁷

Главный недостаток историцизма К. Поппер видит в том, что «...невозможна историческая социальная наука, похожая на *теоретическую физику* (курсив К. Поппера — А.А.). Невозможна теория исторического развития, основываясь на которой можно было бы заниматься историческим предсказанием».²⁵⁸ Однако никто из эссенциалистов и не говорит о том, что «историческая социальная наука, похожая на *теоретическую физику*» возможна. Как раз наоборот, с чем соглашается и сам К. Поппер: «...историцизм утверждает, что физические методы неприменимы к

²⁵⁵ Афанасьева О.В. Открытое общество и его риски. Перечитывая Карла Поппера, С. 43-53. // Вопросы философии. - 2012. - № 11. - С. 44.

²⁵⁶ Поппер К. Нищета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 10.

²⁵⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. // Гегель Г.В.Ф. Соч. В 14-ти томах. Том VII. - М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. - 380 с., С. 16.

²⁵⁸ Поппер К. Нищета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 20.

социальным наукам вследствие глубоких различий, существующих между социологией и физикой».²⁵⁹

К. Поппер признает, что социальные науки — это качественные, а не количественные науки. «Проигрывая в точности, социальная наука выигрывает в богатстве и широте смысла, которые ей придают «качественные» понятия».²⁶⁰ Правда, по мнению К. Поппера, для социальных наук это является слабым утешением, поскольку им мешает опора на коллективистские методы.

А между тем, с точки зрения К. Поппера, «Методологический индивидуализм — это совершенно неопровержимая концепция, согласно которой коллективные феномены суть результат действий, взаимодействий, целей, надежд и мыслей индивидуальных людей, а также традиций, которые они создают и поддерживают».²⁶¹ Общее для К. Поппера — это, в лучшем случае, нечто интерсубъективное.

Руководствуясь естественно-научным идеалом познания, К. Поппер представляет холизм общественных наук как нечто противоестественное. По его словам, историцисты уверяют, что «Социология, как все «биологические» науки, т. е. науки, имеющие дело с живыми объектами, должна быть не атомистической, а, как сейчас говорят, «холической» (holistic). Ибо объекты социологии, социальные группы, нельзя рассматривать просто как агрегаты, составленные из личностей. Социальная группа *больше* простой суммы своих членов и *больше* (курсив К. Поппера — А.А.) суммы личных отношений, существующих в любой данный момент времени между любыми членами группы».²⁶²

Однако, по мнению К. Поппера, «Холистский подход несовместим с наукой»²⁶³, так как научное рассмотрение целостности и само ее существование «...есть

²⁵⁹ Поппер К. Ницета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 12.

²⁶⁰ Поппер К. Ницета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 46.

²⁶¹ Поппер К. Ницета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 180-181.

²⁶² Поппер К. Ницета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 25.

²⁶³ Поппер К. Ницета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 83.

логическая невозможность».²⁶⁴ А между тем, наши предки использовали «логически невозможные» холистские структуры самым обычным образом. Странно, что в многолетней дискуссии между индивидуализмом и холизмом никто не предъявил этот довод.

Ведь в русском, например, как и в английском языке мы до сих пор встречаемся с остатками форм двойственного числа. Едва ли кто-нибудь из говорящих по-русски не видит разницы в значении слов «два» и «оба» (то есть те же два, только действующие как совокупность). Имеются остатки двойственного числа также и в английском языке: «two» и «both».

В силу значительного влияния других языков на английский, о чем мы знаем из истории, в наши дни, он, в отличие от русского, уже полностью утратил воспоминания о тройственном числе. Вот почему и название повести Джерома К. Джерома «Three men in a boat (to say nothing of the dog)», еще оказывается возможным перевести на русский с помощью тройственного числа - «Трое в лодке, не считая собаки», а в английском языке подходящее слово было уже навсегда утрачено. И, надо признать, что на русском языке название повести гораздо точнее передает ее содержание, поскольку трое мужчин явным образом представляют собой некую совокупность, в которую не включена собака.

Конечно, современному человеку все эти выражения кажутся обычными синонимами. Но первобытный человек на своей шкуре знал, что «трое», действующие как совокупность, гораздо сильнее «трех», действующих каждый за себя. А значит, «двое» или «трое» были не только словами языка, но и определенными логическими категориями. Вот почему противопоставлять холизм логике, а заодно и науке у К. Поппера нет никаких оснований.

---

²⁶⁴ Поппер К. Ницета историзма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 93.

В целом критическая позиция К. Поппера по отношению к эссенциализму и в книге «Открытое общество и его враги», и в книге «Нищета историцизма» выглядит непоследовательной, поскольку в ряде случаев он вынужден был говорить о его достоинствах, а не о недостатках. В частности, К. Поппер признал, что «В пользу эссенциализма говорит то, что, благодаря ему мы видим тождественное в изменяющихся вещах; он также выдвигает сильные аргументы в поддержку концепции, согласно которой социальные науки должны применять исторический метод; иначе говоря — в поддержку историцизма».²⁶⁵

Согласен К. Поппер и с тем, что «...мы не можем говорить об изменении или развитии, не предполагая, что существует неизменная сущность, а значит, не рассуждая как методологические эссенциалисты».²⁶⁶ Все это, конечно же, ослабляет критику К. Поппером методологического эссенциализма.

Неудивительно, что в современной философии науки растет стремление уйти от абсолютного неприятия эссенциализма, которое мы наблюдаем у К. Поппера. Вместо описываемых К. Поппером внеисторических и окончательных естественных видов, на практике, как отмечает, например, немецкий философ Рико Хаусвальд, «...понятие реального вида оказывается градуируемым. Некоторые виды «более реальны» (или «более естественны», более «научно значимы»), чем другие».²⁶⁷ И это вполне согласуется с позицией методологического эссенциализма. Ведь «Эссенциалисты могут осмыслить количественные изменения и слабые качественные изменения, но не более сильные формы изменений. Так как в этом случае эссенциалисты должны были бы признать, что сильная форма изменения вида требует изменения и его сущности (ибо вид тождественен его сущности)».²⁶⁸

---

²⁶⁵ Поппер К. Нищета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 43.

²⁶⁶ Поппер К. Нищета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 40-41.

²⁶⁷ Hauswald R. The Ontology of Interactive Kinds, P. 203-221. // Journal of Social Ontology. - 2016. - No 2 (2). - P. 215-216.

²⁶⁸ Hauswald R. The Ontology of Interactive Kinds, P. 203-221. // Journal of Social Ontology. - 2016. - No 2 (2). - P. 218.

С этой, можно сказать, «слабой» версией эссенциализма согласны и другие философы. К примеру, уже упоминавшаяся нами Э. Филиппс пишет, что эссенциализм «...не всегда так легко отличить от более невинных форм обобщения, и то, что в нем не так, часто является вопросом степени, а не категорического запрета».²⁶⁹

При этом, наряду с подобными поисками компромисса в науке слышны голоса и в поддержку эссенциализма в его сильной версии. Сторонники эволюционной экономики, например, ссылаются на позицию канадского биолога Марка Эршевского, который в качестве классического проявления эссенциализма указывает на периодическую таблицу Менделеева, «...в которой все элементы обладают реальной сущностью — их уникальной и идентичной атомной структурой».²⁷⁰

Подобные дискуссии свидетельствуют о том, что эссенциализм в современной философии и экономической науке никак нельзя считать устаревшей и исторически преодоленной доктриной. И в наши дни «Философы продолжают обсуждать эссенциализм как живую альтернативу, и эти живые и технические обсуждения эссенциалистских проблем можно найти, просто просмотрев журналы высшего уровня в философской области».²⁷¹

Суммируя сказанное, отметим, что в области общественных наук К. Поппер, фактически, предложил «...отказаться от методологии эссенциализма в пользу методологии номинализма, т. е. встать на позиции классического позитивизма».²⁷²

---

²⁶⁹ Phillips A. What's wrong with essentialism? P. 1-24. // LSE Research Online. - 2012. - No 4. - P. 20.

²⁷⁰ Ereshefsky M. The poverty of Linnaean hierarchy: A philosophical study of biological taxonomy. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - 316 p., P. 17.

²⁷¹ Khawaja I. Essentialism, Consistency and Islam: A Critique of Edward Said's Orientalism, P. 689-713. // Israel Affairs. - 2007. - No 13 (4). - P. 691.

²⁷² Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: оконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма, С. 15-29. // Государство и право. - 2020. - № 11. - С. 24.

И хотя развитие философии обнаружило бесперспективность этого пути, само применение методологической оппозиции «эссенциализм-номинализм» к анализу истории философии, по мнению автора работы, является несомненной заслугой К. Поппера. Другое дело, что при этом возникла невольная методологическая путаница. Ведь, как показал многолетний опыт средневековой дискуссии, термин «номинализм» противостоит вовсе не эссенциализму, а реализму, что переносит центр тяжести исследования на онтологию. Тогда как у К. Поппера эссенциализм противопоставляется номинализму как методологический холизм - методологическому индивидуализму. Вот почему автор работы разделяет мнение А.М. Орехова, что, оставаясь в рамках методологического спора, точнее было бы противопоставлять эссенциализму не номинализм, а его прямую противоположность — феноменологию.

Рассмотрев вопрос определения эссенциализма в философии и экономической науке диссертант пришел к следующим выводам:

1. Конечной причиной существования двух непримиримых типов философской методологии — эссенциализма и феноменологии является наличие онтологической оппозиции — реализма и конструктивизма. Реализм признает, что нечто может существовать и не будучи проявленным, до и без человека. Конструктивизм также считает, что нечто может существовать и не будучи проявленным, но только как представление человека.

2. В античной и средневековой метафизике эссенциализм играл исключительно положительную роль, в частности, в анализе проблемы единства внешней и внутренней форм объекта в теории познания Аристотеля и Фомы Аквинского.

3. К. Поппер в своих трудах успешно исследовал методологическую оппозицию «эссенциализм-номинализм (по сути, феноменология)». При этом многоаспектная критика эссенциализма, предпринятая К. Поппером и другими представителями

неопозитивизма и аналитической философии (Р. Карнап, Р. Рорти) во многих случаях не достигла цели. К тому же, как показывает анализ текстов самого К. Поппера, будучи объективным исследователем, он, порой, был вынужден положительно оценивать заслуги эссенциализма в истории философской мысли.

§ 2.2. Ойкономика и хрематистика в античной экономической теории

К. Поппер успешно применил оппозицию эссенциализм-номинализм, а точнее, как выяснилось, эссенциализм-феноменология к анализу истории философской мысли. Однако не менее плодотворно, на взгляд автора работы, она проявила себя и в истории мысли экономической.

Развитие экономических идей естественно началось с анализа частных экономических явлений. Причем «Самые ранние из известных письменных источников, появившиеся в Месопотамии около пяти тысяч лет назад, были, по сути, деловыми документами и торговыми счетами».²⁷³ Позднее анализ хозяйственных явлений продолжился в трактатах, посвященных управлению государством. Таковы, например, «Книга правителя области Шан»²⁷⁴, «Артхашастра»²⁷⁵, «Законы Ману»²⁷⁶ и подобные им сочинения.

В полисной системе государственного устройства, присущей Древней Греции, экономические явления рассматривались уже с точки зрения отдельного домохозяйства. В своей работе «Город» Макс Вебер отмечал, что «...если мы в наше время правильно назовем типичным «горожанином» человека, который удовлетворяет свои продовольственные потребности не с собственного поля, то для

---

²⁷³ Eller J.D. Social Science and Historical Perspectives. Society, Science, and Ways of Knowing. - Abingdon and New York: Routledge, 2017. - 295 p., P. 91.

²⁷⁴ Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Пер. с кит. - М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. - 392 с.

²⁷⁵ Артхашастра или Наука политики / Пер. с санскр. - М.-Л.: АН СССР, 1959. - 793 с.

²⁷⁶ Законы Ману. Манавадхармашастра. - М.: «ЭКСМО-пресс», 2002. - 496 с.

большинства типичных городов древности (poleis) правильным будет как раз обратное. /.../ античный полноправный гражданин был «аграрным гражданином».²⁷⁷

В Древней Греции гражданином мог быть только тот, кто владел своим собственным земельным участком. Иноземцы (или метеки), сколько бы денег у них не было, по закону не могли купить себе землю. Да и термин «ойкос» («οἶκος» — хозяйство (дом, жилище)) тогда относился не только к домашнему хозяйству, но и к самому поместью, включая земельный участок. И даже в большей степени к поместью, управлять которым, конечно же, было сложнее. По этой причине, хотя управление ойкосом в текстах архаического периода (примерно с VIII по VI века до н.э.) рассматривалось довольно часто, такой термин как «ойкономика» в них практически не встречался. Да и позднее термин «ойкономос» использовался лишь в значении «управляющий».

И назначение книги Ксенофонта «Οἰκονομικός» (от древнегреческих слов «οἶκος» - «дом» и «νόμος» - «номос» — правило, закон), давшей название новой науке о хозяйстве, на самом деле было прикладным. В ней Ксенофонт отмечал, что «...домоводство есть название какой-то науки, а эта наука, как мы определили, есть такая, при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, а хозяйство, согласно нашему определению, есть всё без исключения имущество, а имуществом каждого мы назвали то, что полезно ему в жизни...»²⁷⁸

Фактически, Ксенофонт определил здесь экономику как науку об управлении хозяйством, представляющую собой практические и теоретические знания, а также умения людей, при помощи которых хозяйство можно обогащать. В его изложении ойкономика носила еще не столько предписывающий, сколько описывающий характер. И нет ничего удивительного в том, что экономика, как и любая наука,

²⁷⁷ Вебер М. Город, С. 333-486. // Вебер М. История хозяйства. Город. - М.: «Канон-Пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. - 576 с., С. 341.

²⁷⁸ Ксенофонт. Домострой, С. 197-262. // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. - М.: Издательство «Наука», 1993. - 380 с., С. 215.

сперва начиналась с описания. Ведь в «Ойкономике» речь шла о земледелии и о домашнем благоустройстве, о садоводстве, умении обращаться с людьми и повелевать ими и так далее. Все это — сплошное царство эмпирии, носящее едва различимые следы первых обобщений. Вот почему автор работы рассматривает позицию Ксенофонта как феноменологическую. Позднейшие труды римских экономистов М.П. Катона «Земледелие»²⁷⁹, М.Т. Варрона «Сельское хозяйство»²⁸⁰ и Л.Ю.М. Колумеллы «О сельском хозяйстве»²⁸¹ также в основном исследуют экономические «феномены».

Эссенциализм в экономическую науку вошел благодаря работам Платона. Будучи эссенциалистом в философии, Платон нашел общее также и в экономической жизни. Обмен товарами — вот что, по его мнению, поддерживает единство государства. «Разве не благодетель, - спрашивал Платон, - любой человек, приводящий к соразмерности и единообразию любую разнообразную и несоразмерную собственность? Надо признать, что это происходит благодаря денежному обращению...»²⁸² Как видим, различие между эссенциалистской и феноменологической методологией в экономической науке возникло уже при ее рождении в античности.

Но К. Поппер не зря отмечал, что «Школа методологического эссенциализма основана Аристотелем, который учил, что научное исследование должно проникать в сущность вещей».²⁸³ Вот и в экономике Аристотель не мог удовлетвориться одним

²⁷⁹ Катон М.П. Земледелие. - Санкт-Петербург: Издательство «Наука», 2008. - 220 с.

²⁸⁰ Варрон М.Т. Сельское хозяйство. - М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. - 218 с.

²⁸¹ Колумелла Л.Ю.М. О сельском хозяйстве, С. 137-184. // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. - М.-Л.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1937. - 302 с.

²⁸² Платон. Законы, С. 89-513. // Платон. Сочинения в 3-х томах. Том 3. Часть 2. - СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та; «изд-во Олега Абышко», 2007. - 731 с., С. 447.

²⁸³ Поппер К. Ницета историзма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 37.

лишь денежным обращением, так как «...все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо».²⁸⁴

Неудивительно, что, пользуясь методологией эссенциализма, Аристотель начал искать общее уже в самом обмене. И обнаружил, что за обменом стоит обслуживающая его монета, а за монетой, лежащая в основе всей экономики «потребность». Как писал Аристотель, поскольку «...все должно измеряться чем-то одним. Поистине, такой мерой является потребность, которая все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они по-разному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким, [т. е. не справедливым]; и, словно замена потребности, по общему уговору появилась монета; оттого и имя ей «номисма», что она существует не по природе, а по установлению (νομῶι) и в нашей власти изменить ее или вывести из употребления».²⁸⁵

Правда, вскоре Аристотель признал, что даже потребность еще не является истинной основой экономики, так как люди в своих стремлениях ведут себя по-разному. Кто-то привык довольствоваться малым, а потому и потребности у него будут малые. А кто-то старается взять от жизни все, поэтому и потребности у него будут соответствующими. Сходные мысли мы можем обнаружить и у Ксенофонта.

В частности, вторая глава его «Ойкономики», если слегка сократить ее название, звучит как «Богатство Сократа и Бедность Критобула», хотя по признанию самого Сократа его имущество было в сто раз меньшим, чем у Критобула. Тем не менее, Сократ даже слегка хвастает перед Критобулом, что «...моего состояния хватает на то, чтобы у меня было все в достаточном для меня количестве. А для того

²⁸⁴ Аристотель. Никомахова этика, С. 53-293. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 156.

²⁸⁵ Аристотель. Никомахова этика, С. 53-293. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 156.

образа жизни, которым ты себя окружил, и для поддержания твоей репутации тебе не хватит, хоть бы втрое больше прибавилось у тебя к тому, что ты теперь имеешь».²⁸⁶

И этот парадоксальный диалог был возможен лишь потому, что, по мнению израильского историка экономической мысли Дотана Лешема: «...античные писатели приняли субъективную меру богатства. Поскольку они видели, что богатство не могло измеряться «объективным» критерием, таким как денежная стоимость, они вместо этого определили его как нечто, что 1) удовлетворяет хотение человека; и 2) участвует в создании излишка...»²⁸⁷

Но Аристотель выяснил, что потребность сложна еще и потому, что, фактически, она носит двойственный характер также и в другом смысле. Ведь «...обувью пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивает обувь имеющему в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не по назначению, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения — все они могут быть предметом обмена».²⁸⁸

А так как потребность, по сути, является двойственной, то значит имеются и две разных формы экономики. Одна из них непосредственно удовлетворяет потребности, а другая удовлетворяет их при посредничестве обмена.

Первую форму экономики Аристотель считал естественной и вслед за Ксенофонтом именовал «ойкономикой». Вторую же, целью которой является безудержное накопление денег в обмене, - Аристотель считал противоестественной и

²⁸⁶ Ксенофонт. Домострой, С. 197-262. // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. - М.: Издательство «Наука», 1993. - 380 с., С. 202.

²⁸⁷ Leshem D. Oikonomia redefined, P. 43-61. // Journal of the History of Economic Thought. - 2013. - Vol. 35. No 1. - P. 58.

²⁸⁸ Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 390.

подобрал для нее соответствующее название - «хрематистика» (от древнегреческого *χρηματιστική* — обогащение).

Однако после того как выяснилось, что, фактически, имеются две, а не одна формы экономики, перед Аристотелем встал вопрос о единстве экономической науки: «...тождественно ли искусство наживать состояние с наукой о домохозяйстве, или это искусство есть часть данной науки, или оно стоит в служебном к ней отношении?...»²⁸⁹ Тщательно исследуя все варианты ответов, в конце концов, Аристотель пришел к выводу, что сам по себе обмен не является противоестественным, так как «...мелкая торговля не имеет по природе никакого отношения к искусству наживать состояние, потому что вначале обмен ограничивался исключительно предметами первой необходимости».²⁹⁰

Следовательно, по мнению Аристотеля, «Такого рода меновая торговля и не против природы, и вовсе не является разновидностью искусства наживать состояние, ведь ее назначение — восполнять то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни. Однако из указанной меновой торговли развилось все-таки вполне логически и искусство наживать состояние»²⁹¹, которое от обычной торговли отличается тем, что уже сознательно как цель ставит перед собой накопление денежных знаков без всякого мыслимого предела.

Вот почему Аристотель считал, что «...на правильном пути исследования стоят те, кто определяет богатство и искусство наживать состояние как нечто отличное одно от другого».²⁹² При этом Аристотель с пониманием относился к тому, что у людей «...вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой

²⁸⁹ Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 387.

²⁹⁰ Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 391.

²⁹¹ Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 391.

²⁹² Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 392.

торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег. /.../ Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе».²⁹³

И происходит так потому, что в основе хрематистики «...лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат к утолению этой жажды, также безгранично».²⁹⁴ Тогда как в ойкономике «...мера обладания собственностью, которая является достаточной для хорошей жизни, не беспредельна...»²⁹⁵

Мы видим, что этическая и экономическая жизнь у Аристотеля не отличаются друг от друга. Что хорошо в этике, - то хорошо и в экономике. А поскольку, по Аристотелю, «добродетель» «...есть некое обладание серединой...»²⁹⁶, постольку таким же требованиям должна отвечать и полисная экономика — ни чрезмерной бедности, ни чрезмерного богатства. По этой причине, в отличие от Платона, и к частной собственности Аристотель относился вполне терпимо. Если Платон считал, что «...одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно»²⁹⁷, то для Аристотеля частная собственность есть благо само по себе, так как, в свою очередь, дает возможность творить благо, по меньшей мере, своим друзьям и близким.

Как поясняет М.С. Вырская: «Позиция Аристотеля относительно богатства станет еще яснее, если принять во внимание принцип, на котором строилась жизнь «ойкоса», домохозяйства — основной социальной единицы греческого полиса. Этим принципом была автаркия — экономическая самодостаточность. /.../ Экономическая

²⁹³ Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 395.

²⁹⁴ Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 393.

²⁹⁵ Аристотель. Политика, С. 375-644. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 390.

²⁹⁶ Аристотель. Никомахова этика, С. 53-293. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 86.

²⁹⁷ Платон. Законы, С. 89-513. // Платон. Сочинения в 3-х томах. Том 3. Часть 2. - СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та; «изд-во Олега Абышко», 2007. - 731 с., С. 234.

независимость означала лишь самостоятельное обеспечение своего существования, а не богатство, полученное в результате торговли или занятия ремеслом».²⁹⁸

Такой была эссенциалистская точка зрения на экономику Аристотеля, чье теоретическое наследие представляет собой вершину античной исследовательской мысли. Как видим, уже античные философы понимали, что в основе экономических отношений лежат человеческие потребности, и что, в зависимости от способа удовлетворения этих потребностей, экономика разделяется на две отличающиеся друг от друга части: на ойкономику и хрематистику.

Вот почему, несмотря на глубокий анализ античной экономической мысли, проделанный Й. Шумпетером в работе «История экономического анализа», его оценка античной экономической теории, на взгляд автора работы, выглядит чересчур суровой. Ведь по словам Й. Шумпетера: «...Экономические рассуждения древних греков сливались с их общей философией государства и общества, и они редко рассматривали какой-либо экономический вопрос ради него самого. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что их достижения в данной области были столь скромны, особенно по сравнению с их выдающимися достижениями в других сферах».²⁹⁹

Фактически, это - оценка эссенциалистских прозрений античных философов и экономистов с точки зрения позитивистской, то есть феноменологической методологии. И получается так потому, что Й. Шумпетер писал «Историю экономического анализа», и, в отличие от многих теоретиков, различал экономическую мысль и экономический анализ. При этом под экономическим анализом он понимал «...владение техникой анализа в трех областях: истории,

---

²⁹⁸ Вырская М.С. Философия и экономическая наука: эволюция и траектории развития, С. 131-137. // Terra economicus. - 2010. - Том 8. № 2. - С. 133.

²⁹⁹ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х томах. Том 1. / Йозеф Шумпетер. - Санкт-Петербург: Институт «Экономическая школа», Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; М.: Государственный университет - Высшая школа экономики, 2004. - 496 с., С. 64-65.

статистике и теории»³⁰⁰. Понятно, что ни Платон, ни Аристотель использовать статистику в своих трудах еще просто не могли. Да и сама экономическая теория для Й. Шумпетера (и здесь он повторил определение Джоан Робинсон, назвав его «непревзойденным») - это всего лишь «ящик с инструментами».

Сторонники неоклассической экономической теории рассматривают историю как место приложения вневременных экономических категорий, вроде homo oeconomicus. Однако, как видно на примере античности, не все исторические типы экономики укладываются в это прокрустово ложе. Правда, в современных экономических исследованиях речь идет не только об экономических потребностях, но и об экономических интересах (дословно с латинского переводится как «быть внутри» (inter esse)).

При этом термин «интерес» используется многими общественными науками. По этой причине существует и множество его определений: от полного отождествления с «потребностью» до полного их противопоставления. Например, по мнению Ф.М. Эфендиева и Г.Б. Рустамбекова: «Потребность более близка к физиологической нужде в предметах потребления – пище, одежде, жилье, в то время как интерес в большей степени применим к экономическим отношениям и институтам, с которыми связано выдвижение целей, соотнесённых с предпосылками и средствами их достижения».³⁰¹ А вот В.О. Бернацкий, наоборот, фактически, отождествляет два этих понятия, считая, что «возможность правильного объяснения природы и сущности интереса заключена не в факте его связи с потребностью, а в содержании последней».³⁰²

³⁰⁰ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х томах. Том 1. / Йозеф Шумпетер. - Санкт-Петербург: Институт «Экономическая школа», Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; М.: Государственный университет - Высшая школа экономики, 2004. - 496 с., С. 14.

³⁰¹ Эфендиев Ф.М., Рустамбеков Г.Б. Диалектика интересов личности и общества: экономико-философский аспект, С. 27-30. // Хуманитарни Балкански изследвания. - 2021. - Т. 5. № 2 (12). - С. 28.

³⁰² Бернацкий В.О. Интерес: познавательная и практическая функции / В. О. Бернацкий. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. - 168 с., С. 15.

Однако в любом обществе существуют разнонаправленные интересы. Вот почему в отношениях между потребностью и интересом, по мнению автора работы, наблюдается следующая зависимость: чем больше интерес становится intersubъективным, тем в большей степени он приближается к объективной потребности. А поскольку в настоящей работе мы обращаемся к анализу таких крупных социальных единиц как экономические эпохи, постольку более приемлемой для целей диссертации оказывается именно категория «потребность». Как выражался классик политэкономии Уильям Петти — «никто ведь не пишет алтарный образ средствами миниатюрной живописи».

Еще одним отличием античной экономики от современной можно считать то, что в ней существовала тесная связь с этикой. Каким образом она возникла, и почему в наши дни нет ничего подобного? Ведь теоретики констатируют, что «...природа современной экономики существенно обеднела из-за дистанции, которая выросла между экономикой и этикой».³⁰³

В свое время классик позитивистской экономики Лайонель Роббинс писал: «Экономика имеет дело с достоверными фактами; этика - с оценками и обязательствами. /.../ Между обобщениями позитивных и нормативных исследований существует логическая пропасть, которую не может скрыть никакая изобретательность и никакое сопоставление в пространстве или времени не перекинет между ними мост».³⁰⁴ Однако, очевидно, что в античном мире такой мост между этикой и экономикой существовал. И античные философы даже мало писали по этому поводу, считая связь экономики с этикой вполне естественной.

В первой главе диссертации автор работы выяснил, что неоклассические экономисты не сомневаются в том, что их «империалистический» подход с

³⁰³ Sen A. On Ethics and Economics. - Oxford: Blackwell Publishing, 2004. - 131 p., P. 7.

³⁰⁴ Robbins L. An Essay on the Nature & Significance of Economic Science. Second Edition, revised and extended. - London: Macmillan and Co., Limited, 1945. - 160 p., P. 148.

рациональным выбором альтернатив носит всеобщий характер. А значит, он должен вполне подходить и к античной экономике. Ведь она тоже основана на поведении, осуществляющем рациональный выбор между целями и средствами, имеющими альтернативное применение. Так почему же античная экономика рациональным считала лишь выбор, направленный на достижение только нравственной цели?

Ответ здесь по видимости кроется в том, что для гражданина античного полиса возможными были всего лишь четыре образа жизни: основанный на ойкономике - экономический, основанный на хрематистике - роскошный, а также философский и политический. При этом для гражданина благой целью была жизнь либо политическая, либо философская, так как экономическая, и даже роскошная жизнь — это всего лишь средство, а не цель. Как объяснял Аристотель: «[Жизнь] стяжателя как бы подневольная, и богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, т. е. существует ради чего-то другого».³⁰⁵ Достойный же образ жизни могли вести только те, кто стоял рядом с экономикой, а не был поглощен ею.

И это была точка зрения представителя, так сказать, среднего сословия полиса, который как полноправный гражданин города имел свой участок земли, дающий ему средства пропитания. Достаточный, но не такой большой, чтобы сделаться при нем управляющим своего собственного поместья. Это от имени такого гражданина говорил Аристотель. И это ему природа всегда дает чуточку больше, чем ему нужно для простого воспроизводства своей жизни.

С точки же зрения «*homo oeconomicus*», порожденного хрематистикой, которая не имеет предела в самой себе, дефицит ресурсов является неизбежным и постоянным спутником. А в наши дни, когда хрематистика стала преобладающей формой экономических отношений это выглядит уже вполне естественным. Как точно подметил немецкий экономист Майкл Кун: «...экономическое мышление - это

³⁰⁵ Аристотель. Никомахова этика, С. 53-293. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 59.

вовсе не деньги, а «дефицит». /.../ Концепция дефицита /.../ утверждает, что даже создание все большего количества результатов экономической деятельности приводит к слишком малому».³⁰⁶ Эту же особенность современной экономики отмечал и Ж. Бодрийяр: «... в наших «изобильных» обществах изобилие *утрачено* (выделено Ж. Бодрийяром — А.А.) и /.../ его нельзя восстановить никаким приростом производительности, изобретением новых производительных сил. Так как структурный характер изобилия и богатства коренится в социальной организации...»³⁰⁷

Как видим, различия в эссенциалистском и феноменологическом подходах не только в наши дни, но даже в античности обнаруживают, что «...рациональность хозяйственной деятельности, которая и должна интересовать экономику, не тождественна той цели, которую преследует хрематистика».³⁰⁸

Исследовав античную экономическую мысль с точки зрения методологии эссенциализма, автор работы пришел к следующим выводам:

1. Эссенциализм и феноменология как методологические программы проявили себя уже в античной философской мысли. Работа Ксенофонта «Ойкономика» во многом носила еще описательный характер, и потому должна быть отнесена к феноменологической экономической мысли. В основном исследовали экономические «феномены» также и позднейшие римские экономисты - М.П. Катон, М.Т. Варрон и Л.Ю.М. Колумелла. Работы же Платона «Государство» и Аристотеля «Политика» использовали уже явно выраженную эссенциалистскую методологию в анализе экономики и общества.

³⁰⁶ Kuhn M. How the social Sciences think about the World's social. Outline of a CrItique. - Stuttgart, Germany: Ibidem-Verlag, 2016. - 270 p., P. 132.

³⁰⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. - М.: Республика; Культурная революция, 2006. - 269 с., С. 95-96.

³⁰⁸ Терентьева А.Р. Хрематистика как фундамент политэкономии капитализма в зеркале философской рефлексии, С. 48-56. // Национальные приоритеты России. - 2021. - № 1 (40). - С. 51.

2. Ксенофонт дал название новой науке — ойкономика, но ее содержание как обслуживание человеческих потребностей и основные формы — ойкономика и хрематистика — определил Аристотель. Аристотель же обосновал, что в основе всей хозяйственной жизни человека лежат потребности и различного рода средства их удовлетворения.

3. Глубокий критический анализ античной экономической мысли был дан Й. Шумпетером в работе «История экономического анализа». Однако не со всеми его оценками достижений античных философов и экономистов можно согласиться, поскольку эссенциалистские прозрения античных авторов рассматривались Й. Шумпетером с точки зрения позитивистской, то есть феноменологической экономической методологии.

§ 2.3. Дискуссия о природе стоимости между классической политэкономией и маржинализмом как пример противостояния эссенциалистской и феноменологической методологий в экономической теории

В очередной раз противостояние эссенциалистской и позитивистской (феноменологической) методологий в истории экономической мысли обнаружилось в теоретическом споре классической школы и маржинализма о стоимости. Но прежде, чем обратиться к самой этой дискуссии уместно вспомнить, что эти же противоречия проявили себя еще во время становления классической школы в политэкономии. В частности, в дискуссии Нового времени о том, что делает деньги деньгами, из двух английских экономистов Никола Барбон отстаивал феноменологическую, а Уильям Петти — эссенциалистскую позицию.

В работе «Очерк о торговле» 1690 года Н. Барбон недвусмысленно писал о том, что «Деньги – это стоимость, созданная законом. Разница в их стоимости узнается по чеканке и по величине монеты».³⁰⁹ На это У. Петти иронично возразил, что: «...если бы богатство страны могло быть удвоено правительственным распоряжением, то нельзя было бы понять, почему такие распоряжения не были давным-давно изданы нашим правительством».³¹⁰ Как видим, в определении денег Н. Барбон опирался на их эмпирическую и номинальную, а У. Петти на их эссенциальную стоимость.

До появления классической школы в политэкономии богатство и стоимость в экономической теории нередко еще отождествлялись. Однако со временем стало

³⁰⁹ Барбон Н. Очерк о торговле. 1690г., С. 273-292. // Меркантилизм. - Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1935. - 340 с., С. 282.

³¹⁰ Петти У. Разное о деньгах. 1682г., С. 209-217. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 212.

очевидно, что существуют две формы стоимости - потребительная и меновая. И лишь потребительную форму стоимости можно отождествлять с богатством, как это изредка делал даже предтеча трудовой теории стоимости У. Петти («...богатство или скудость земли, или ее стоимость...»³¹¹)

Внешним образом «Трактат о налогах и сборах» У. Петти представлял собой обычное меркантилистское сочинение, имевшее целью привлечь государству как можно больше денег. Однако стремление дойти до сути и прекрасное знание практики позволили У. Петти связать стоимость не только с денежным обращением, но и с другими формами экономической жизни. «Поскольку отношение серебра к различным оцениваемым с его помощью вещам меняется в разные эпохи, в зависимости от увеличения или уменьшения стоимости последних, - писал У. Петти, - мы, не умаляя большой пользы золота и серебра, применяемых в качестве стандарта и мерила, попытаемся исследовать некоторые другие естественные стандарты и мерила».³¹²

Именно исследуя «стандарты и мерила» стоимости, У. Петти и сформулировал свой знаменитый афоризм: «...труд есть отец и активный принцип богатства, а земля его мать...»³¹³ Вот почему, с его точки зрения, «...желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих...»³¹⁴

³¹¹ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662 г. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 73.

³¹² Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662 г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 35.

³¹³ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662 г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 35.

³¹⁴ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662 г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 35.

В дальнейшем У. Петти посчитал, что «Подобным же образом мы должны составить уравнение и между искусством и простым трудом».³¹⁵ Не упускал из виду У. Петти и другие способы измерения стоимости. В частности, он обратил внимание на то, что «...обычным масштабом стоимости является среднее дневное пропитание взрослого человека, а не его дневной труд; этот масштаб кажется таким же правильным и постоянным, как стоимость чистого серебра».³¹⁶

Одним словом, стоимость у У. Петти определялась еще разными способами, хотя он и считал среди них труд самым главным. Как писал У. Петти: «Я утверждаю, что именно в этом (в сопоставлении сгустков одинакового человеческого труда - А.А.) состоит основа сравнения и сопоставления стоимостей. Но я признаю, что развивающаяся на этой основе надстройка (superstructure) очень разнообразна и сложна».³¹⁷

Все эти идеи У. Петти легли в основу трудовой теории стоимости. Однако подлинный обмен возможен лишь между частными собственниками. Поэтому для основания трудовой теории стоимости было бы желательно, чтобы труд каким-то образом создал еще и саму эту частную собственность. И этот теоретический шаг в свое время был осуществлен Д. Локком. Он был первым, кто обратил внимание на то, что труд «...является неоспоримой собственностью трудящегося, ни один человек, кроме него, не может иметь права на то, к чему он однажды его присоединил...»³¹⁸ Такого же мнения придерживался и французский физиократ Франсуа Кенэ, который также считал, что «...естественное право каждого человека

³¹⁵ Петти У. Политическая анатомия Ирландии, С. 90-153. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 123.

³¹⁶ Петти У. Политическая анатомия Ирландии, С. 90-153. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 123.

³¹⁷ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662 г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 35.

³¹⁸ Локк Д. Два трактата о правлении, С. 135-405. // Локк Джон. Сочинения в 3-х томах. Том 3. - М.: Мысль, 1988. - 668 с., С. 277.

сводится в действительности к той части, которую он может добыть своим трудом».³¹⁹

Важно то, что это подтверждалось практикой тех лет. Именно на таких принципах, в частности, осуществлялось заселение «ничейных» земель в английских и французских колониях. Это «...утверждение об изначальной «ничейности» мира, его принадлежности всем сразу и никому конкретно»³²⁰ и легло в основу объяснения появившейся в обществе частной собственности, которое мы находим у философов Нового времени.

Однако «право первого оккупанта», фактически, предложенное Д. Локком, может быть признано лишь в обществах, в которых уже имеется частная собственность. Люди первобытного общества, условия жизни которых оно и призвано было объяснить, - о нем ничего не знали.

Во-первых, потому что первобытное общество не было таким атомизированным, каким его изображал Д. Локк. А, во-вторых, потому, что добыча первобытного охотника или собирателя принадлежала вовсе не ему. Она была общей, и в большинстве случаев доставлялась на стойбище для дележа. Как отмечает, например, американский исследователь первобытной экономики Роберт Хант: «Охотник или охотничья группа часто употребляют мясо мелких животных на том месте, где они убиты. С другой стороны, в случае убийства крупного животного процедуры совершенно иные. Мясо крупных животных раздается всем членам лагеря. Как правило, тушу разделявают на большие куски на месте убийства и относят в лагерь».³²¹ Однако заметить все эти тонкости во времена Д. Локка не было никакой возможности.

³¹⁹ Кенэ Ф. Естественное право, С. 329-346. // Кенэ Франсуа. Избранные экономические произведения. - М.: Соцэкгиз, 1960. - 551 с., С. 333.

³²⁰ Железнов А.С. Моральное обоснование понятия собственности: от захвата к обмену, С. 34-47. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2015. - Том 15. Вып. 2. - С. 37.

³²¹ Hunt R. One-way Economic Transfer, P. 290-301. // A Handbook of Economic Anthropology. Edited by James G. Carrier. - Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. - 584 p., P. 293.

Однако, по мере развития мануфактур, роль труда как источника стоимости становилась все более очевидной. Не случайно определения стоимости тех лет исходят прежде всего от английских философов и экономистов, поскольку Англия в то время была самой развитой в экономическом отношении страной. Дэвид Юм, например, признавал, что «Все на свете приобретается посредством труда...»³²² и что «Торговля и промышленность представляют собой в сущности не что иное, как запас труда, который в мирное время служит удовлетворению нужд и желаний отдельных лиц, а в минуту государственных трудностей может быть частично употреблен на государственные нужды».³²³

Вот почему Адам Смит выражал уже общее мнение, когда писал о том, что именно «Труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы».³²⁴ Таким образом, А. Смит пришел к выводу, что единой и сущностной мерой стоимости является труд. Ведь с точки зрения классической политэкономии цена - это всего лишь форма проявления стоимости.

Однако практически сразу же после появления трудовой теории стоимости в ней стали обнаруживаться внутренние противоречия. Первой проблемой стало то, что у А. Смита труд труду оказался рознь. Ведь, по мнению А. Смита, «...труд рабочего мануфактуры обычно увеличивает стоимость материалов, которые он перерабатывает...»³²⁵ В то время как «Труд домашнего слуги, напротив, ничего не добавляет к стоимости».³²⁶

³²² Юм Д. О торговле, С. 642-656. // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; Примеч. И.С. Нарского. - 2-е изд., дополн. и испр. - М.: Мысль, 1996. - 799 с., С. 649.

³²³ Юм Д. О торговле, С. 642-656. // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; Примеч. И.С. Нарского. - 2-е изд., дополн. и испр. - М.: Мысль, 1996. - 799 с., С. 651.

³²⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 38.

³²⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 244.

³²⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 244.

И происходит так потому, что «...труд мануфактурного рабочего закрепляется и реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, который можно продать и который существует по крайней мере некоторое время после того, как закончен труд. /.../ Труд домашнего слуги, напротив, не закрепляется и не реализуется в каком-либо отдельном предмете или товаре, пригодном для продажи».³²⁷ Эта проблема открыла дискуссию о производительном и непроизводительном труде, которая, фактически, не закончена и по сей день.

Следующая проблема в теории стоимости возникла в трудах Давида Рикардо. «Почему вода не имеет никакой стоимости, - задался он вопросом, - если не вследствие ее изобилия? Если бы хлеб был столь же изобилен, он имел бы не большую стоимость, независимо от того, какое количество труда могло быть затрачено на его производство».³²⁸

Правда, для самого Д. Рикардо этот вопрос еще не стал причиной для размышлений об адекватности трудовой теории стоимости. Ведь «...в массе товаров, ежедневно обменивающихся на рынке, такие товары составляют очень незначительную долю».³²⁹ Однако, это едва ли может служить ему оправданием. Ведь в науке нередко бывало так, что единственный факт, противоречащий признанной теории, открывал поистине новые горизонты возможностей. Во всяком случае, вопрос о том, что стоимость зависит не от труда, а от одних лишь потребностей индивидов мог бы начать обсуждаться в экономической теории значительно раньше.

Третьей проблемой в теории стоимости стало то, что, по мнению английского экономиста Томаса Мальтуса, воспроизводство самих людей едва ли можно

³²⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 244.

³²⁸ Рикардо Д. О покровительстве земледелию. Лондон 1822г., С. 41-94. // Рикардо Давид. Сочинения в 5-ти томах. Том III. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 295 с., С. 52-53.

³²⁹ Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. // Рикардо Давид. Сочинения. В 5-ти томах. Том I. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 360 с., С. 34.

рассматривать в терминах «труда», «трудовых отношений» и «производства». Тем не менее, в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс поступил именно таким образом. По его словам, «С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода».³³⁰ Однако в таком контексте производство выглядит, скорее, метафорой, чем термином.

Но, надо признать, что наибольшей зрелости трудовая теория стоимости достигла в трудах К. Маркса, который усилил эссенциалистский характер классической политэкономии. К. Маркс не просто признал, что труд является мерой стоимости, но и наделил его свойством субстанции. И.В. Пшеницын, например, так поясняет различие между субстанцией и мерой стоимости. По его словам, до К. Маркса «...политэкономы рассуждали о мере при обмене товаров. Субстанция же является бесформенным пассивным качеством, а не мерой. Мера определяет количество, а субстанция к количеству безразлична. Разграничив меновую стоимость товара и его внутреннюю стоимость, Маркс отделил стоимость от форм ее проявления. *Так он пришел к открытию субстанции стоимости*».³³¹ (курсив И.В. Пшеницына — А.А.)

Субстанция стоимости, по К. Марксу, обнаруживается при «расходе человеческой рабочей силы в физиологическом смысле».³³² Другими словами, субстанцией стоимости является не сам труд, а рабочая сила. Если у классиков в качестве сущности стоимости фигурировал труд, то у К. Маркса в качестве

³³⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, С. 23-178. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 745 с., С. 26.

³³¹ Пшеницын И.В. Природа стоимости и прогресс капитализма, С. 19-27. // Журнал «Теоретическая экономика». - 2012. - № 3. - С. 20.

³³² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 55.

субстанции труда выступила уже рабочая сила, которая таким образом стала играть в его теории роль своего рода сущности сущности.

К. Маркс считал, что потребовалась целая эпоха в развитии человечества, чтобы ремесленника, который одновременно был и рабочим и предпринимателем, превратить в лишенного всех средств к существованию пролетария. Сперва мануфактура, а после использование машин расщепили обычный труд, заканчивающийся изготовлением готового продукта, на ряд технологических операций, результаты которых уже нельзя было продать по отдельности на рынке. Они чего-то стоили лишь внутри самой фабрики.

Такие операции, и впрямь, представляют собой лишь простое расходование человеческой «рабочей силы». Лишенный средств к существованию пролетарий, в качестве последнего, что у него еще осталось, мог предложить на рынке лишь возможность осуществлять какие-то физиологические усилия — свою рабочую силу.

Ее стоимость, по мнению К. Маркса, «...равна цене жизненных средств, необходимых для существования рабочего как рабочего. Только на этой основе возникает различие между *стоимостью* рабочей силы и *той стоимостью, которая создается путем применения* (курсив К. Маркса – А.А.) этой рабочей силы...»³³³ Капиталист покупает использование рабочей силы в течение целого рабочего дня по полной рыночной цене «жизненных средств, необходимых рабочему». При этом, подписывая договор, рабочий уверен в том, что больше полной рыночной, то есть эквивалентной цены своей рабочей силы он больше нигде не получит.

Однако при этом капиталист знает то, чего не знает рабочий, - а именно, что при хорошей организации труда рабочая сила способна произвести в стоимостном выражении больше, чем за нее заплатили. Правда, при плохой организации — меньше. Но эти риски капиталист охотно берет на себя, уверенный в том, что сумеет

³³³ Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая (главы I - VII). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. I. - М.: Государств. издательство политической литературы, 1962. - 476 с., С. 13.

наладить производство как следует. Естественно, при таком раскладе он старается в течение рабочего дня выжать из рабочего все, что только можно. Ведь в случае хорошей организации труда только часть рабочего дня пролетарий работает на себя, а остальное время — на капиталиста. Понятно, что капиталистические предприятия с плохой организацией труда просто не выживают, поэтому нормальным общественным состоянием при капитализме является хорошая организация производства на предприятиях. Вот каким образом К. Маркс объяснял получение прибавочной стоимости при внешней эквивалентности обмена между капиталистом и рабочим. И, надо сказать, что борьба пролетариев сначала за 10-ти, а потом и за 8-ми часовой рабочий день, казалось бы, подтвердила правоту теории стоимости К. Маркса.

Однако как теория физиократов хорошо объясняла экономику только раннего мануфактурного капитализма, так и трудовая теория стоимости могла быть востребована лишь до тех пор, пока спрос на промышленные товары существенно превышал их фактическое предложение. Лишь при таких экономических условиях производитель товаров, являясь, по сути, монополистом, мог диктовать на них цены, отталкиваясь от своих издержек производства. Но после того, как применение машин стало массовым, уже предложение товаров стало заметно превышать реальный спрос на них.

В неоклассической экономической теории платежеспособный спрос формально всегда равен предложению. Однако в реальности покупатель, скорее всего, приобретет, например, лишь один тюбик зубной пасты в месяц, несмотря на то, что его бюджет мог бы позволить ему приобрести гораздо больше. И все же, несмотря на стабильность спроса обыденных товаров, экономическая ситуация, при которой предложение составляет один-два однотипных товара, кардинальным образом

отличается от той, где предложение составляет сто-двести таких товаров, так как исчезает монополия производителя.

Маржиналистская теория лишь зафиксировала тот факт, что с применением машин, уже потребитель при помощи механизма спроса стал определять рыночные цены. И это оказалось возможным потому, что на рынке появилось множество товаров примерно одного и того же назначения, но разных производителей. При этом потребителю было все равно, чего тот или иной товар стоит его производителю, и стоит ли он ему хоть что-нибудь вообще. По мнению Уильяма Джевонса и Карла Менгера, лишь потребности человека, а не свойства предметов природы, - редкость или какой бы то ни было еще фактор, включая труд, придают предметам характер экономических благ. Как писал К. Менгер: «Опыт учит нас, что многочисленные блага, на которые не затрачивается никакого труда (например, наносная земля, сила воды и т.д.) обладают экономическим характером везде, где они предоставлены нашему распоряжению в количестве, не покрывающем нашей надобности в них; с другой стороны, само по себе то обстоятельство, что предмет является продуктом труда, не влечет за собой необходимо экономического характера блага и даже характера блага вообще».³³⁴

Если К. Маркс был уверен в том, что потребление «...лежит, собственно, вне экономики, за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь даёт начало всему процессу производства»³³⁵, то для К. Менгера столь же очевидным являлось то, что «...человек со своими потребностями и своею властью над средствами удовлетворения

---

³³⁴ Менгер К. Основания политической экономии, С. 57-286. // Менгер Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 496 с., С. 112.

³³⁵ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. - 879 с., С. 715.

последних составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства». ³³⁶

Новые экономические условия устраняли из теории только труд как субстанцию и меру стоимости. Однако парадокс заключался в том, что в экономической теории труд и стоимость оказались настолько тесно связанными друг с другом, что, в конце концов, из нее выпала и сама стоимость.

Будучи одним из авторов маржиналистской революции, К. Менгер во многом сохранил верность также и традициям классической школы в политэкономии. По меньшей мере, в том, что касается метода. Немецкая историческая школа обвиняла маржиналистов в том, что они оперируют внеисторическими и не эмпирическими догмами, типа *homo oeconomicus*.

Однако К. Менгер считал, что уже классическая школа в политэкономии ориентировалась на методы естественных наук. И в этом не было ничего плохого. Ведь точно так же «Чистая механика в своих важнейших законах исходит из произвольного и неэмпирического предположения, что тела движутся в безвоздушном пространстве, что их вес и их пути точно измерены, что их центр тяжести точно определен, что силы, движущие тела, точно известны и постоянны, что никакие посторонние факторы не влияют на их действие, и таким образом, — говоря языком наших экономистов исторической школы, — она исходит из тысячи разных произвольных, неэмпирических догм». ³³⁷ Тем не менее, никому даже в голову не приходит сомневаться в законах механики и объявлять их ненаучными.

Не отрицает механика и наличия в природе «пространств, наполненных воздухом, сил трения» и так далее, хотя и отвлекается от них, формулируя свои законы. Но точно так же, пишет К. Менгер: «...и экономист отнюдь не утверждает,

³³⁶ Менгер К. Основания политической экономии. // Менгер Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 496 с., С. 118.

³³⁷ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, С. 287-450. // Менгер К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 495 с., С. 349.

что люди ф а к т и ч е с к и управляются одним лишь своекорыстием, или что они непогрешимы и всеведущи, ибо он ставит предметом своего исследования формы социальной жизни с точки зрения свободного от влияния побочных условий...»³³⁸ Без этих идеализаций, без этих упрощающих сущностей, наука была бы невозможна.

Но идеализации, к которым прибегает наука, могут быть разными. У К. Менгера они еще носят, если так можно выразиться, физический, а не математический характер. За ними всегда стоят реальные объекты. Если это и можно назвать идеальными конструкциями, которые не встречаются в природе, то только по типу «идеальной паровой машины» Сади Карно. Вот почему чешский экономист Йозеф Менсик прав в том, что «...обращение Менгера с экономическими явлениями никогда не было математическим. Он явно был наименее математическим из всех первопроходцев маржинализма».³³⁹

Однако взгляд на экономику с точки зрения потребителя привнес в экономическую науку не только новую теорию, но также и новый — феноменологический по своей сути метод. Ведь применение в экономическом анализе (У. Джевонс и Л. Вальрас) бесконечно малых или предельных (marginal) величин ставит под вопрос применение сущностного анализа в экономической теории. По сути, бесконечно малая представляет собой нечто промежуточное между реальностью и ничто. Она одновременно является и тем, и другим, и в то же время, ни тем, и ни другим. А если у нас, к примеру, есть два первоначала, значит у нас нет ни одного. Таким образом, тот факт, что в экономической науке в начале XX века методологический эссенциализм уступил место феноменологическому методу маржиналистов можно считать прямым следствием применения в экономическом анализе бесконечно малых или предельных величин.

³³⁸ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, С. 287-450. // Менгер К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 495 с., С. 351.

³³⁹ Mensik J. Mathematics and economics: the case of Menger, P. 479-490. // Journal of Economic Methodology. - 2015. - No 22 (4). - P. 484.

В итоге вместо изучения сущностных отношений, экономике пришлось довольствоваться изучением функциональных зависимостей. Качество уступило место количеству, а методологический эссенциализм — методологической феноменологии.

Конечно, это было лишь временное отступление эссенциалистской методологии в экономической науке. Ведь методологический эссенциализм оправдан хотя бы тем, что «Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей».³⁴⁰ Это — основа любой науки. Вот почему в этом с К. Марксом был согласен даже такой классик позитивизма как Милтон Фридмен. Ведь он едва ли не дословно повторяет ту же мысль К. Маркса: «Фундаментальная посылка науки состоит в том, что видимость обманлива и что существуют такие способы анализа, интерпретации или организации данных, которые обнаруживают, что несвязанные и различные на первый взгляд явления суть проявления более фундаментальной и относительно простой структуры».³⁴¹

Рассмотрев теоретический спор эссенциализма и феноменологии, который проходил в форме дискуссии между классической и маржиналистской концепциями по поводу природы стоимости, автор работы пришел к выводу, что:

1. Классическим выражением эссенциалистской позиции Нового времени была трудовая теория стоимости, созданная А. Смитом и усовершенствованная Д. Рикардо и К. Марксом.

2. Если А. Смит и Д. Рикардо в качестве сущности стоимости рассматривали труд, то К. Маркс, фактически, создал сверх-эссенциалистскую теорию стоимости,

³⁴⁰ Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль, С. 101-155. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 839 с., С. 131.

³⁴¹ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки, С. 20-52. // Альманах THESIS. - 1994. - Вып. 4. - С. 43.

дополнив этот пункт тем, что сущность самого труда, по его мнению, определяется рабочей силой.

3. В девятнадцатом веке К. Менгером, У. Джевонсом, Ф. фон Визером, Л. Вальрасом и другими экономистами была разработана, так называемая, теория предельной полезности, которая впоследствии стала именоваться маржиналистской теорией ценности. Если трудовая теория стоимости считала, что основой стоимости является труд, то маржинализм утверждал, что в основе ценности лежит предельная полезность. Маржиналисты были уверены в том, что стоимость в качестве невидимой «сущности» экономических явлений, на самом деле, излишня, и считали, что экономическая наука в своем анализе должна использовать лишь *видимую* категорию цены. Именно маржинализм стал предтечей неоклассической экономической теории, которая в анализе проблемы соотношения цены и стоимости придерживается позиции экономической феноменологии.

§ 2.4. Субстантивизм и формализм как формы проявления эссенциализма и феноменологии в экономической антропологии

Не будет преувеличением сказать, что с начала XX века и до Второй мировой войны в экономической теории господствовал маржинализм как последовательный позитивизм в экономической методологии. И лишь в 1944 году в связи с выходом в свет книги «Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени» венгерского экономиста Карла Поланьи эссенциалистская методология в системе экономического знания вновь заявила о себе. Стремясь дойти до сути вещей, К. Поланьи сумел сблизить экономику с антропологией и социологией. По мнению американского исследователя Кеннета Роджерсона, «Карл Поланьи был аномалией среди экономистов. Считал себя экономическим антропологом».³⁴² И в самом деле, действуя как экономист-антрополог, К. Поланьи нашел, что формы обмена, наличествующие в «древних обществах» заметно отличаются от форм обмена в обществах, основанных на рыночной экономике.

Воскресив эссенциалистский подход Аристотеля, К. Поланьи вновь поставил вопрос о том, что представляет собой «экономическое». Ведь уже Аристотель столкнулся с тем, что существует два типа экономики: та, что удовлетворяет потребности человека непосредственно, и та, что удовлетворяет их при посредничестве обмена. Вслед за Аристотелем, К. Поланьи, подтвердил, что экономическое в наши дни также имеет два значения: эссенциалистское определение

---

³⁴² Rogerson K. Addressing the negative Consequences of the Informationage. Lessons from Karl Polanyi and the industrial revolution, P. 105-124. // Information, Communication & Society. - 2003. - No 6 (1). - P. 105.

экономики, которое К. Поланьи назвал «субстантивистским», и противостоящее ему феноменологическое определение, которому К. Поланьи дал имя «формальное». Однако за этими двумя определениями у К. Поланьи скрываются уже не те же самые типы экономики, что у Аристотеля.

К. Поланьи определил, что потребности, которые, по Аристотелю, удовлетворяются непосредственно, могут это делать с помощью разных общественных механизмов — как дарообмена, так и перераспределения. А значит, фактически, у человечества имеется не два типа экономики, а три. И, с точки зрения эссенциалистской методологии надо искать, в чем же состоят сущностные основы уже не двух, а трех типов экономики.

Кроме того, К. Поланьи обратил внимание на то, что у Аристотеля лишь та часть экономики, что связана с обменом живет по законам расширенного воспроизводства. И он пытался понять, какую же «прибыль» мог получать человек за пределами рыночного обмена.

«Субстантивистское» значение (substantive meaning) экономического, считал К. Поланьи, охватывает отношения человека с природой и другими людьми с точки зрения надления его средствами удовлетворения материальных потребностей. Именно поиск специфики проявления «...субстанции, поддерживающей жизнь человеческих существ...»³⁴³ в экономиках разных стран и времен дает основание считать методологию, основанную на использовании данного термина эссенциалистской.

Формальное же значение (formal meaning) термина «экономический» фиксирует характер связи между затратами и результатами труда; именно это обычно имеют в виду, говоря, что кто-то экономит или что-то экономично. По мнению формалистов, стремление получить выгоду характерно для любого типа экономики.

³⁴³ Поланьи К. Аристотель открывает экономику, С. 117-152. // Поланьи К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с., С. 138.

Феноменологической формальную теорию делает как раз то, что, обнаружив явление обмена, она не пытается проникнуть вглубь этого феномена, тем самым, фактически, смешивая, порой, очень разные по своей социальной природе типы экономик. Для К. Поланьи же отождествление экономической деятельности лишь с ее рыночной формой, - это явное «экономическое заблуждение».

Если Аристотель отверг хрематистику по моральным соображениям, то К. Поланьи не сомневался в ее праве на существование. Но не потому, что экономика «...фундаментально отделена от этики»³⁴⁴, как полагал Л. Роббинс. И не потому, что марксизм с неоклассиками признают хрематистику простым следствием экономического детерминизма. (По мнению К. Поланьи, это, наоборот, «Рыночный механизм, /.../ создал иллюзию экономического детерминизма как всеобщего закона для всех времен и народов»³⁴⁵). К. Поланьи признает существование хрематистики потому, что развитие обмена с необходимостью должно было породить именно такой тип экономических отношений, нравится он кому-то или нет.

Другое дело, что «рыночная экономика» и «капитализм», - это не одно и то же, несмотря на то, что эти термины часто используют как синонимы. По словам К. Поланьи, «Вопреки хору академических заклинаний, столь упорных в XIX веке, прибыль и доход, получаемые посредством обмена, в прежние времена никогда не играли важной роли в человеческой экономике».³⁴⁶

Классики политической экономии рассматривали обмен в роли вечного спутника человеческой жизни. А. Смит считал разделение труда следствием склонности человеческой природы «...к торговле, к обмену одного предмета на

³⁴⁴ Роббинс Л. Природа и значение экономической науки, С. 93-123. // Философия экономики. Антология / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с., С. 119.

³⁴⁵ Поланьи К. Наша устаревшая рыночная психология, С. 31-46. // Поланьи К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с., С. 40.

³⁴⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Под общей редакцией С. Е. Федорова. - СПб.: Алетейя, 2002. - 320 с., С. 55.

другой».³⁴⁷ Даже по мнению известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике за 1993 год Дугласа Норта, сделавшего изменчивость общественных институтов основой своей концепции, «Личный обмен определяется врожденными мыслительными способностями людей».³⁴⁸

Вечным считают обмен и сторонники неоклассической экономической теории в нашей стране. По мнению Р.И. Капелюшникова, например, К. Поланьи, с одной стороны, «...настаивает, что смитовская склонность к обмену не присуща природе человека». А, с другой стороны, «...посвящает десятки страниц детальному описанию многочисленных запретов, предписаний, рестрикций, санкций, ограничений, табу, которые на протяжении человеческой истории практиковались в обществах самого разного типа...»³⁴⁹

С точки зрения Р.И. Капелюшникова, стоящая перед К. Поланьи дилемма такова: «...либо согласиться, что «склонность», для борьбы с которой приходится пускать в ход весь арсенал доступных институциональных средств, действительно дана человеку от природы и в этом смысле ее можно считать «естественной» (но тогда захлебывается его атака на Адама Смита и классический либерализм); либо признать полную бессмысленность всех и всяческих институциональных ограничений (но тогда от его аргументации вообще ничего не остается)».³⁵⁰ Между тем, вопреки Р.И. Капелюшникову, нет оснований считать, будто все социальные институты в первобытном обществе были направлены лишь на борьбу с «естественной» склонностью человека к обмену.

³⁴⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 27.

³⁴⁸ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Дуглас Норт. - М.: Издательский дом государственного университета - Высшей школы экономики, 2010. - 256 с., С. 144.

³⁴⁹ Капелюшников Р.И. Карл Поланьи vs. Адам Смит, С. 187-195. // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Под общей редакцией проф. Р.М. Нуреева. - М.: ГУ-ВШЭ, 2006. - 321 с., С. 186.

³⁵⁰ Капелюшников Р.И. Карл Поланьи vs. Адам Смит, С. 187-195. // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. Под общей редакцией проф. Р.М. Нуреева. - М.: ГУ-ВШЭ, 2006. - 321 с., С. 186.

Мы видим, что А. Смит, Д. Норт, Р.И. Капелюшников и масса других сторонников неоклассической экономической теории находят homo oeconomicus в первобытном обществе. Однако данные этнографов и антропологов говорят о том, что там его еще просто не было. Известный российский социолог В.В. Радаев, например, пришел к выводу, что «В противовес классическому «экономическому человеку», который чаще всего представляется нам в обликах предпринимателя, максимизирующего прибыль, или потребителя, максимизирующего полезность, в домашнем хозяйстве мы сталкиваемся с другой ипостасью хозяйствующего субъекта, не сводимой ни к первому, ни ко второму облику».³⁵¹ Иными словами, история свидетельствует о том, что неизменная «экономическая» сущность человека — это миф.

Сторонники формальной экономической теории считают, что «...история экономической мысли — не что иное, как история наших попыток понять действие экономики, основанной на рыночных операциях».³⁵² При этом формально-экономический подход мыслится в качестве единственно возможного. Немецкий экономист Вальтер Ойкен даже приводит такой пример: «Руководитель монастыря, - пишет он, - для которого совершенно чужда максимизация прибыли и который целиком поставил себя на службу гуманности, составляет планы и действует при возделывании земли, переработке сырья, закупке продуктов, использовании пожертвований и т. д. на основе экономического принципа».³⁵³

Однако обширная исследовательская литература показывает, что в первобытном обществе до появления рыночной торговли переход вещей из рук в руки осуществлялся не «на основе экономического принципа», а в форме бескорыстного обмена дарами. По свидетельству, например, Бронислава

³⁵¹ Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи, С. 164-173. // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. - М.: ГУ-ВШЭ, 2006. - 321 с., С. 169.

³⁵² Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Марк Блауг. - М.: «Дело Лтд», 1994. - 720 с., С. 5.

³⁵³ Ойкен В. Основы национальной экономики. - М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1996. - 351 с., С. 330.

Малиновского на Тробрианских островах «...вся племенная жизнь пронизана постоянным процессом отдачи и получения...»³⁵⁴ (выделено Б. Малиновским — А.А.), из которого только очень малая часть может быть отнесена к реальному обмену. Как отмечал, например, И.А. Трахтенберг: «Насколько обмен вырос из дарения, видно из форм купли-продажи, которые господствуют у более цивилизованных народов. Купля-продажа имеет форму дара. Ефрон хеттеянин по библейскому рассказу за четыреста сиклей «подарил» Аврааму место погребения Сарры».³⁵⁵

И то, что институт дара занимал существенное место в жизни первобытных охотников и собирателей путешественники и миссионеры знали давно. Об этом свидетельствуют, например, документы Российско-Американской компании. Как явствует из Указа канцелярии Охотского порта от 20 августа 1781 года для улучшения отношений с алеутскими старейшинами компания официально выделила в качестве подарков разноцветный бисер, иглы, табак, оловянные тарелки и даже морской кортик.³⁵⁶

Но все это была лишь обычная практика. Попытки же теоретически осмыслить феномен дара начались лишь с началом XX века. И первым, кто обратил внимание на то, что рынку предшествовал обмен дарами, был выдающийся французский социолог Марсель Мосс. Позднее дар в первобытном обществе стал предметом исследований и других антропологов, социологов и экономистов. Не затухает

³⁵⁴ Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 552 с., С. 178.

³⁵⁵ Трахтенберг И.А. Денежное обращение и кредит при капитализме. - М.: Издательство АН СССР, 1962. - 780 с., С. 81.

³⁵⁶ См.: Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. - Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1979. - 280 с., С. 174.

интерес к экономике дарообмена и в наши дни³⁵⁷, в том числе и в российских общественных науках.

В частности, от этнографов не укрылось то обстоятельство, что еще не так давно «...у нганасанов обязательным считалось выделение соседям по чуму продуктов «на одно варево», чтобы они не голодали. При удачной охоте добытый олень дарился кому-либо из соседей (предпочтительно старшему), а тот должен был доставить тушу в стойбище и «отдарить» охотника ее частью /.../ Морские зверобой Чукотки при недостатке продовольствия раздавали добытое всем жителям поселка, хотя в «достаточное время» туша тюленя или моржа считалась принадлежащей семье охотника...»³⁵⁸

Заметим, что подарки занимают свое место и в жизни самых цивилизованных народов. На взгляд автора работы, А.А. Белик точно подметил, что «...бескорыстное дарение представляет интересную научную проблему, актуальную для современных и традиционных обществ».³⁵⁹

Социологи, например, подсчитали, что в наши дни «Огромное количество денег тратится на подарки, причем люди обычно тратят 3-4% своего дохода на такие покупки».³⁶⁰ При этом, надо признать, что «В современном мире понятие «подарок» с каждым годом становится все более коммерциализированным. /.../ Большинство компаний на рынке применяют подарки в маркетинговых целях (объявляют и

³⁵⁷ См., например: Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. - 2017. - № 1. - С. 43-56; Салинз М. Экономика каменного века. - М.: ОГИ, 1999. - 294 с.; Kesting S., Negru I., Silvestri P. Institutional analysis and the gift: an introduction to the symposium. // Journal of Institutional Economics. - 2020. - No 16 (5). - P. 1-10; Prendergast C., Stole L. The non-monetary nature of gifts. // European Economic Review. - 2001. - No 45. - P. 1793-1810; Khalmetski K., Ockenfels A., Werner P. Surprising gifts: Theory and laboratory evidence. // Journal of Economic Theory. - 2015. - No 159. - P. 163-208.

³⁵⁸ Козлов А.И., Вершубская Г.Г., Козлова М.А., Рыжаенков В.Г. Влияние «традиционного» и «вестернизированного» распределения продуктов «арктической кухни» на статус питания коренных северян, С. 146-154. // Этнографическое обозрение. - 2017. - № 6. - С. 146-147.

³⁵⁹ Белик А.А. Экономическая антропология в конце XX - начале XXI в.: экономика дара, С. 38-45. // Экономический журнал. - 2013. - № 1 (29). - С. 42.

³⁶⁰ Prendergast C., Stole L. The non-monetary nature of gifts, P. 1793-1810. // European Economic Review. - 2001. - Vol. 45. - P. 1793.

проводят конкурсы с подарками среди потребителей, бесплатно распространяют образцы своей продукции или дарят вещи с символикой компании)».³⁶¹ Однако проблема состоит в том, что, раздавая подарки, эти компании заранее уверены в том, что в конечном счете они не останутся в накладе.

А значит, в силе остается вопрос, сформулированный еще Марселем Моссом: «Какова юридическая и экономическая норма, заставляющая /.../ обязательно отвечать подарком на подарок?»³⁶² Ведь любой дар в первобытном обществе был немислим без ответного подарка. Не получить что-либо в ответ было большим оскорблением, и, фактически, актом объявления войны. Потому что, как отмечал тот же М. Мосс, «...принимают на себя взаимные обязательства, обмениваются и договариваются не индивиды, а коллективы; /.../ Более того, то, чем они обмениваются, состоит отнюдь не только из богатств, движимого и недвижимого имущества, из вещей, полезных в экономическом отношении. Это прежде всего знаки внимания, пиры, обряды, военные услуги, женщины, дети, танцы, праздники, ярмарки, на которых рынок составляет лишь один из элементов, а циркуляция богатств — лишь одно из отношений гораздо более широкого и более постоянного договора».³⁶³

Но если в первобытности дар, в самом деле, не мог существовать без ответного дара, то, может быть, это форма, растянутого во времени обмена? Ведь внешне и впрямь, дар очень легко перепутать с обменом. Да, собственно, все неоклассические экономисты именно так и поступают. Тем не менее, несмотря на то, что в первобытном обществе вещи легко меняли своих владельцев, терминологически

³⁶¹ Ашмаров И.А. К вопросу о роли дарения в жизни современного общества, С. 140-144. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. - 2019. - Выпуск № 1 (18). - С. 142.

³⁶² Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах, С. 134-285. // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. - М.: Книжный дом Университет, 2011. - 416 с., С. 137.

³⁶³ Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах, С. 134-285. // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Сост., пер. с фр., предисловие, вступит. статья, комментарии А. Б. Гофмана. - М.: Книжный дом Университет, 2011. - 416 с., С. 140-141.

называть этот процесс обменом нет никакой возможности. Ведь для того, чтобы он стал обменом необходимо еще одно непереносимое условие, - чтобы все участники процесса были частными собственниками обмениваемых вещей.

Однако, как раз «Самым важным в архаической системе дарообменов было то, что никто из его участников не рассматривал себя в качестве полного владельца предназначенной к дару вещи».³⁶⁴ «Первоначальным владельцем продуктов, произведенных участниками практических взаимодействий, является сообщество участников».³⁶⁵ Во многом по этой причине никто из участников дарообмена и не стремился к получению какой-либо материальной выгоды.

При таких обменах «...сама качественная и количественная оценка благ просто не имеет значения...»³⁶⁶ Все это говорит о том, что переход вещей из рук в руки носил в первобытном обществе какой-то не свойственный современному обществу экономический характер. Да мы и сами всегда подчеркиваем, что дар не только в первобытном обществе, но даже и для людей XXI века экономического значения не имеет. Ведь, как удачно подметил известный французский социолог Пьер Бурдьё: «...при дарении всегда удаляют ценник с подарка...»³⁶⁷

Но если дар еще как-то можно спутать с обменом, то такой феномен как потлач (potlatch) у индейцев Северо-Запада Америки, во время которого имущество дарилось без всякой претензии на компенсацию, доказывает, что для его описания понятий формальной рыночной экономики уже просто недостаточно. В какую экономику, например, вписывается «...тробрианец, который позволяет гнить

³⁶⁴ Ячин С.Е. Возвращение к дару: контуры рефлексивной культуры дара в современном мире, С. 33-41. // Вопросы философии. - 2014. - № 9. - С. 37.

³⁶⁵ Seebohm Th. History as a Science and the System of the Sciences. Phenomenological Investigations. - Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing Switzerland, 2015. - 443 p., P. 331.

³⁶⁶ Нелин Д.В. Экономическая роль отношений реципрокности, С. 229-232. // «Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее. - М.: ГУ-ВШЭ, 2006. - 321 с., С. 229.

³⁶⁷ Бурдьё П. Поле экономики, С. 129-176. // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. - 576 с., С. 147.

большому количеству пищи, чтобы добиться престижа, даже ограничивая этим свое личное потребление пищи; тлинкит, который находит удовлетворение в уничтожении огромного количества одеял и других богатств в потлаче...»³⁶⁸ Поистине, потлач был соревнованием в расточительстве, единственной наградой за потерю благ в котором могло стать лишь почетное место в незримой табели о рангах между кланами.

Правда, отдельные экономисты стремятся объяснить потлач тем, что «Отсутствие излишка дополнялось и отказом от излишка, если он появлялся».³⁶⁹ Однако, заметим, что потлач не просто подтверждает, что стремление к стяжательству было чуждо сознанию первобытных индивидов, но и тот факт, что феномен потлача мог возникнуть лишь в обществе относительного изобилия, а не дефицита.

Фактически, обмен уравнивает, тогда как дарение и потлач создают дистанцию. Как отмечает Б. Малиновский, «Не во всех случаях, но во многих передача богатств является выражением превосходства дающего над приемлющим».³⁷⁰ Взамен дающий получает почет и уважение. У американских индейцев квакиутли даже возникла поговорка: «Хороший вождь всегда умирает бедным». Так что потлач как явление экономики, - это, несомненно, экономика какого-то иного типа.

Если уж «демонстративное потребление», открытое Торстейном Вебленом³⁷¹, с формально-экономической точки зрения выглядело аномалией, то еще большей аномалией выглядит само применение формальной экономической теории к обществу, где дарение и потлач являются стандартным типом поведения.

---

³⁶⁸ Firth R. Primitive polynesian Economy. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p., P. 241.

³⁶⁹ Микляев В.А., Покровская Н.Н. Социокультурная укорененность экономической деятельности как основа социального менеджмента, С. 43-55. // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. - 2016. - № 2 (54). - С. 45.

³⁷⁰ Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 552 с., С. 185.

³⁷¹ См.: Веблен Т. Теория праздного класса / Торстейн Веблен. Пер. с англ. - М.: изд-во «Прогресс», 1984. - 368 с.

Как отмечал К. Поланьи, рыночные отношения движутся всего лишь двумя мотивами: страхом умереть с голоду и стремлением к прибыли. Однако оба эти экономические мотивы, парадоксальным образом, отсутствуют в первобытном обществе. На основании пятнадцатимесячных полевых наблюдений за бушменами !кунг³⁷² (с октября 1963 года по январь 1965 года) канадский антрополог Ричард Ли опроверг устоявшееся представление о том, что первобытные охотники и собиратели ведут тяжелую борьбу за выживание на грани жизни и смерти. По его словам, «...жители Икунг-Буша в Добе, несмотря на суровые условия пустыни Калахари, посвящают добыванию пищи от двенадцати до девятнадцати часов в неделю».³⁷³

Женщина !кунг «...собирает за один день достаточно еды, чтобы прокормить свою семью в течение трех дней, а остальное время она отдыхает в лагере, занимается вышиванием, посещает другие лагеря !кунг или общается с посетителями, пришедшими из других лагерей».³⁷⁴ Российский исследователь первобытных племен Австралии и Тасмании В.Р. Кабо также пришел к выводу, что мнение, будто «...жизнь первобытного общества протекала в жестокой борьбе за существование, является преувеличением».³⁷⁵ А известный исследователь первобытной жизни американский антрополог Маршалл Салинз даже иронизирует над тем, что «Снабдив охотника буржуазными мотивами и палеолитическими орудиями, мы авансом выносим суждение о безнадежности его ситуации».³⁷⁶

Сам же М. Салинз, суммируя свидетельства о жизни первобытных охотников и собирателей, характеризует раннее первобытное общество как «общество

³⁷² «!Кунг» — этническая группа бушменов Калахари. Восклицательным знаком в англо- и русскоязычных текстах передается один из, так называемых, щелкающих звуков, присущих языкам койсанской языковой семьи, к которым относятся и языки бушменов, проживающих на территории Южной Африки.

³⁷³ Lee R. What Hunters Do for a Living or, How to Make Out on Scarce Resources, P. 30-48. - In: Man the hunter. R.B. Lee and I. DeVore (eds.). - New York: Aldine De Gruyter, 1987. - 415 p., P. 37.

³⁷⁴ Lee R. What Hunters Do for a Living or, How to Make Out on Scarce Resources, P. 30-48. - In: Man the hunter. R.B. Lee and I. DeVore (eds.). - New York: Aldine De Gruyter, 1987. - 415 p., P. 37.

³⁷⁵ Кабо В.Р. Первобытное общество и природа, С. 149-158. // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. - М.: Издательство «Наука», 1981. - 343 с., С. 153.

³⁷⁶ Салинз М. Экономика каменного века. - М.: ОГИ, 1999. - 296 с., С. 22.

первоначального изобилия». При этом он оговаривает, что «...существуют два реальных пути к изобилию. Потребности можно «легко удовлетворять» либо много производя, либо немного желая».³⁷⁷ (это заставляет нас вспомнить диалог Сократа с Критобулом из «Ойкономики» Ксенофонта)

Первоначальное изобилие, по мнению М. Салинза, было основано на том, что потребности первобытного охотника были весьма ограничены, «а средства их достижения относительно многочисленны», и практически всегда под рукой. И, каким бы парадоксом это не показалось, следует согласиться с такой характеристикой первобытного хозяйства. Ведь очевидно, что, не будь излишка, не смог бы возникнуть не то, что потлач, но даже и сам обмен.

Конечно, все типы общества основаны на экономике. Однако, как показал К. Поланьи, во всех типах общества, кроме порожденных саморегулирующимся рынком, экономические блага не являются для индивида самоцелью, а служат ему для достижения иных социальных благ, будь то, слава, авторитет и тому подобное. Как пишет сам К. Поланьи: «Человек действует не для того, чтобы обеспечить свои личные интересы в сфере владения материальными благами, он стремится гарантировать свой социальный статус, свои социальные права, свои социальные преимущества. Материальные же предметы он ценит лишь постольку, поскольку они служат этой цели».³⁷⁸ Фактически, индивид борется лишь за те материальные и нематериальные блага, которые повышают его социальный статус.

Ведь повышение престижа — это тоже полезность в глазах индивида. И пока будет существовать общество, жажда признания всегда будет одной из главных потребностей человека. Вот почему автору работы кажется, что В.Г. Федотова, В.А. Колпаков и Н.Н. Федотова правы в том, что следует говорить «...не об одной

³⁷⁷ Салинз М. Экономика каменного века. - М.: ОГИ, 1999. - 296 с., С. 19.

³⁷⁸ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Перевод с английского А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. Под общей редакцией С. Е. Федорова. - СПб.: Алетейя, 2002. - 320 с., С. 58.

лишь «невидимой руке» рынка, но и «невидимой руке» общества, морали, культуры, которые обуславливают не столько рыночные, сколько иные виды саморегуляции, возвращая и социализируя человека не только в ближайших средах семьи, родства, соседства, его профессионального коллектива, но и в обществе в целом, которое не может быть подменено экономикой или сведено к ней».³⁷⁹

К. Поланьи доказал, что на земле нет и никогда не было каких-то внеисторических экономических порядков, в том числе и никакого вечного homo oeconomicus. И исторически экономические связи между людьми осуществлялись разными способами. По словам К. Поланьи: «На эмпирическом уровне основными способами связи являются реципрокность (дарообмен — А.А.), перераспределение и обмен».³⁸⁰ Таким образом, фактически, у К. Поланьи речь идет о трех социально-экономических типах экономики.

Вот почему К. Поланьи пришел к выводу, что привычный для нас рынок (в том числе и капиталистический) — это всего лишь одна из форм экономической связи в обществе, к которым также относятся дарообмен и перераспределение. И это утверждение К. Поланьи - о месте рынка в экономике, а самой экономики в обществе - вызвало в 1960-х годах XX века бурную дискуссию между субстантивистами, лагерь которых представляли К. Поланьи, Д. Далтон и М. Салинз, и представителями формальной экономической школы, от имени которой выступали Р. Ферт, Д. Фостер и М. Херсковиц.

Эссенциалистская позиция субстантивистов сводилась к тому, что в разных типах экономик они пытались найти характерную для каждой из них сущность. По этой причине субстантивисты и пришли к выводу, что рынок не может считаться универсальной мерой экономических отношений, соединяющих людей в обществе,

³⁷⁹ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества, С. 3-15. // Вопросы философии. - 2008. - № 8. - С. 13.

³⁸⁰ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс, С. 47-81. // Поланьи К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с., С. 56.

поскольку дарообменная и перераспределительная экономики практиковали явно не рыночные формы обмена. Как выражался один из субстантивистов - Джордж Далтон: «В западном значении этого слова в первобытном обществе «нет экономики», только социально-экономические институты и процессы»³⁸¹

Что же касается позиции формалистов, то они утверждали, что «человек экономический» во все времена преследовал одну и ту же цель — получение прибыли. По этой причине в предшествующих типах экономик сторонники формализма видели лишь недоразвитые формы современного рынка.

Характеризуя дискуссию, английские антропологи Крис Ханн и Кит Харт отмечают, что «В отличие от субстантивистов, которые взяли пример с Поланьи, экономические антропологи, известные как формалисты, не были ведомы ни одной выдающейся фигурой».³⁸² Однако, если считать, что, фактически, дискуссия велась с момента выхода в свет «Великой трансформации» К. Поланьи в 1944 году, то с этим едва ли можно согласиться.

Во-первых, на стороне формалистов выступил один из известных сторонников неоклассической экономической теории американский экономист Франк Найт. Его возражением против субстантивистов было то, что, в отличие от формалистов, их представители использовали индукцию, интуицию и ценности. А между тем, по словам Ф. Найта: «Антрополог, социолог или историк, стремящийся обнаружить или подтвердить экономические законы с помощью индуктивного исследования, пустился в «погоню за дикими гусями». Экономические принципы не могут быть даже приблизительно проверены, как это может быть сделано в математике, путем

³⁸¹ Dalton G. Economic Theory and Primitive Society? 1-25. // American Anthropologist. - 1961. - Vol. 63. No 1. - P. 21.

³⁸² Hann Ch., Hart K. Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique. - Cambridge UK: Polity Press, 2011. - 206 p., P. 65.

подсчета и измерения».³⁸³ Только дедуктивная мощь математики, по мнению Ф. Найта, делает экономику точной и доказательной наукой.

Во-вторых, как автор работы уже отмечал во втором параграфе первой главы диссертации, косвенно на стороне формалистов выступил и такой выдающийся экономист как Йозеф Шумпетер, который недооценил вклад античных экономистов в теорию лишь потому, что рассматривал его с точки зрения формально-экономического анализа.

И, наконец, в-третьих, формалистской позиции придерживался и непосредственный участник дискуссии - известный английский антрополог, Раймонд Ферт, весомость позиции которого подкреплялась тем, что Р. Ферт опирался на собственные 12-месячные полевые исследования, проведенные им в 1928-1929 годах на одном из Меланезийских островов — Тикопии.

Именно анализ работ формалиста Р. Ферта показывает, каким образом в одних и тех же событиях хозяйственной жизни субстантивисты и формалисты фиксировали разную экономическую логику первобытных людей. По выражению немецкого историка науки Анны Эхтерхёлтер, «Экономически обученному взгляду Ферта»³⁸⁴, например, было ясно, что в Тикопии³⁸⁵ «...любые виды потребительских товаров определенно должны рассматриваться как капитал. /.../ такие церемонии, как инициация, свадьба и похороны, обеспечивают поддержание и приумножение этого капитала и дают стимул будущему производству...»³⁸⁶ Вот только не в

³⁸³ Knight F. Anthropology and economics, 107-125. In Selected Essays by Frank Knight, Volume II. Laissez Faire: Pro and Contra. - Chicago: University of Chicago Press, 1999. - 465 p., P. 111-113. // Hann Chris., Hart Keith. Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique. - Cambridge UK: Polity Press, 2011. - 206 p., P. 64.

³⁸⁴ Echterhölter A. Neutralisierung der Ränder. Prämonetärer Tausch bei Karl Polanyi und Raymond Firth. // Kultur der Ökonomie. Zur Materialität und Performanz des Wirtschaftlichen. - Bielefeld: Transcript Verlag, 2014. - 308 s., S. 51.

³⁸⁵ Один из Меланезийских островов, где в 1928-1929 годах Р. Ферт провел собственные 12-месячные полевые исследования.

³⁸⁶ Firth R. Primitive polynesian Economy. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p., P. 272.

метафорическом, а в терминологическом смысле капитал возник в обществе намного позже, чем это следовало из интерпретации Р. Ферта.

Конечно, в ходе полевых исследований Р. Ферт не мог не заметить, что «...в поведении и ситуации «покупателя» Тикопии и получении встречного товара «продавцом» большую роль играет элемент заинтересованности в социальной, а не материальной выгоде».³⁸⁷ Однако внутренняя установка на то, что положения неоклассической экономической теории являются универсальными, заставила его, вопреки увиденному, прийти к выводу, что «...первобытный человек определенно живет ради своей экономической выгоды, но его традиционное происхождение не позволяет ему рассматривать это как универсальный, уникальный и доминирующий императив, определяющий его поведение».³⁸⁸

Теоретический спор между субстантивизмом и формализмом в экономической антропологии, фактически, был дискуссией между эссенциализмом и феноменологией как противоположными типами методологий. Субстантивисты критиковали формалистов за то, что те видят «рынки там, где их нет», и, наоборот, игнорируют «торговлю и деньги там, где они существуют», лишь потому, что там «рынков нет». Однако позиция и самих субстантивистов подверглась критике, прежде всего со стороны марксистов и феминисток. Претензия марксистов сводилась к тому, что главное в экономике субстантивисты увидели в отношениях обмена, а не производства. Что же касается феминистских исследователей, то, они критиковали субстантивистов за пренебрежение к гендерным различиям в исследуемых типах общества.

Вопреки ожиданиям, на стороне формалистов оказалась и Новая институциональная экономика (NIE). «В то время как Веблен и Поланьи

³⁸⁷ Firth R. Primitive polynesian Economy. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p., P. 348.

³⁸⁸ Firth R. Primitive polynesian Economy. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p., P. 361.

рассматривали рынки как один из видов экономических институтов среди нескольких, можно сказать, что Новая институциональная экономика рассматривает все экономические институты как рынки».³⁸⁹ Само появление и существование социальных институтов новые институционалисты поставили в зависимость от рационального выбора индивидов, что вполне укладывается в схему неоклассической экономической теории.

Правда, уже к 1970-м годам XX века дискуссия между субстантивистами и формалистами сошла на нет, по сути, так и не выявив победителя. И тем не менее, было понятно, что выступление К. Поланьи и его сторонников не смогло поколебать господствующее положение неоклассической экономической теории. И уже «К 1980-м годам многие американские университеты настаивали на том, что экономические антропологи должны иметь высшее экономическое образование, а не поддерживать глупость недавнего прошлого».³⁹⁰

Однако само разделение экономики на «рыночную» и «не-рыночную», получившее столь яркое выражение в дискуссии между субстантивистами и формалистами никуда не исчезло и после ее завершения. По наблюдениям, например, П. Бурдьё: «Целые области человеческого существования и, в частности, семья, искусство или литература, науки и даже в некотором отношении бюрократия остаются в основном чуждыми /.../ стремлению к увеличению материальной прибыли».³⁹¹ И раз уж институциональная экономика дара продолжила свое параллельное существование в обществе, не находя себе достойного места в господствующей неоклассической экономической теории, то, рано или поздно,

³⁸⁹ Hann Ch., Hart K. Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique. - Cambridge UK: Polity Press, 2011. - 206 p., P. 89.

³⁹⁰ Hann Ch., Hart K. Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique. - Cambridge UK: Polity Press, 2011. - 206 p., P. 69.

³⁹¹ Бурдьё П. Поле экономики, С. 129-176. // Бурдьё Пьер. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. - 576 с., С. 136.

осмысление феномена дара должно было стать предметом альтернативных экономических теорий.

В частности, еще в 1971 году американский антрополог Роберт Триверс предложил термин *homo reciprocans*³⁹² (от английского «reciprocity» – «взаимость»), противопоставив эту модель экономического поведения стандартной модели *homo oeconomicus*. И хотя, по сути, *homo reciprocans* мало чем отличался от уже апробированных концепций *homo sociologicus*, в его пользу говорило то, что реципрокное поведение людей, уже тысячелетия живущих в условиях рынка, было надежно зафиксировано экспериментами.

Как отмечают, например, австрийские экономисты Симон Гэхтер и Эрнст Фер, есть «...множество экспериментальных данных, указывающих на то, что значительная часть населения руководствуется мотивами взаимности /.../ Мотивация взаимностью означает, что человек готов отказаться от некоторых денег, чтобы наказать поведение, которое считается несправедливым, и вознаградить поведение, которое считается справедливым».³⁹³ С этим экспертным мнением согласны и другие авторы: «Постоянные наблюдения за повседневной жизнью подтверждают, что люди часто действуют альтруистично - они сознательно предпринимают действия, чтобы принести пользу другим, несмотря на то, что эти действия сопряжены со значительными издержками для них самих».³⁹⁴

Сторонники *homo reciprocans* объясняют это тем, что «...катаррины, от которых происходит линия гоминидов (35 миллионов лет назад), уже были социальными...»³⁹⁵ В свою очередь, приверженцы *homo oeconomicus* резонно указывают на то, что

³⁹² Trivers R.L. The evolution of reciprocal altruism. // Quarterly Review of Biology. - 1971. - Vol. 46. Issue 1. - P. 35-57.

³⁹³ Gächter S., Fehr E. Chapter 37. Reciprocity and Contract Enforcement, P. 319-324. // Handbook of Experimental Economics Results, Volume 1. - Amsterdam: North Holland, 2008. - 1184 p., P. 319.

³⁹⁴ Van de Kragt A., Dawe R., Orbell J. Are people who cooperate «rational altruists», P. 233-247. // Public Choice. - 1988. - Vol. 56. No. 3. - P. 233.

³⁹⁵ Caporael L., Dawes R., Orbell J., Van de Kragt A. Selfishness examined: Cooperation in the absence of egoistic incentives, P. 683-739. // Behavioral and Brain Sciences. - 1989. - Vol. 12. Issue 4. - P. 693.

человек рождается генетическим эгоистом и социализируется лишь по мере своего взросления и воспитания.

И поскольку как генетический индивидуализм, так и изначальная социальность человека являются достаточно обоснованными гипотезами, постольку науке еще предстоит открыть социальные механизмы, с помощью которых эгоистичное поведение, как бы само собой, или естественно-историческим путем превращалось в поведение общественное. Во всяком случае, «невидимая рука» А. Смита в обществе не мыслима без столь же неощутимого «чувства локтя», характерного для всех реципрокных форм обмена благами. Так что, поставленная К. Поланьи проблема «укорененности» (embedded) экономики в обществе, по-прежнему, остается актуальной.

Рассмотрев субстантивизм и формализм как формы проявления эссенциалистской и феноменологической методологии в экономической антропологии, автор работы пришел к следующим выводам:

1. К. Поланьи и возглавляемая им школа субстантивистов (сам К. Поланьи, Дж. Далтон и М. Салинз) в своих трудах придерживались методологической программы эссенциализма, так как во всех обнаруженных ими в экономической истории человечества типах экономик, — дарообменной, перераспределительной и рыночной — они пытались обнаружить сущностное начало, характерное именно для данных форм хозяйственной жизни. Однако это сущностное начало субстантивисты школы К. Поланьи искали в области не социально-экономических, а антропологических отношений.

2. Формалисты (Р. Ферт, Дж. Фостер и М. Херсковиц) с позиций неоклассической экономической теории утверждали, что все типы экономик в истории человечества в полной мере описываются таким *феноменологическим* явлением как рыночный обмен товарами.

3. Формально дискуссия 1970-х годов XX века между субстантивистами и формалистами не выявила победителя. Однако было понятно, что выступление К. Поланьи и его сторонников не смогло поколебать господствующее положение неоклассической экономической теории в системе экономического знания.

Выводы по главе «Эссенциализм в экономической науке и его исторические формы»

1. К. Поппер в своих трудах успешно исследовал методологическую оппозицию «эссенциализм-номинализм (феноменология)». При этом многоаспектная критика эссенциализма, предпринятая К. Поппером и другими представителями неопозитивизма и аналитической философии (Р. Карнап, Р. Рорти) во многих случаях не достигла цели. К тому же, как показал анализ текстов самого К. Поппера, будучи объективным исследователем, он, порой, был вынужден положительно оценивать заслуги эссенциализма в истории философской мысли.

2. В античной и средневековой метафизике эссенциализм играл исключительно положительную роль, в частности, в анализе проблемы единства внешней и внутренней форм объекта в теории познания Аристотеля и Фомы Аквинского. И нет оснований считать, что в наши дни он утратил свои эвристические возможности.

3. К. Поланьи и возглавляемая им школа субстантивистов (сам К. Поланьи, Дж. Далтон и М. Салинз) в своих трудах придерживались методологической программы эссенциализма, так как во всех обнаруженных ими в экономической истории человечества типах экономик, — дарообменной, перераспределительной и рыночной — они пытались обнаружить сущностное начало, характерное именно для данных форм хозяйственной жизни. Однако это сущностное начало субстантивисты школы К. Поланьи искали в области не социально-экономических, а антропологических отношений.

В целом же, по результатам анализа, проведенного во второй главе работы диссертант пришел к выводу, что в теории познания и в истории экономических учений эссенциализм проявил себя как одна из плодотворных философских концепций. Неоспорима его роль не только в метафизической теории познания, но также и как инструмента самопознания экономической науки.

III. ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭССЕНЦИАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

§ 3.1. Эссенциализм в философии и науке: от Нового времени до современности

Эссенциалистская методология, с ее способностью выводить обсуждение проблем на уровень сущности, является одним из лучших способов вносить ясность в любые дискуссии. Однако прежде, чем обращаться к ней, нужно еще доказать, что и сам эссенциализм не только в прошлом занимал достойное место в философии и в истории экономических учений, но является актуальным и в наши дни.

Во второй главе диссертации автор работы пришел к выводу, что в античности и Средние века эссенциализм Аристотеля и Фомы Аквинского с его фактическим тождеством внешней и внутренней форм познаваемого объекта играл важнейшую роль в метафизике. Однако после Р. Декарта онтология Нового времени строилась уже вокруг противоречия между субъектом и объектом. На место методологического эссенциализма, который задачу науки видел в том, чтобы «отыскивать и описывать подлинную природу вещей», пришел методологический номинализм (а, фактически, как выяснилось, феноменология), который по классическому определению К. Поппера «...стремится не к постижению того, чем вещь является на самом деле, и не к определению ее подлинной природы, а к описанию того, как вещь себя ведет

при различных обстоятельствах и, в частности, к выяснению того, имеются ли в этом поведении какие-либо закономерности».³⁹⁶

Примером применения в экономической науке феноменологической методологии могла бы послужить позиция известного итальянского социолога и экономиста Вильфредо Парето, который, в частности, писал следующее: «Обычно метафизики называют наукой познание сути вещей, их основ. Если мы на миг примем такое определение, то должны будем отметить, что эта работа вовсе не является научной. Мы не только воздерживаемся от выяснения сути вещей и их основ, но даже совершенно не представляем себе, что эти понятия могут означать...»³⁹⁷ В. Парето даже не смог удержаться от иронии в адрес эссенциалистов: «Блаженны те, кому известна сущность вещей /.../ и необходимые связи между фактами. Мы намного скромнее их и исследуем только те связи, которые обнаруживаются в опыте. Если эти славные люди правы, то это означает, что мы, затратив немалый труд, откроем все то, что ими уже было найдено в свете метафизики».³⁹⁸

Подобное отношение к эссенциалистской методологии в науке является обычным делом. По наблюдению американского философа Ирфана Хавая до сих пор эссенциализм «...является чем-то вроде табу в академических кругах и высокой интеллектуальной культуры в англоязычном мире...»³⁹⁹ Это легко понять, если учесть, что в качестве научных дисциплин и социально-экономическое, и гуманитарное знание формировались в эпоху господства позитивизма.

³⁹⁶ Поппер К. Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 448 с., С. 64.

³⁹⁷ Парето В. Компендиум по общей социологии (Текст) / В. Парето. Пер. с итал. А.А. Зотова. 2-е изд. - М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. - 511 с., С. 17.

³⁹⁸ Парето В. Компендиум по общей социологии (Текст) / В. Парето. Пер. с итал. А.А. Зотова. 2-е изд. - М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. - 511 с., С. 90.

³⁹⁹ Khawaja I. Essentialism, Consistency and Islam: A Critique of Edward Said's Orientalism, P. 689-713. // Israel Affairs. - 2007. - No 13 (4). - P. 690.

И все же, несмотря на видимое торжество феноменологической методологии в науке, есть основания считать, что эссенциализм, как и прежде, остался востребованным в современной теории познания. Правда, в отличие от классической метафизики с ее упором на формальные и видовые сходства, современный эссенциализм участвует в построении научных теорий с помощью особой формы логического вывода — абдукции.

Об этом типе логического вывода упоминал еще Аристотель. Однако по-настоящему актуальной абдукцию сделал американский философ Чарльз Сандерс Пирс, который считал, что «Рассуждения бывают трех типов: дедукция, индукция и абдукция».⁴⁰⁰ Причем последнюю он определял так: «Абдукция - это процесс формирования объяснительной гипотезы. Это единственная логическая операция, которая вводит какую-либо новую идею...»⁴⁰¹

Правда, последнее утверждение Ч. Пирса выглядит, как минимум, дискуссионным, поскольку индукция и аналогия также способны вводить новые идеи. Однако автор работы исследует именно абдукцию, поскольку, по его мнению, она непосредственно связана с эссенциалистской методологией.

Канадский специалист по аргументации и неформальной логике Дуглас Уолтон описывает ситуацию с абдукцией в логике следующим образом: «Нынешняя конвенция, как правило, постулирует три вида аргументов - дедуктивный, индуктивный и по-разному называемый третий вид: абдуктивный, предполагаемый, недостижимый или правомочный. /.../ Многие учебники логики либо вообще не признают третью категорию, либо демонстрируют неуверенность в том, как ее называть».⁴⁰² Как поясняет Д. Уолтон: дело в том, что «Вывод, сделанный с помощью

⁴⁰⁰ Peirce Ch. S. The Nature of Meaning, P. 208-225. // The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893-1913). - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p., P. 212 (CP (Collected Papers) 5.161).

⁴⁰¹ Peirce Ch. S. The Nature of Meaning, P. 208-225. // The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893-1913). - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p., P. 216 (CP (Collected Papers) 5.171).

⁴⁰² Walton D. Abductive Reasoning. - Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005. - 303 p., P. 1-2.

абдукции, - разумная догадка. Но это все-таки догадка, потому что она основана на неполном своде доказательств. По мере поступления новых доказательств, может обнаружиться, что догадка эта неправильна. Логики, как правило, не очень-то спешат признавать абдуктивный вывод как часть логики, потому что логика должна быть точной наукой, а абдуктивный вывод кажется неточным».⁴⁰³

В XIX веке Ч. Пирс отмечал, что «...одна из худших /.../ путаниц, а также одна из самых распространенных, состоит в том, что абдукция и индукция рассматриваются вместе (часто также смешиваются с дедукцией)...»⁴⁰⁴ Следует признать, что и в XXI веке за абдукцией до сих пор отрицается право на ее самостоятельное существование.

Однако Ч. Пирс заметил, что в логической картине мира без абдукции просто не обойтись, так как индуктивным путем человек просто не успел бы за время существования цивилизации прийти к тем всеобщим истинам, которыми оперирует дедукция. Как пишет Ч. Пирс: «Физик сталкивается в своей лаборатории с каким-то новым явлением. /.../ Подумайте о том, какие триллионы триллионов гипотез могут быть выдвинуты, из которых верна только одна; и все же после двух-трех или, самое большее, дюжины предположений физик почти приходит к правильной гипотезе. Случайно он вряд ли смог бы сделать это за все время, прошедшее с тех пор, как земля затвердела».⁴⁰⁵

Конечно, можно было бы, как это делает И. Кант, просто признать, что познание было бы невозможно без существования априорных универсалий. Но К. Поппер не случайно считал Ч. Пирса «одним из величайших философов всех

⁴⁰³ Walton D. *Abductive Reasoning*. - Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005. - 303 p., P. 3-4.

⁴⁰⁴ *The Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vols. I-VI ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss. - (Cambridge, (Massachusetts): Harvard University Press, 1931-1935), Vols. VII-VIII ed. Arthur W. Burks (same publisher, 1958) (CP 7.218).

⁴⁰⁵ *The Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vols. I-VI ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss. - (Cambridge, (Massachusetts): Harvard University Press, 1931-1935), Vols. VII-VIII ed. Arthur W. Burks (same publisher, 1958) (CP 5.172).

времен».⁴⁰⁶ Ведь Ч. Пирс был его непосредственным предтечей, поскольку еще в конце XIX века стал рассматривать то, каким образом осуществляется рост научных знаний.

В частности, Ч. Пирс пришел к выводу, что в ходе эволюции у человека должен был сложиться некий логический механизм перехода от единичных фактов к всеобщим понятиям, который он и назвал абдукцией. По мнению Ч. Пирса, «Каким бы способом человек ни приобрел свою способность предугадывать пути природы, это, конечно, было не с помощью сознательно контролируемой и критической логики. Даже сейчас он не может сколько-нибудь точно указать основания своих самых удачных догадок. Мне представляется, что лучшим описанием этой логической ситуации — самым свободным от всяческих сомнительных привходящих соображений — будет сказать, что человек одарен некоторой способностью усмотрения, инсайта природы, не настолько сильной, чтобы он чаще мог быть правым, чем ошибался, но достаточно сильной, чтобы ошибаться не чрезмерно чаще, чем оказываться правым».⁴⁰⁷

Примечательно, что эти доводы Ч. Пирса в наши дни поддержал Нобелевский лауреат по экономике за 1976 год, автор теории ограниченной рациональности, американский экономист Герберт Саймон. По его словам, «...чем труднее и оригинальнее задача, тем больше вероятность того, что для ее решения потребуется большое число проб и ошибок. В то же время эти пробы и ошибки не вполне случайны, они выбираются не вслепую. На самом деле здесь происходит строжайший отбор. Внимательно рассматривая все новые утверждения, полученные в результате одноразовых преобразований, пытаются выяснить, приближают ли они

---

⁴⁰⁶ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский. - М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 384 с., С. 206.

⁴⁰⁷ The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vols. I-VI ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss. - (Cambridge, (Massachusetts): Harvard University Press, 1931-1935), Vols. VII-VIII ed. Arthur W. Burks (same publisher, 1958) (CP 5.173).

нас к достижению поставленной цели. И если кажется, что мы на верном пути, то это подхлестывает поиск в выбранном направлении».⁴⁰⁸

Сам Ч. Пирс прямо говорил о том, что «...абдукция — это /.../ не что иное, как догадка».⁴⁰⁹ Но какое отношение догадка может иметь к эссенциализму? Фактически, самое прямое. Дело в том, что догадку не обязательно рассматривать, как это делают психологи, в качестве некой загадочной интуиции. Абдукцию вполне можно трактовать и как рациональный выбор одной из возможных классификаций. Точнее сказать, с точки зрения логики, абдукция — это внезапное усмотрение принадлежности явлений к какой-то новой и более общей категории.

Ведь классификации не обязательно осуществляются на основании принадлежности объектов к сущности, то есть к предельно общей категории. К примеру, американский психолог Барбара Малт в экспериментах обнаружила, что человеческое отношение к воде зависит не только от ее способности быть H₂O и соответствовать всем привычным для воды свойствам, но также и от таких не обязательных факторов как использование, местоположение и источник жидкости. Такая, например, жидкость как чай, которая на 91 процент состоит из воды, как показали опросы, водою совсем не кажется, а канализационная вода (Sewer water), в которой на самом деле воды только 67 процентов, - наоборот. Видимо, в соответствии с поговоркой «кровь людская - не водица», не воспринимается в качестве воды и кровь, хотя в ней субстанции H₂O - 68,7 процентов. То есть даже больше, чем в канализационной воде, которая при этом водой считается.⁴¹⁰

Как видим, при восприятии водосодержащих жидкостей не все из нас готовы воспринять их с точки зрения сущностной принадлежности. Вот почему американские психологи Сьюзен Гельман и Элен Маркман в статье «Категории и

⁴⁰⁸ Саймон Г. Науки об искусственном: Пер с англ. Изд. 2-е. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 144 с., С. 115.

⁴⁰⁹ The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vols. I-VI ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss. - (Cambridge, (Massachusetts): Harvard University Press, 1931-1935), Vols. VII-VIII ed. Arthur W. Burks (same publisher, 1958) (CP 7.219).

⁴¹⁰ See: Malt B.C. Water is not H₂O, P. 41-70. // Cognitive Psychology. - 1994. - No 27. - P. 46-47.

индукция у малышей» решили отделить абдуктивный подход от всех иных форм мышления.

В ходе опытов они на специальных карточках показывали четырехлетним детям рисунки кобры, дождевого червя и маленькой коричневой змеи, внешне очень похожей на дождевого червя.⁴¹¹ Экспериментаторы просили детей предсказать, будет ли маленькая коричневая змея есть мясо как кобра или есть растения, как дождевой червь.

По замыслу эксперимента, выбор детей в пользу мяса, свидетельствует о том, что в данном случае он совершен не по внешнему сходству маленькой коричневой змеи с дождевым червем, а на основе логического рассуждения, то есть путем отнесения маленькой коричневой змеи к категории змей. Таким образом, удастся разделить два типа человеческого мышления — образное и логическое. Ведь обобщать можно не только с помощью логических категорий, но также и с помощью сравнения образов. Очевидно, что парадный портрет, фотография и карикатура заметно отличаются друг от друга в пределах сходства. Тем не менее, данные эксперимента показали, что классификация с помощью логических категорий свойственна даже четырехлетним детям. Из этого авторы эксперимента сделали вывод, что «...эссенциализм - это эвристика рассуждений, которая легко доступна как детям, так и взрослым».⁴¹²

Специалист по социальной психологии из Университета Крита Алексиос Арванитис использовал результаты экспериментов Сьюзен Гельман и Элен Маркман в статье «Эссенциализация как явно выраженная форма абдукции». В ней, для того, чтобы подчеркнуть специфику абдукции, А. Арванитис сравнивает все три формы логического вывода: индукцию, дедукцию и абдукцию.

⁴¹¹ Gelman S., Markman E. Categories and induction in young children, P. 183-209. // Cognition. - 1986. - No 23. - P. 197.

⁴¹² Gelman S. Psychological Essentialism in Children, P. 404-409. // Trends in Cognitive Science. - 2004. - No. 8 (9). - P. 404.

По мнению А. Арванитиса, в экспериментах Сьюзен Гельман и Элен Маркман абдуктивный вывод должен был бы выглядеть таким образом:

«Змеи едят мясо (Правило)

Кобра ест мясо (Результат)

∴ Кобра - змея (Случай)».⁴¹³

Однако, на взгляд автора работы, этот вывод не верен потому, что в нем совсем не идет речь о «маленькой коричневой змее». Но именно о ней спрашивали детей экспериментаторы. По этой причине автору работы кажется, что абдуктивный вывод в данном случае должен выглядеть так:

Змеи едят мясо (Правило)

Кобра ест мясо (Результат)

∴ Маленькая коричневая змея ест мясо (Случай).

Абдуктивная гипотеза здесь состоит в усмотрении общего правила, что «все змеи едят мясо» в единственном «результате», как его называет А. Арванитис, или в том простом факте, что «кобра ест мясо». Причем то, что кобра ест мясо — не плод наших догадок, не интуиция о том, что есть в кобре некая «сущность», которая заставляет ее питаться мясом, а реальный факт. Как отмечал Ч. Пирс: «Абдукция начинается с фактов, с самого начала, не имея в виду какой-либо конкретной теории...»⁴¹⁴

Но, следующий ход мысли в абдукции — это поиск того, чем же этот факт (в данном случае то, что кобры едят мясо) может объясняться. Об этом же говорит и сам смысл термина абдукция. Как поясняет уже цитировавшийся нами Д. Уолтон: «Слово «абдуктивный» - от *ab* и *disco*, *ведущее* (курсив Д. Уолтона — А.А.) обратно.

⁴¹³ Arvanitis A. Essentialization as a Distinct Form of Abductive Reasoning, P. 243-256. // Journal of Theoretical and Philosophical Psychology. - 2014. - Vol. 34. No. 4. - P. 246.

⁴¹⁴ Peirce Ch. S. On the Logic of Drawing History from Ancient Documents, Especially from Testimonies, P. 75-114. // The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893-1913). - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p., P. 106 (CP (Collected Papers) 7.218).

Абдуктивный вывод уходит от данного заключения к поиску предположения, на котором основывается этот вывод». ⁴¹⁵ И самое простое объяснение того факта, что кобра ест мясо, заключается в том, что все змеи едят мясо. А значит, и маленькое коричневое существо, если мы считаем его змеей, должно делать то же самое.

Заметим, что это — не просто обычное индуктивное обобщение, хотя и очень похоже на него. Вот почему А. Арванитис напрасно пишет о том, что «...правило «Змеи едят мясо» изначально может быть выведено путем индукции, а не абдукции». ⁴¹⁶ Увы, в рамках формальной логики сделать это невозможно. Как пишет Ч. Пирс: «Абдукция ищет теорию. Индукция ищет факты. В абдукции рассмотрение фактов наводит на мысль о гипотезе. В индукции изучение гипотезы предполагает эксперименты, которые выявляют те самые факты, на которые указывала гипотеза». ⁴¹⁷ При этом индукция обобщает множество однородных фактов. А в эксперименте с коброй и дождевым червем есть лишь один факт, связанный с поеданием мяса - «кобра ест мясо». Обобщать приходится именно его. В этом и состоит логическая проблематичность абдукции. Ведь такое обобщение чревато ошибками.

В абдукции сущность в большинстве своем представляет собой нечто неопределенное, что лишь на интуитивном уровне связывает все члены категории с признаками самой категории. К примеру, для ребенка «родители» представляют собой некое единство, хотя он и понимает, что между мужчинами и женщинами существуют невидимые различия, природа которых ему не ясна. Вот почему американские психологи Дуглас Медин и Эндрю Ортони предложили называть

⁴¹⁵ Walton D. *Abductive Reasoning*. - Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005. - 303 p., P. 34.

⁴¹⁶ Arvanitis A. *Essentialization as a Distinct Form of Abductive Reasoning*, P. 243-256. // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. - 2014. - Vol. 34. No. 4. - P. 247.

⁴¹⁷ Peirce Ch. S. *On the Logic of Drawing History from Ancient Documents, Especially from Testimonies*, P. 75-114. // *The essential Peirce: Selected philosophical writings*, Vol. 2 (1893-1913). - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p., P. 106 (CP (Collected Papers) 7.218).

образующиеся в подобных случаях эссенции «заполнителями сущности».⁴¹⁸ Этот термин используют также Мехмет Шахин, С. Гельман и А. Арванитис.⁴¹⁹ Суть этих «заполнителей сущности» состоит в том, что они являются «временно исполняющими обязанности» сущностей. Фактически, здесь учитывается то, что, конечно, всякая логическая категория существенна, но сущностью являются лишь предельно общие категории.

Абдукция - это мгновенный (с помощью догадки) скачок от факта к предполагаемой предельной категории, с которой имеет дело дедукция. Фактически, это — прыжок через пропасть, поскольку по-шагово ее перейти нельзя. Ведь никакая индукция не может нам дать достоверного вывода.

Солнце взошло вчера.

Солнце взошло сегодня.

Следовательно, оно взойдет и завтра. Вывод здесь будет всего лишь вероятным.

Можно, конечно, усилить этот пример:

Солнце всходило миллионы лет.

Солнце взошло сегодня.

Следовательно, оно взойдет и завтра. Вывод все равно останется только вероятным. Просто вероятность здесь будет больше. Абдукция же позволяет достичь предельной категории мгновенно, и перейти от индукции к дедукции, то есть от недостоверности — к достоверности, пусть и всего лишь предполагаемой.

С точки зрения формальной логики, явления кажутся нам непонятными лишь потому, что не укладываются в имеющиеся понятия. Либо непонятное явление

⁴¹⁸ Medin D., Ortony A. Psychological essentialism, P. 179-196. In *Similarity and Analogical Reasoning*. Edited by Stella Vosniadou and Andrew Ortony. - Cambridge: Cambridge University Press, 1989. - 592 p.

⁴¹⁹ See: Şahin Mehmet. Essentialism in Philosophy, Psychology, Education, Social and Scientific Scopes, P. 193-204. // *Journal of Innovation in Psychology, Education and Didactics*. - 2018. - Vol. 22. No. 2. - P. 195; Gelman S. Psychological Essentialism in Children, P. 404-409. // *Trends in Cognitive Science*. - 2004. - No. 8 (9). - P. 404; Arvanitis A. Essentialization as a Distinct Form of Abductive Reasoning, P. 243-256. // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. - 2014. - Vol. 34. No. 4. - P. 251.

нуждается в введении какого-то нового понятия. Либо оно описывается не одним, а несколькими понятиями. В таком случае замена описаний на обобщающее понятие также требует догадки, без которой нет и не может быть никакой абдукции. Причем в абдукции догадка всегда является обобщением, пусть и не всегда осознанным. А всякий процесс обобщения будучи доведенным до предела представляет собой сущность. Вот почему всякое обобщение — это процесс эссенциализации.

В абдукции догадка - это мгновенный скачок от менее общего, а то и единичного - к более общему. Причем невозможно сказать, достигла ли она сущностной категории в этот раз. Вот почему мы к любой абдуктивной догадке, по сути, относимся как к сущностной категории. И в этом отличие абдукции от обычной дедукции, где сущностная категория всегда является реальной. Вспомним хотя бы классический пример И. Канта: «Все люди смертны. Кай — человек. Следовательно, Кай — смертен».

Однако именно то обстоятельство, что абдуктивную догадку мы, по сути, считаем предельной категорией и позволяет нам уничтожить разрыв между абсолютно вероятностными выводами индукции и абсолютно предельными категориями дедукции. Без существования абдукции было бы даже трудно представить себе, каким путем могли возникнуть предельно общие категории дедукции. Причем относительно некоторых абсолютных категорий, таких, например, как «Бог», «материя» и тому подобных Ч.С. Пирс даже прямо говорил, что они до сих пор остаются лишь абдуктивными догадками.

Правда, не все специалисты по логике согласны со статусом логического вывода применительно к абдукции. Даже известный финский логик Яаакко Хинтикка, который утверждал, что проблема абдукции «...является центральной в современной эпистемологии»⁴²⁰, все же писал об этом недвусмысленно: «Что

⁴²⁰ Hintikka J. What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology. // Transactions of the Charles S. Peirce Society. - 1998. - Vol. 34. No. 3. - P. 503.

касается статуса абдукции как особой формы логического вывода, то главный итог нашей статьи однозначен: такой формы логического вывода (в любом естественном смысле вывода), как абдукция, не существует».⁴²¹

И хотя автор работы согласен с подобной оценкой Я. Хинтикки, надо признать, что выводы абдукции сомнительны лишь с формально-логической точки зрения, хотя на практике люди используют эти выводы, и они могут быть им полезны. Причем, по мнению автора работы, ничуть не меньше, чем дифференциальное и интегральное исчисления в математике, хотя еще Джордж Беркли доказал, что и они базируются также на сомнительных с формально-логической точки зрения выводах.

Д. Беркли обратил внимание на то, что в своих рассуждениях И. Ньютон и Г. Лейбниц исходят из того, что, если к какой-то конечной величине прибавить или, наоборот, вычесть из нее бесконечно малую величину, значение первой величины никак не изменится. И внешне этот постулат выглядит вполне приемлемо. Однако Д. Беркли тщательно прослеживает к чему же он ведет на практике.

В частности, исследуя к чему ведет увеличение скорости движения на бесконечно малую величину, сперва И. Ньютон считал ее вполне определенной, и без труда нашел соответствующую величину приращения. Затем, в силу двойственности бесконечно малых, И. Ньютон был вынужден рассмотреть также и противоположный случай, когда бесконечно малая величина, на которую увеличивается скорость, равна нулю. И в этой второй попытке, очевидно руководствуясь ранее принятым постулатом, Ньютон, вдруг, сохранил в качестве результата величину приращения, полученную в первом случае.

Против формально-логической «незаконности» этой процедуры и возражает Д. Беркли. «Рассуждаете ли вы при помощи слов или символов, - пишет он, - правила

⁴²¹ Hintikka J. What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology. // Transactions of the Charles S. Peirce Society. - 1998. - Vol. 34. No. 3. - P. 523.

здорового смысла остаются теми же».⁴²² Поэтому, если во втором случае бесконечно малая величина равна нулю, то и приращение скорости, по общему правилу умножения также должно равняться нулю.

Рассматривая конкретные примеры, Д. Беркли показал, что, обосновывая дифференциальное и интегральное исчисление, и И. Ньютон, и Г. Лейбниц прибегали к одному и тому же, формально-логически «незаконному» приему, - на промежуточных этапах вычислений, прибавляя «бесконечно малую величину», а после незаметно ее вычитая, что и позволяло им каждый раз приходиться к правильным выводам. И эти-то люди, иронизирует Д. Беркли, требуют от теистов куда более строгих доказательств в вопросах религии.

И все-таки, из-за практической пользы ни сам Д. Беркли, ни кто-либо еще из философов или математиков даже не ставили вопрос об отказе от интегрального и дифференциального исчислений при всей их формально-логической «сомнительности». По тем же причинам не стоит отказываться и от абдукции. В конце концов, формальная логика, валидность ее законов и область применения также являются предметом философских дискуссий.

По мнению автора работы, порождающая гипотезы абдукция, и лежащий в ее основе процесс эссенциализации, то есть переклассификации явлений и сведения их к более общей категории - это единственный мост, который в наши дни соединяет разорванные в онтологии мир субъекта и объекта. Без догадки и гипотез нет какого-то прироста знаний. А значит, существование абдукции доказывает, что эссенциализм — это не нечто, в лучшем случае, терпимое и извинительное, а важный инструмент развития наук вообще, и, следовательно, также науки экономической.

---

⁴²² Беркли Д. Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику, где исследуется, являются ли предмет, принципы и заключения современного анализа более отчетливо познаваемыми и с очевидностью выводимыми, чем религиозные таинства и положения веры. // Беркли Джордж. Сочинения. - М.: Мысль, 1978. - 556 с., С. 408.

При этом «...абдукция - это всего лишь подготовка. Это первый шаг научного рассуждения...»⁴²³ - считал Ч. Пирс. Ее функция заключается в том, чтобы свести многообразие имеющихся фактов к единству. Обобщая, гипотеза всегда находит существенную категорию, каждый раз принимая ее за категорию предельную, которая в действительности такой может и не быть.

Вот почему всякая гипотеза является лишь временной. И она должна корректироваться в ходе дальнейшего сбора эмпирических данных. По сути, абдукция не ждет, когда индукция приблизится к напрашивающемуся обобщению, а делает его сразу. Выгода от такой стратегии в науке заключается в том, что Ч. Пирс называл «экономией исследования». Мы держимся какой-то гипотезы до тех пор, пока нам это позволяют делать факты. При этом всегда есть возможность, что новые факты потребуют не просто коррекции выдвинутой гипотезы, но и ее замены. Отличие абдукции от индукции и аналогии, также рождающих новое знание, состоит не в том, что она открывает какие-то новые явления и связи объектов, хотя это и не исключено, а в том, что она открывает, какие из этих явлений и связей надо считать существенными.

М.П. Завьялова пишет о том, что «Эссенциалистский момент метода социальных наук развивается в стремлении методологов построить особую логику, учитывающую их специфику (Т. Адорно, К. Поппер, А. Зиновьев и др.)».⁴²⁴ Однако, автор работы считает, что в какой-то особой логике для социально-экономических наук нет никакой необходимости. Общая для всех наук эссенциалистская логика открытия уже существует. И эта логика - абдукция.

---

⁴²³ Peirce Ch. S. On the Logic of Drawing History from Ancient Documents, Especially from Testimonies, P. 75-114. // The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893-1913). - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p., P. 106 (CP (Collected Papers) 7.218).

⁴²⁴ Завьялова М.П. Проблема совместимости натуралистически-эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов в познании и преобразовании социальных объектов, С. 102-112. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2017. - № 39. - С. 104.

Правда, следует признать, что абдукции требует любое человеческое творчество. И Ч. Пирс не случайно говорил об инстинкте, как о глубинной основе абдукции. Речь, по сути, идет о каком-то до-логическом типе мышления. И часть философов ищет разгадку такого до-логического мышления в интуиции. На это, например, прямо указывает А.Э. Бахметьев: «...интуиция как дологическая форма схватывания существующего имеет онтогносеологические границы, необходимые для осуществления процесса познания».⁴²⁵

В.А. Бунько пишет о том, что «Изучение трудов Чарльза Сандерса Пирса привело его к мысли о возможности рассматривать рождение научной гипотезы как процесс формирования образа, гештальта».⁴²⁶ В.А. Бунько даже предположил, что «Стремление к представлению гипотезы в виде гармоничного образа может оказаться полезным в научном исследовании. И хотя изложенные версии путей к гештальту выглядят правдоподобными, вопросы остаются. «Гипотеза как гештальт» – это самостоятельный метод научного исследования, или вспомогательный метод, или метафора?»⁴²⁷

Ответ на эти вопросы может дать только в целом научное сообщество. Автор работы может лишь предположить, что, по всей вероятности, сам Ч. Пирс отнесся бы к идее В.А. Бунько отрицательно. Он считал, что вопросы науки должны решаться не в пределах психологии, следовательно, также и гештальт-психологии, а средствами логики. А предмет логики Ч. Пирс определял очень строго. «Логика в узком смысле - это наука, которая интересуется в первую очередь тем, как разделить рассуждения на хорошие и плохие, а вероятностные рассуждения - на сильные и слабые. Во вторую очередь она интересуется всем тем, что нужно изучить, чтобы провести все эти

⁴²⁵ Бахметьев А.Э. Онтологические и гносеологические границы в структуре интуитивного познания, С. 95-98. // Манускрипт. - 2020. - Том 13. Выпуск 1. - С. 95.

⁴²⁶ Бунько В.А. Гипотеза как гештальт, С. 70-80. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2010. - № 4. - С. 70.

⁴²⁷ Бунько В.А. Гипотеза как гештальт, С. 70-80. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2010. - № 4. - С. 79.

различия между рассуждениями, и больше ничем».⁴²⁸ Поэтому проблема, каким образом совместить интуицию с формальной логикой, на взгляд автора работы, еще ждет своего решения.

Надо признать, что Ч. Пирс не раз менял свою точку зрения на то, что такое абдукция. Так что В.А. Шумилина права в том, что «...нет окончательной версии определения абдукции в трудах Пирса...»⁴²⁹, хотя он и работал над этой проблемой более сорока лет. Достаточно вспомнить, что на разных этапах исследований Ч. Пирс называл абдукцию то гипотезой, то ретродукцией, то «выводом к лучшему объяснению» и даже презумпцией.

Тем не менее, оставленное Ч. Пирсом наследство, на взгляд автора работы, дает основание считать, что, как минимум, в том числе он рассматривал абдукцию также и как логический (а не психологический) механизм человеческой интуиции, на неразрывность которой с эссенциализмом критически указывал еще К. Поппер. По его словам, «Аристотель вместе с Платоном утверждал, что мы обладаем способностью — интеллектуальной интуицией, — с помощью которой мы можем зрительно представлять сущности и устанавливать, какие определения являются правильными. Многие современные эссенциалисты повторяют это положение».⁴³⁰

Однако неожиданно-негаданно среди таких эссенциалистов оказался и классик аналитической философии — американский философ и логик Сол Крипке. Как справедливо заметила О.И. Целищева: «...Крипке явился первым, по сути, аналитическим философом, который посчитал эссенциализм верной доктриной, реабилитируя Аристотеля, и, естественно, веру обычного человека. Что касается

⁴²⁸ Пирс Ч.С. Рассуждение и логика вещей. Лекции для Кембриджских конференций 1898 года. С «Введением» Кеннета Лэйна Кетнера и Хилари Патнема и «Комментариями к лекциям» Хилари Патнема. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. - 371 с., С. 171.

⁴²⁹ Shumilina, V.A. Abductive Theory of Meaning. Basic Research Program. Working Papers / V.A. Shumilina. - М.: National Research University Higher School of Economics. Series: Humanities, 2020. - 17 p., P. 2.

⁴³⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 528 с., С. 23-24.

такой веры, то ясно, что она обязана интуиции, близко граничащей со здравым смыслом».⁴³¹

С. Крипке, действительно, рассмотрел такую важную для эссенциализма проблему как сущностные свойства «...которые должны иметься у объекта, чтобы он вообще существовал, а при отсутствии их перестал бы быть данным объектом?»⁴³² И при помощи введения термина «жесткий десигнатор», «...который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах»⁴³³, С. Крипке пришел к выводу, что «...понятие сущностных свойств может быть обосновано...» и он считает «...это понятие обоснованным».⁴³⁴

Конечно, выводы работы С. Крипке «Именование и необходимость»⁴³⁵ стали полной неожиданностью для его коллег по аналитической философии. Как писал известный американский философ Ричард Рорти: «Все были либо в ярости, либо взволнованы, либо совершенно сбиты с толку. Никто не остался равнодушным».⁴³⁶ Ведь С. Крипке защищал идеи давно «опровергнутого» аналитическими философами эссенциализма, в частности, ту идею, что некоторые свойства внутренне присущи объектам. И что вода, к примеру, является водой вследствие того, что она - H₂O, а киты не являются рыбами вследствие их внутреннего строения.

По словам Р. Рорти: «Никто даже на одно мгновение не мог до конца поверить, что ведущий специалист по модальной логике должен всерьез одобрять

⁴³¹ Целищева О.И. Конфликт норм в философском мышлении: случай аналитической философии, С. 51-59. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2019. - № 49. - С. 56.

⁴³² Крипке С. Тожество и необходимость, С. 340-376. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). - М.: Радуга, 1982. - 432 с., С. 360.

⁴³³ Крипке С. Тожество и необходимость, С. 340-376. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). - М.: Радуга, 1982. - 432 с., С. 351.

⁴³⁴ Крипке С. Тожество и необходимость, С. 340-376. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). - М.: Радуга, 1982. - 432 с., С. 361.

⁴³⁵ Kripke S. Naming and Necessity. - Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 2001. - 172 p.

⁴³⁶ Rorty R. Kripke versus Kant. Review of Naming and Necessity by Saul Kripke, P. 4-5. // London Review of Books. - 1980. - Vol. 2. № 17. - P. 4.

аристотелевский взгляд на вещи».⁴³⁷ Но С. Крипке и впрямь рассуждал как настоящий эссенциалист, который «...просит своего читателя придерживаться неискушенной интуиции и сопротивляться ложной изощренности школ»⁴³⁸, прежде всего имея ввиду позитивизм и аналитическую философию. Ведь с опорой на интуицию обычного человека С. Крипке вел речь о необходимых апостериорных утверждениях, отражающих наличие у объектов их внутренних сущностных свойств, с чем едва ли были согласны его оппоненты.

Как пишет С. Крипке: «...утверждение, что этот стол, если он вообще существует, сделан не из льда, хотя и является необходимой истиной, безусловно, не является чем-то известным нам a priori. Мы знаем прежде всего, что столы не делаются из льда, обычно они делаются из дерева. Этот предмет похож на деревянный. На ощупь он не холодный, каким он, вероятно, был бы, если бы был сделан из льда. Отсюда я заключаю, что, вероятно, он сделан не из льда. Все мое рассуждение является апостериорным».⁴³⁹ Фактически, перед нами типично эссенциалистское понимание связи между объектами, знаниями их значений и именами объектов.

Конечно, аналитические философы так просто не сдали свои позиции. В частности, уже упомянутый Р. Рорти выразил сомнение в том, возможно ли основывать философию на интуиции простого человека с улицы. «Предположим, - пишет он, - что «Аристотель» - это имя бездумного писца, который переписывал различные трактаты, составляющие то, что мы называем «корпусом Аристотеля», каждый трактат был составлен другим членом комитета, только один из которых также назывался «Аристотель». Каковы, интуитивный читатель, условия истинности

⁴³⁷ Rorty R. Kripke versus Kant. Review of Naming and Necessity, by Saul Kripke, P. 4-5. // London Review of Books. - 1980. - Vol. 2. № 17. - P. 4.

⁴³⁸ Rorty R. Kripke versus Kant. Review of Naming and Necessity, by Saul Kripke, P. 4-5. // London Review of Books. - 1980. - Vol. 2. № 17. - P. 4.

⁴³⁹ Крипке С. Тожество и необходимость, С. 340-376. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции). - М.: Радуга, 1982. - 432 с., С. 361.

выражения «Аристотель был менее религиозен, чем Платон»? Философы языка должны обеспечивать условия истинности в таких случаях-головоломках; это их работа. Но не ясно, сможет ли человек с улицы оказать большую помощь любой из сторон в этом споре».⁴⁴⁰

Р. Рорти поддержал и другой известный представитель аналитической философии Я. Хинтиikka. «В прошлом, - писал он, - каждый видный философ, который взывал к интуиции, имел теорию или по крайней мере объяснение того, почему мы можем получить новое знание или понимание, размышляя над нашими собственными идеями.»⁴⁴¹

В качестве причин доверия к интуиции Я. Хинтиikka назвал не критичное отношение к идеям такого модного на Западе интеллектуального авторитета как американский лингвист Ноам Хомский. «Методологически не подкованные философы начали в 1960-х имитировать Хомского, или скорее имитировать то, что они приняли за методологию Хомского. /.../ Чего с самого начала не понимали философы, имитирующие Хомского, так это того, что он был тайным картезианцем, который имел за собой скрытое подкрепление своей апелляции к интуиции, которая по крайней мере удовлетворяла его. Увы, огромное число философов, которые в наши дни взывают к интуиции, не являются картезианцами, и не имеют никакой другой теоретической поддержки для своей апелляции к интуиции».⁴⁴²

Однако в данном случае Я. Хинтиikka оказался не прав, поскольку и без Н. Хомского в философии есть источник доверия к человеческой интуиции, - это Ч. Пирс и его абдукция. К тому же известно, что в философии Ч. Пирс выступал как

⁴⁴⁰ Rorty R. Kripke versus Kant. Review of Naming and Necessity, by Saul Kripke, P. 4-5. // London Review of Books. - 1980. - Vol. 2. № 17. - P. 5.

⁴⁴¹ Хинтиikka Я. Кто там готов убить аналитическую философию? С. 283-292. // Целищев В.В. Философский переписчик: переводы и размышления. - Новосибирск: Омега-Пресс, 2014. - 574 с., С. 289.

⁴⁴² Хинтиikka Я. Кто там готов убить аналитическую философию? С. 283-292. // Целищев В.В. Философский переписчик: переводы и размышления. - Новосибирск: Омега-Пресс, 2014. - 574 с., С. 289.

воинствующий антипод Р. Декарта.⁴⁴³ Так что в данном случае критика Я. Хинтикки не ставит под сомнение правомерность оправдания С. Кripке эссенциализма. Да, эссенциализм с абдукцией гипотетичны, но не антинаучны, как это кажется представителям аналитической философии.

С точки зрения логики, а не психологии или еще какой-либо науки, абдукция возможна там и тогда, где и когда речь идет об объяснении явлений на основе их принадлежности к той или иной обобщающей категории. Все абдуктивные интуиции порождены усмотрением принадлежности тех же самых фактов к более общей логической категории. Именно эта более общая логическая категория, к которой приводится некое множество фактов и выступает в абдуктивном выводе как обретенная с помощью догадки большая посылка. И чаще всего абдукция рождается как ответ на артикулируемый или не артикулируемый вопрос — к какой категории отнести тот или иной факт — к примеру, ту же «маленькую коричневую змею» из статьи С. Гельман и Э. Маркман.

При этом А. Арванитис, на взгляд автора работы, совершенно справедливо предупреждает о том, что не следует слепо доверять абдуктивным обобщениям. «Ловушка эссенциалистских рассуждений, - пишет он, - заключается прежде всего в иллюзии объяснительной глубины, которую предлагает принадлежность к категории в качестве объяснения. Этот тип объяснения кажется настолько фундаментальным, как если бы он был очевидной истиной».⁴⁴⁴ А между тем, «заполнитель сущности» не всегда является предельной категорией. То же поедание мяса, например, присуще не только кобрам. А значит, по мнению автора работы, в анализе нельзя выпускать из виду и все остальные логические категории, которые в данный момент учитываются

⁴⁴³ См., например, его работу: Пирс Ч. Некоторые последствия четырех неспособностей, С. 48-95. // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукidзе, Т. Дмитриева. - М.: Логос, 2000. - 448 с.

⁴⁴⁴ Arvanitis A. Essentialization as a Distinct Form of Abductive Reasoning, P. 243-256. // Journal of Theoretical and Philosophical Psychology. - 2014. - Vol. 34. No. 4. - P. 249.

лишь бессознательно. В частности, в экспериментах С. Гельман и Э. Маркман это форма тела, — ведь у червей и змей она примерно одинакова.

Рассмотрев в первом параграфе роль эссенциализма в философии и науке, как в прошлом, так и в настоящем времени, автор работы пришел к следующим выводам:

1. Эссенциализм, по-прежнему, остается востребованным философским направлением, так как продолжает играть ключевую роль в современной теории познания, позволяя объяснить порождение новых знаний при помощи такой эссенциалистской, по своей сути, логической процедуры как абдукция.

2. Абдукция как процесс догадки, порождающей новое знание, фактически, представляет собой переклассификацию фактов. А поскольку в своих аргументах наука должна всецело оставаться в границах логики, постольку и точнее было бы именовать абдуктивную догадку не психологическим термином «интуиция», а «сменой обобщающей категории», нацеленной на поиск сущности.

3. Без догадки и гипотез нет какого-то прироста знаний. А значит, существование абдукции доказывает, что эссенциализм — это не нечто, в лучшем случае, терпимое и извинительное, а важный инструмент развития наук вообще, и, следовательно, также науки экономической.

§ 3.2. Эссенциализм в неомарксистской экономической теории

В диссертации автор работы использует уже устоявшееся в науке определение неомарксизма, данное советским философом М.А. Хевеши: «Неомарксизм — это определенное теоретическое устремление найти при помощи Маркса ответы на животрепещущие вопросы современности».⁴⁴⁵ И одним из тех, кто, на основании этого широкого определения может быть причислен к течению неомарксизма является французский философ Жан Бодрийяр. К примеру, белорусский исследователь В.С. Михайловский прямо называет Ж. Бодрийяра неомарксистом⁴⁴⁶, так как при анализе социальной действительности, наряду с построениями постмодернистскими и постструктуралистскими, тот пользовался также и марксистской методологией.

В частности, Ж. Бодрийяр писал о том, что он хочет «...быть более логичным, чем сам Маркс, и, двигаясь в его собственном направлении, более радикальным...»⁴⁴⁷ И, следуя таким путем, Ж. Бодрийяр обратил внимание на то, что в «Капитале» К. Маркса меновые отношения рассматриваются как общественные и носят там субъект-субъектный характер, в то время как потребительные отношения носят характер отношений субъекта к объекту. Следовательно, сделал вывод Ж. Бодрийяр,

---

⁴⁴⁵ Хевеши М.А. Неомарксизм и его место в истории западной философии XX века. // Карл Маркс и современная философия. Сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса. - М.: Российская Академия Наук. Институт философии, 1999. - 380 с., С. 356.

⁴⁴⁶ Михайловский В.С. Три проблемы неомарксизма, или что необходимо знать при использовании неомарксистского подхода, С. 38-46. // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. - 2021. - № 3. - С. 44.

⁴⁴⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 178.

у К. Маркса «...потребительная стоимость не включена в собственную логику меновой стоимости...».⁴⁴⁸

Тем не менее, этот субъект-объектный подход по отношению к потребительной стоимости, по-прежнему, господствует в отечественной философии. Как, например, отмечает Л.П. Васюченко: «...полезность можно охарактеризовать как субъект-предметное отношение - как отношение субъекта к вещи по поводу поддержания определенного функционального состояния (инварианты) этой вещи».⁴⁴⁹

А между тем, по мнению Ж. Бодрийяра, потребительная стоимость «...в противоположность антропологической иллюзии, которая хотела бы представить ее в виде простого отношения «потребности» человека к полезному качеству предмета /.../ оказывается определенным *социальным отношением*»⁴⁵⁰ (выделено курсивом Ж. Бодрийяром – А.А.).

Опираясь на это положение, Ж. Бодрийяр выдвинул гипотезу, что потребности «...являются *эквивалентом абстрактного общественного труда*: на них основывается *система потребительной стоимости* (выделено курсивом Ж. Бодрийяром – А.А.) точно так же, как на абстрактном общественном труде основывается система меновой стоимости»⁴⁵¹. И в марксизме действительно внешним образом общественные отношения выступают как отношения вещей. По этой причине не только товар как носитель меновой формы стоимости имеет там «вещную» форму, но и потребительная стоимость также фигурирует в марксизме в своем «вещном» виде. И если в отношениях вещей-товаров К. Маркс обнаружил абстрактный труд, то почему бы ему не проявиться и в отношениях вещей-потребительных стоимостей? И поскольку Ж. Бодрийяр ставил своей целью

⁴⁴⁸ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 177.

⁴⁴⁹ Васюченко Л.П. Потребительная стоимость как система, С. 15-25. // Экономическая наука сегодня. - 2019. - Выпуск 10. - С. 20.

⁴⁵⁰ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 181.

⁴⁵¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 179.

следовать путем К. Маркса, постольку мы вправе ожидать, что в потребительной стоимости он как раз и найдет новую форму абстрактного труда, подобного тому, что у К. Маркса был связан с меновой стоимостью.

Однако в «системе потребительной стоимости» у Ж. Бодрийяра в роли заявленного эквивалента, в конце концов, оказывается не новый вид абстрактного труда, «прячущийся» в материальных телах потребляемых вещей, а их абстрактная «полезность», так как, согласно его же разъяснению в примечании №75: «...потребляется не продукт как таковой, а его *полезность*».⁴⁵²

Но это уже заметно отличается от логики самого К. Маркса. Ведь потребительная и меновая стоимость у К. Маркса, — это характеристики товара во всей его материальности. «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей, - порождаются ли они, например, желудком или фантазией, - ничего не изменяет в деле».⁴⁵³ При этом К. Маркс подчеркивает, что свое исследование он начинает с экономических явлений, с которыми на рынке сталкивается каждый. И потому в начале анализа он исходит «...из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, это — *товар*». Я анализирую, - пишет К. Маркс, - последний, и притом сначала в той *форме, в которой он проявляется*»⁴⁵⁴ (выделено курсивом К. Марксом — А.А.).

Совсем иная логика исследования у Ж. Бодрийяра. То, что «мы верим в реального Субъекта, движимого потребностями и сталкивающегося с реальными предметами, то есть с источниками удовлетворения» для него — не более, чем

⁴⁵² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 184.

⁴⁵³ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 43.

⁴⁵⁴ Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии», С. 369-399. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 19. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 670 с., С. 383-384.

«...вульгарная метафизика, сообщницами которой оказываются психология, социология и экономическая наука».⁴⁵⁵ По мнению Ж. Бодрийера: «Предмет», «потребление», «потребности», «стремление» — все эти понятия необходимо деконструировать, поскольку построение теории на основе очевидностей обыденной жизни не более осмысленно, чем на основе очевидностей сновидения...»⁴⁵⁶

Согласно К. Марксу, товар как предмет потребления «...представляется в своей натуральной форме для того, кто им пользуется...»⁴⁵⁷ Деконструированный же предмет потребления у Ж. Бодрийера лишен уже всякой телесности. «Он не представляет собой ничего, кроме различных типов отношений и значений, которые готовы сойтись друг с другом, вступить в противоречие и завязаться на нем как предмете. Он — ничто, кроме скрытой логики, которая упорядочивает эту сеть отношений...»⁴⁵⁸ В отличие от К. Маркса, логика потребления у Ж. Бодрийера, — это «логика статуса», знака и различия.

При этом внешним образом Ж. Бодрийер опирался на хорошо известные факты. В частности, на то, что «У жителей Тробрианских островов (Малиновский) существует радикальное различие между экономической функцией и функцией/знаком: существует два класса предметов, на которых выполняются две параллельные системы — кула, система символического обмена, основанная на кругообороте, обращающемся даре браслетов, колье, украшений, так что вокруг этой системы организуется социальная система значимости и статуса, и гимвали, торговля обычными благами».⁴⁵⁹ А поскольку, считает Ж. Бодрийер, «логика статуса» возникла раньше «логики рынка», следовательно, она и должна лежать в основе экономики. Однако то, что Ж. Бодрийер называет «логикой статуса» - это,

⁴⁵⁵ Бодрийер Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 68.

⁴⁵⁶ Бодрийер Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 68.

⁴⁵⁷ Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 19. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 670 с., С. 390.

⁴⁵⁸ Бодрийер Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 69.

⁴⁵⁹ Бодрийер Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 13.

фактически, «логика дарообмена». И она не только не является предтечей и составной частью «логики рынка», но является даже ее прямой противоположностью.

Исходя из «логики статуса», и пытаясь вписать ее в силовое поле меновой стоимости, восполняя то, чего нет у К. Маркса, Ж. Бодрийяр рассматривает «Не потребление, заданное традиционной политической экономией /.../ а потребление, определенное в качестве конверсии экономической меновой стоимости в меновую стоимость/знак».⁴⁶⁰ То обстоятельство, что политическая экономия должна начинаться не со «значимой вещи», а со «знака вещи» Ж. Бодрийяр считает настолько важным, что, по его мнению, после обнаружения в потребительной стоимости меновой стоимости/знака «...все поле политической экономии, сложенное лишь из экономической меновой стоимости и потребительной стоимости, распадается, требуя тотального пересмотра, направленного на создание *обобщенной политической экономии*, (выделено курсивом Ж. Бодрийяром – А.А.) которая будет включать в себя производство меновой стоимости/знака на том же основании и в том же самом плане, что и производство материальных благ и экономической меновой стоимости».⁴⁶¹

Однако производство меновой стоимости/знака, о чем говорят не только работы Б. Малиновского, но и других исследователей первобытного общества, не преследовало экономическую цель получения прибыли. И Ж. Бодрийяр соглашается с тем, что потребительная стоимость, рассматриваемая как меновая стоимость/знак, преследовала цель получить «господство, ни в коей мере не смешиваемое с экономическими привилегиями и привилегиями в отношении прибыли».⁴⁶² Превзойти других в социальном отношении, - вот чему когда-то должны были

⁴⁶⁰ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 146.

⁴⁶¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 146-147.

⁴⁶² Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 148-149.

служить и потребительная стоимость, и «иной тип труда, который *преобразовывает* (выделено курсивом Ж. Бодрийяром – А.А.) стоимость и экономическую прибавочную стоимость в стоимость/знак...»

Самое важное в социальной логике, по мнению Ж. Бодрийяра, - это различие. Логика потребления как раз и является такой «логикой знака и различия», так как «предметы играют роль показателей социального статуса». По этой причине «Истинная теория предметов и потребления должна основываться не на теории потребностей и их удовлетворения, а на теории социальной демонстрации и значения».⁴⁶³ При этом Ж. Бодрийяр не проводит терминологического различия между «вещами», «продуктами труда» и «товарами», поскольку все они у него получают свою значимость с помощью одного и того же общественного процесса - обмена.

Обосновывая субъект-субъектный характер отношений потребления, Ж. Бодрийяр подчеркивает то обстоятельство, что «Потребитель никогда не одинок, так же, как и говорящий».⁴⁶⁴ И точно так же как язык существует не потому, что имеется «индивидуальная потребность говорить», а, наоборот, он дан вначале как «структура обмена смысла», точно так же и потребление существует не потому, что «есть объективная потребность потреблять», а потому, что «...внутри системы обмена существует социальное производство материала различий, кода значений и статусных ценностей, так что функциональность благ и индивидуальных потребностей затем уже подстраивается к этим фундаментальным структурным механизмам, рационализирует их и вытесняет».⁴⁶⁵

Именно потому, что «потребитель никогда не одинок», Ж. Бодрийяр и приходит к выводу, что «Потребление — это обмен».⁴⁶⁶ Обмен смыслами различия и различием

⁴⁶³ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 13.

⁴⁶⁴ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 86.

⁴⁶⁵ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 87.

⁴⁶⁶ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 86.

смыслов, который по самой своей природе не может быть индивидуальным. Ведь никто же не обменивается сам с собою.

Ж. Бодрийяр считает, что «логика обмена является первичной», так как «Каждая группа или индивид еще до того, как обеспечить свое физическое выживание, сталкивается с насущной необходимостью производства себя в качестве смысла в системе обменов и отношений. Одновременно с производством благ существует необходимость производить значения, смыслы, делать так, чтобы бытие одного-для-другого существовало прежде, чем один и другой существуют сами по себе».⁴⁶⁷

Но именно в этом пункте схема Ж. Бодрийяра, на взгляд автора работы, и выглядит наименее правдоподобной. Ведь получается, что о «ценностном значении», например, голода первобытная обезьяна должна была узнать не из своих собственных ощущений, а в результате обмена смыслами со своими со-стадниками.

А между тем, первобытное общество еще не могло знать подлинного обмена, поскольку обмениваться можно лишь тем, что является частной собственностью, другими словами, собственностью монопольной и исключительной, то есть исключающей всех остальных. А между тем, тот же обряд кула, на который в своих рассуждениях ссылается Ж. Бодрийяр, демонстрирует, что украшения как символические предметы передавались тробрианцами друг другу не в собственность, а только во временное пользование. Никто не мог оставить «подаренные» украшения на своем острове или, тем более, причинить им какой-либо ущерб. Предметы кула играли роль, скорее, почетных кубков, временно хранящихся у победителей командных соревнований в наши дни. Таким образом, мы видим, что в экономической теории Ж. Бодрийяр, по сути, занял позицию безразличных к

---

⁴⁶⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 86.

историческим отличиям «формалистов». Первобытные отношения дарообмена он пытался выразить в терминах обмена и стоимости.

Ж. Бодрийяр говорит «о символической ценности обмена, социальной демонстрации, конкуренции» и так далее, но потребительная стоимость у него, — это все та же форма стоимости, точно такая же, как и меновая. Вся разница только в том, что меновая стоимость обнаруживается в «товаре», а потребительная стоимость - в «предмете/знаке», как его называет Ж. Бодрийяр.

Предмет/знак у Ж. Бодрийяра, отражая потребительную стоимость, в рамках субъект-субъектных отношений, фактически, должен выполнять те же функции, что и «общественная потребительная стоимость», о которой писал К. Маркс. По меньшей мере, это следует из слов Ж. Бодрийяра, что «потребности (система потребностей) в действительности являются эквивалентом абстрактного общественного труда».

Но какой же труд здесь имеется ввиду? Ведь любая потребительная стоимость, в соответствии с теорией стоимости К. Маркса, образуется качественным трудом. Стол как потребительная стоимость образуется неким «столообразующим» трудом, сюртук - «сюртукообразующим», и так далее. Следовательно, и абстрактная «общественная потребительная стоимость» должна иметь дело лишь с качеством в его общественном измерении, а не с количеством, с которым имеет дело стоимость. Подходит ли на эту роль потребительная стоимость - «предмет/знак» Ж. Бодрийяра? Явным образом нет. Ведь по своей природе товар и предмет/знак у Ж. Бодрийяра вполне тождественны. И тот, и другой имеют дело с обменом и стоимостью. А это значит, что предмет/знак у Ж. Бодрийяра, фактически, является товаром.

Пытаясь следовать марксистской логике, Ж. Бодрийяр пришел к выводу, что *«Критика политической экономии знака* (выделено курсивом Ж. Бодрийяром – А.А.) *должна заняться анализом формы/знака подобно тому, как критика политической*

экономии должна была заниматься анализом формы/товара».⁴⁶⁸ Однако у самого Ж. Бодрийяра никакого анализа формы/знака в конце концов мы так и не находим.

Переходя от явления к сущности, К. Маркс фиксирует, что, в конце концов, товар распадается на две общественные формы: потребительную и меновую стоимость. Но у Ж. Бодрийяра предмет/знак ни на какие общественные формы не распадается. Единственным сущностным свойством предмета/знака у Ж. Бодрийяра оказывается его не материальность. А значит, и все отличие вещи как формы/знака от вещи как формы/товара состоит только в том, что первая из них «не материальна», а вторая - «материальна».

По логике Ж. Бодрийяра, хоть он и не объяснил, как это могло произойти, форма/знак появляется на свет раньше формы/товара. А потому и оказывается, что форма/товар, будучи по своей природе знаком, в процессе развития стремится сбросить с себя внешнюю по отношению к ней материальную оболочку и стать чистым знаком или симулякром. Ведь, с точки зрения Ж. Бодрийяра, «Знак — это апогей товара».⁴⁶⁹

Понятие «симулякр» (от лат. *simulacrum* – образ, подобие) использовалось еще в античности⁴⁷⁰. Однако по-настоящему популярным этот термин в XX веке сделал как раз Ж. Бодрийяр. Именно Ж. Бодрийяр разработал теоретическое обоснование симулякра как самодостаточной симуляции. По словам Ж. Бодрийяра: «В то время как репрезентация пытается абсорбировать симуляцию, интерпретируя ее как

⁴⁶⁸ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 198.

⁴⁶⁹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. - М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. - 240 с., С. 295.

⁴⁷⁰ В античности термин «симулякр» означал — не образ-копию вещи, а образ, созданный нашей фантазией, то есть образ, за которым в действительности ничего не стоит. У атомистов под симулякрами (идолами, фантасмами) понимались образы, истекающие от вещей и воздействующие на наши органы чувств. См., например: Лукреций. О природе вещей. Том I. Перевод Ф.А. Петровского. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1946. - 451 с., С. 46, 66, 74 и др.

ложное, «поврежденное» представление, симуляция охватывает и взламывает всю структуру репрезентации, превращая представление в симулякр самого себя».⁴⁷¹

Но если у Ж. Бодрийяра знак — это апогей товара, а, в свою очередь, симулякр — это апогей знака, то объективно возникает вопрос: а представляет ли симулякр, и в какой степени, сам товар? Или симуляция товара является отрывом от его «товарности»?

И здесь надо признать, что симуляция товаров давно уже стала частью экономики: «колбаса без мяса», «молоко из сои», «секс по телефону». Даже работа топ-менеджеров и возглавляемых ими фирм стала измеряться не конкретными результатами, а достигнутой положительной или отрицательной динамикой. Казаться, а не быть — вот реальность современной экономики.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, предпочитающие называть себя не неомарксистами, а «творческими марксистами» считают, что симулятивные товары (или в их терминологии «s-товары») не являются собственно товарами. По той причине, что «...если ни труд по созданию «материального тела» s-товара, ни труд по созданию его s-оболочки стоимость не создает, то правомерным может быть только вывод об... *отсутствии у s-товара стоимости*»⁴⁷² (выделено А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым — А.А.), а, следовательно, и самой «товарности». И с точки зрения классического марксизма они совершенно правы. Однако современную экономику это заботит мало. Если симуляции потребительных стоимостей или подделки под них продаются, то, получая цену, они автоматически при этом получают также и подлинную, а не воображаемую превращенную форму товара.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов ищут арбитров для определения «естественной» стоимости товаров где-то вне рынка — в здравом смысле, морали, в общественной

⁴⁷¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. - М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. - 240 с., С. 12.

⁴⁷² Бузгалин А.В., Колганов А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма, С. 31-42. // Вопросы философии. - 2012. - № 11. - С. 39.

необходимости, наконец. Однако в обществе, где экономически господствует рынок, стоимостью обладает лишь то, что реально продается. А значит, лишь рынок и может определить — действительная ли перед нами потребность или «превратная», используя термин А.В. Бузгалина и А.И. Колганова, и симулятивная.

Симулятивность или «превращенность» образует особый слой социальной реальности. Товар по происхождению представляет собой «благо» или нечто желаемое для человека. Да и «обмен» появляется тоже в виде «блага». Ведь он возникает лишь для того, чтобы доставить человеку вещи, в которых тот нуждается, но которых нет в его распоряжении. Выходит, что товар отличается от блага лишь той малостью, что это - то же самое благо, только предназначенное для обмена.

При этом и самому обмену сперва подлежало лишь то, что реально является благом. Однако со временем общественная связь между благом и обменом сделалась настолько прочной, что по инерции все, что обменивается, стало восприниматься как благо. В конце этого процесса предметом обмена сделались уже и вовсе не блага: орудия смерти, например.

Парадоксально, но товар, будучи лишь превращенной формой блага, для потребителя намного реальнее, чем само благо, которое, по словам К. Менгера, представляет собой лишь отношение объектов к нашим потребностям. Да и деньги, являющиеся превращенной формой товара в силу их большей ликвидности во многих случаях для потребителя также намного важнее самих реальных товаров. Словом, с точки зрения экономических агентов, в большинстве случаев, превращенные формы и есть самое подлинное в экономике, - то, с чем они имеют дело в первую очередь. Однако неоклассическая экономическая теория рассматривает концепт «превращенная форма» (*verwandelte Form*) в качестве исключительно марксистского, и потому непригодного к адекватному экономическому анализу.

Между тем, о превращении форм еще до К. Маркса писал А. Смит: «*Оборотный капитал* (курсив А. Смита — А.А.) /.../ не приносит своему владельцу дохода, или прибыли, пока он остается в его владении или пока он сохраняет свою прежнюю форму. Он постоянно выходит из его рук в какой-нибудь одной определенной форме, чтобы вернуться уже в другой форме, и приносит прибыль только благодаря такому обращению, или таким последовательным превращениям».⁴⁷³ Так что нет оснований считать концепт «превращенная форма» сугубо марксистским и ограниченным.

В частности, М.К. Мамардашвили стал первым из неомарксистов, кто попытался хоть как-то реабилитировать термин «превращенная форма». «Реактуализации» этого термина во многом способствовали также работы А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. С точки зрения М.К. Мамардашвили, появление превращенных форм является следствием самой сложности каких-либо систем. По мере усложнения систем они порождаются в них с железной необходимостью. С этим согласна также и Р.Т. Зяблюк, по мнению которой: «Объективность видимости состоит в сложности любой системы».⁴⁷⁴

При этом М.К. Мамардашвили подчеркивал, что, являясь продуктом сложной системы, превращенные формы «...самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления...»⁴⁷⁵. Таким образом, тот факт, что товар является превращенной формой блага, а деньги - превращенной формой товара, еще не делает их, вопреки мнению М.К. Мамардашвили, какими-то «иррациональными выражениями». Как деньги, так и товар обладают также и вполне реальным онтологическим статусом.

⁴⁷³ Смит А. Исследование свойства и причин богатства народов. Т. 2. / Творение Адама Смита [Текст]. - Санктпетербург: Типография Государственной Медицинской Коллегии: [б. и.], 1803. - 354 с., 205-206.

⁴⁷⁴ Зяблюк Р.Т. Адекватность диалектического метода действительной экономике, С. 23-36. // Вопросы политической экономики. - 2016. - № 4. - С. 34-35.

⁴⁷⁵ Мамардашвили М.К. Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений, С. 243-262. // Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. - Санкт-Петербург: Азбука, 2011. - 288 с., С. 246.

Однако вновь появляющиеся превращенные формы «...не просто существуют рядом с действительными по собственным законам, но постоянно создают все новые, представляющие собой уже превращенные системы отношений обмена как следствие дальнейших превращений».⁴⁷⁶ И чем дольше длится эта цепочка превращений, тем меньше конечные экономические формы похожи на своих прародителей.

До некоторой степени «загадочность» превращенных форм возникает лишь потому, что каждая из них значима не только сама по себе, но и как часть породившего ее процесса. Вот почему, отрицая исторический характер превращенных форм, неоклассическая экономическая теория уничтожает и сами эти превращенные формы.

А между тем, онтологический статус товара как материальной вещи и электронных денег как вещи «виртуальной» явно отличаются. И если не проследить всю цепочку превращений и не редуцировать электронные деньги к их первоначальной сущности — товару, то очень трудно в простой комбинации цифр где-нибудь в банке различить их подлинную «товарную» материальность.

По мнению автора работы, концепт «превращенные формы» является эссенциалистским понятием. А с точки зрения эссенциализма, бабочка, например, во всех своих трансформациях — яйцо-гусеница-куколка-взрослая особь — всегда остается одной и той же сущностью. Вот почему к запутанным историческим превращениям экономических форм уместно применить, предложенный диссертантом «принцип эссенцификации».

В свое время неоклассическая экономическая теория отбросила стоимость с помощью принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости»).

---

⁴⁷⁶ Рыжков Д.Л. Превращение стоимости в системе общественного обмена как проявление социального неравенства, С. 157-163. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2013. - № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. - С. 158-159.

Однако парадокс заключается в том, что сама «бритва Оккама» - это лишь частный случай методологического «принципа эссенцификации», который распространяет действие «бритвы Оккама» с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность. Суть «принципа эссенцификации» состоит в проверке у каждой исследуемой социальной и экономической формы ее возможной исторической превращенности. А для уже превращенных форм — это исследование всей логической цепочки их сущностной преемственности.

Особенность превращенных форм состоит в том, что за счет сохранения памяти об исторической преемственности они помогают лучше понять экономические формы современности. В частности, В.П. Горев пишет о том, что знание превращенных форм «...имеет практическое значение для рыночных агентов. Это знание помогает им принимать эффективные решения в конкретной рыночной ситуации. Но этого знания недостаточно для анализа глубинных причинно-следственных связей капиталистической экономики. Только на основе этих видимых, эмпирически воспринимаемых, превращенных форм, нельзя понять сущность, содержание капиталистической экономической системы, законов ее функционирования. В конце концов, анализ окружающего мира только на эмпирическом уровне убеждает нас, что солнце вращается вокруг земли, а сама земля плоская».⁴⁷⁷

Иными словами, без функционирования превращенных форм стоимости нет логики, объясняющей современное экономическое развитие. Однако и само это обилие превращенных форм требует наведения порядка в их классификации. Рассмотрим, например, такую категорию как «человеческий капитал». Что это - метафора, симулякр или, действительно, отражение новой формы капитала? Узнать

⁴⁷⁷ Горев В.П. Политэкономия как теоретическая и методологическая основа общей экономической теории, С. 268-273. // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2015. - Т. 25. № 2. - С. 271.

это можно лишь определив генетическое тождество двух экономических форм: «капитала» и «человеческого капитала».

Часть исследователей считает, что перед нами две разные по содержанию категории. «Ведь капитал – имущество, приносящее доход, а человеческий капитал – не имущество».⁴⁷⁸ В авторитетном учебнике по экономической теории американских экономистов П. Самуэльсона и У. Нордхауса также говорится о том, что «капитал состоит из благ длительного пользования, созданных экономикой для производства других товаров»⁴⁷⁹. Именно, опираясь на ту точку зрения, что капитал — это имущество, приносящее доход, Н.В. Литвак и пришла к выводу, что «...концепции человеческого капитала, в частности американских авторов, представляют собой слабые в научном отношении теоретические построения, в основном эклектического типа с неразвитым категориальным аппаратом, по сути – близкие к журналистским эссе».⁴⁸⁰

Между тем, в экономической науке задолго до работ американских экономистов Г. Беккера и Теодора Шульца, получившего в 1979 году Нобелевскую премию по экономическим наукам за создание основ теории человеческого капитала, была представлена точка зрения, считавшая капиталом все, что приносит доход. Это значение термина «капитал» было отмечено еще в классическом словаре русского языка Владимира Ивановича Даля: «Капитал — денежное имущество, богатство в деньгах; наличные деньги, наличность /.../ Наличная стоимость, ценность всякого промыслового и другого заведения. /.../ Способности, знания и труд также могут

---

⁴⁷⁸ Проблемы оценки и измерения человеческого капитала в образовании и науке: коллективная монография. - М.; СПб.: Нестор-История, 2014. - 240 с., С. 8-9.

⁴⁷⁹ Самуэльсон П., Нордхаус У. Экономика. - М.: Издательство «Бином», Издательский торговый дом «КНОРУС», 1997. - 799 с., С. 784.

⁴⁸⁰ Литвак Н.В. Экономический и информационный подходы к определению «человеческий капитал», С. 138-139. // Вестник МГИМО-Университета. - 2013. - № 3. - С. 139.

называться *капиталом*, (выделено курсивом В.И. Далем — А.А.) как даже и самое здоровье или сила рабочего».⁴⁸¹

Как видим, принцип «эссенцификации» позволяет выяснить, что «капитал» и «человеческий капитал» - это не два разных понятия, а, по сути, две разновидности — общая и частная — одного и того же понятия. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, характеризуя человеческий капитал как «способности», «знания» и даже «здоровье», и Т. Шульц, и Г. Беккер в точности повторяют характеристики общего понятия «капитал», зафиксированные еще в словаре XIX века. А значит, фактически, «человеческий капитал» - это, действительно, исторически развитая или превращенная форма капитала.

Принцип эссенцификации, то есть сведения к единству внешне различных и даже кажущихся противоположными экономических форм оказывается полезным и при рассмотрении экономической онтологии известного венгерского неомарксиста Яноша Корнаи. Если неоклассические экономисты в своих исследованиях используют термин равновесие, занимающий важное место в ньютоновской физике, то для Я. Корнаи, считающего, что экономика ближе не к физике, а к эволюционной биологии с ее процессом естественного отбора, очевидно, что «На реальном рынке в функционировании механизмов реальной координации и распределения нет и не может быть равновесного состояния».⁴⁸²

Сквозная тема работ Я. Корнаи — это сравнение двух социально-экономических систем, которые он как исследователь хорошо знал на практике: социализма и капитализма. В результате многолетней теоретической и социологической работы, Я. Корнаи пришел к выводу, что «Экономика избытка —

⁴⁸¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Том второй. И - О. - С-Петербург; Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. - 807 с., С. 87.

⁴⁸² Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с., С. 183.

имманентное свойство капитализма».⁴⁸³ А «Экономика дефицита — имманентное свойство социализма».⁴⁸⁴

Однако к подобному выводу Я. Корнаи пришел, рассмотрев только «...сферу реальной экономики, оставляя за рамками подробный анализ *финансового сектора...*»⁴⁸⁵ Оправдывал он это тем, что «...задумал ограничиться небольшим объемом и не посвящать себя написанию труда, который охватывал бы все аспекты капиталистической системы».⁴⁸⁶

Однако, по сути, это оказалось уступкой феноменологической методологии, так как с эссенциалистской точки зрения, деньги — это превращенная форма товара и вследствие этого между ними имеется неразрывная связь. Если же учесть существенность этой связи, то, очевидно, что выводы Я. Корнаи нуждаются, как минимум, в дополнении. Необходимо признать, что имманентным свойством капитализма является «экономика избытка товаров при относительном дефиците денег», а имманентным свойством социализма - «экономика дефицита товаров при относительном избытке денег».

Влияние феноменологической методологии на теоретическую позицию Я. Корнаи приводит его к выводу о том, что «Экономика дефицита — это режим рынка, при котором явления дефицита носят всеобщий, хронический и интенсивный характер».⁴⁸⁷ А «Экономика избытка — это режим рынка, при котором явления избытка носят всеобщий, хронический и интенсивный характер».⁴⁸⁸ Но если и

⁴⁸³ Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с., С. 197.

⁴⁸⁴ Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с., С. 198.

⁴⁸⁵ Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с., С. 108.

⁴⁸⁶ Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с., С. 108.

⁴⁸⁷ Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с., С. 194.

⁴⁸⁸ Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с., С. 194-195.

капитализм, и социализм в изображении Я. Корнаи — это «режимы рынка», то, с точки зрения принципа эссенцификации, очевидно, что обе эти экономические формы оказываются разновидностями рыночного общества. А значит и «социализм», о котором пишет Я. Корнаи, на поверку оказывается обычным государственным капитализмом.

Разумеется, появление превращенных форм маскирует какие-то явления в экономике. Но это - объективно возникающая кажимость. Именно из-за превращенных форм, которые все ставят с ног на голову, с точки зрения К. Маркса: «...было бы неосуществимым и ошибочным трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития».⁴⁸⁹

Ж. Бодрийяр справедливо писал о том, что «Существуют ложные проблемы, которые нужно уметь обходить и радикальным образом переопределять».⁴⁹⁰ Но, к сожалению, он сам оказался внутри такой ложной проблемы. У К. Маркса потребительная стоимость, в самом деле, выпала из логики меновой стоимости. Однако опыт Ж. Бодрийяра показал, что «быть более логичным, чем сам Маркс, и, двигаясь в его собственном направлении, более радикальным», исследуя «полезность вещей», а не сами «полезные вещи» для того, чтобы открыть новую форму абстрактного труда, скрытого в материальных телах потребляемых вещей нельзя.

Зато его реальной заслугой следует признать то, что, используя эссенциалистскую методологию, и стремясь найти глубинные основания явлений,

⁴⁸⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, Ч. I. - М.: Издательство политической литературы, 1968. - 559 с., С. 44.

⁴⁹⁰ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 94.

он, в отличие от К. Маркса, рассмотрел отношения потребления как субъект-субъектные и, таким образом, как социальные и исторические.

Проанализировав эссенциалистскую методологию в экономической теории неомарксизма автор диссертационного исследования пришел к следующим выводам:

1. Плодотворность применения эссенциалистской методологии в исследованиях неомарксистов была доказана при анализе Ж. Бодрийяром субъект-субъектной сущности такого экономического отношения как «потребительная стоимость» и при попытке М.К. Мамардашвили, а также А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «реактуализировать» такой марксистский термин как «превращенная форма».

2. Опыт Ж. Бодрийяра показал, что «быть более логичным, чем сам Маркс, и, двигаясь в его собственном направлении, более радикальным», исследуя «полезность вещей», а не сами «полезные вещи» для того, чтобы открыть новую форму абстрактного труда, скрытого в материальных телах потребляемых вещей нельзя. Зато его реальной заслугой надо признать то, что, используя эссенциалистскую методологию, и стремясь найти глубинные основания явлений, он, в отличие от К. Маркса, рассмотрел отношения потребления как субъект-субъектные и, таким образом, как социальные и исторические.

3. Так как превращенные формы сложны для анализа, то, чтобы сделать его проще, автор работы предложил ввести методологический «принцип эссенцификации», который бы распространил действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность. Суть «принципа эссенцификации» состоит в проверке каждой исследуемой социальной и экономической формы на возможность ее исторической превращенности. А для уже превращенных форм — это исследование всей

логической цепочки их сущностной преемственности (по модели «яйцо-гусеница-куколка-бабочка»).

§ 3.3. Экономический субстантивизм как форма экономического эссенциализма

Уже субстантивизм К. Поланьи, опираясь на данные антропологии, руководствовался эссенциалистской методологией, стремясь в разных типах экономических систем - дарообменных, перераспределительных и рыночных, найти характерную для каждой из них сущность. Причем эту проблему осознавали и их противники по дискуссии — представители формализма. Один из них — английский экономист Дэвид Гудфеллоу ставил вопрос принципиальным образом: «Применим ли метод современной экономической теории в равной степени к тробрианцу и к лондонцу? крестьянину из Восточной Европы и китайскому аристократу?»⁴⁹¹ И сам же категорически отвечал на него: «Предположение, что может быть более одной экономической теории, абсурдно. Если современный экономический анализ с его инструментальными понятиями не может быть в равной степени применим и к австралийскому аборигену, и к лондонцу, не только экономическая теория, но социальная наука в целом могут быть в значительной степени дискредитированы».⁴⁹²

При этом сами формалисты были заранее уверены в том, что неоклассическая экономическая теория обладает универсальным методом, подходящим для всех типов экономик. И хотя, по факту, дискуссия между субстантивистами и формалистами закончилась вничью, поскольку каждая из сторон осталась при своем мнении, внешним образом все выглядело так, будто верх в ней взяли формалисты.

---

⁴⁹¹ Goodfellow D.M. Principles of economic sociology: the economics of primitive life as illustrated from the Bantu peoples of South and East Africa. - London: G. Routledge & sons, ltd., 1939. - 289 p., P. 3.

⁴⁹² Goodfellow D.M. Principles of economic sociology: the economics of primitive life as illustrated from the Bantu peoples of South and East Africa. - London: G. Routledge & sons, ltd., 1939. - 289 p., P. 3-4.

Ведь субстантивисты взялись утверждать, что позиция формалистов неверна, но доказать это так и не смогли.

Однако то, что, в конце концов, верх в дискуссии взяли формалисты, на взгляд автора работы, было обусловлено недостатками самого антропологического субстантивизма. Во-первых, классификацию трех упомянутых выше экономических систем К. Поланьи основал на выделении разных форм обмена. Тем самым, субстантивисты, фактически, признавали вечность обмена, что с самого начала и утверждали формалисты.

Во-вторых, у субстантивистов не было понимания того, каким образом в первобытном обществе относятся друг к другу социальное и экономическое. По факту, ими утверждались сразу три разных точки зрения: «...первая состояла в том, что в примитивном обществе родственные, религиозные, политические отношения одновременно являются и экономическими, вторая — в том, что экономические отношения в примитивном обществе производны от родственных, религиозных, политических, /.../ третья — в том, что родственные, религиозные, политические отношения, с одной стороны, экономические, с другой, по существу в примитивном обществе равноправны».⁴⁹³

В-третьих, К. Поланьи отрицал в развитии общества наличие каких-либо социально-экономических стадий наподобие общественно-экономических формаций К. Маркса. Он считал, что три типа выделенных им экономических отношений - дарообменные, перераспределительные и рыночные - представляют собой своего рода «идеальные типы», введенные в социальные науки М. Вебером, и, в разных комбинациях присущи всем типам экономик. А между тем, то, что экономическая жизнь не одинакова в разные исторические эпохи обнаружили уже первые попытки

---

⁴⁹³ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). Изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 126.

исследователей 80-х годов XIX века привести в систему обрывки сведений об экономике «примитивных» народов, которые были разбросаны в трудах миссионеров, этнографов и путешественников.⁴⁹⁴ К тому же наличие «престижной», то есть дарообменной, а не рыночной экономики, которую с помощью метода включенного наблюдения обнаружил польский социальный антрополог и этнограф Бронислав Малиновский, проводя в начале 1920-х годов XX века полевые исследования на островах Тробриан вблизи Новой Гвинеи, противоречило этому тезису.

Но поскольку открытия Б. Малиновского были сделаны им в рамках этнографической экспедиции, то и обсуждение результатов этих открытий, включая и сообщения о первобытной экономике, велось в основном в рамках этой науки и экономической антропологии. По словам У.Г. Николаевой: «...экономисты-теоретики (политэкономы) – как западные, так и российские в советский и пост-советский период – в большинстве своем стояли в стороне от решения этой задачи».⁴⁹⁵

Что же касается единственной монографии о первобытной экономике, вышедшей в Советском Союзе - «Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки»⁴⁹⁶, то, фактически, она представляла собой анализ первобытных производительных сил, а вовсе не социально-экономических отношений. По мнению Ю.И. Семенова, даже «...в постсоветский период нашей истории, несмотря на такое бесспорно положительное явление, как перевод на

---

⁴⁹⁴ См., например: Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. - М.: издание К.Т. Солдатенкова, 1883. - 508 с.

⁴⁹⁵ Николаева У.Г. Экономическая архаика в современных социально-экономических отношениях: социально-методологический анализ. // Ученые записки российского государственного социального университета. - 2005. - № 3 (47). - С. 91.

⁴⁹⁶ См.: Румянцев А.М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. - 328 с.

русский язык трудов ведущих западных экономических антропологов, в изучении экономики первобытного общества по существу ничего сделано не было».⁴⁹⁷

Исключение составляют работы самого Ю.И. Семенова⁴⁹⁸. В своих трудах он применил субстантивистский подход К. Поланьи в экономической науке, опираясь уже не только на данные этнографии и экономической антропологии, но и на положения экономической теории и социальной философии. Такой обновленный подход автор работы назвал «экономическим субстантивизмом».

В своей обобщающей работе «Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному)» Ю.И. Семенов с позиций экономического субстантивизма пытался не в очередной раз описать экономику первобытного общества, а исследовать ее сущностные основы. Ведь каждая наука, в том числе и та ее часть, что исследует первобытную экономику, в своем становлении, рано или поздно, должна перейти от внешнего описания к формулированию тех или иных внутренних закономерностей. Однако можно проверить, действительно ли Ю.И. Семенову удалось осуществить задуманное, обратившись к одной из нерешенных проблем социальной философии, а именно — каким образом в эпоху каменного века осуществлялось расширенное экономическое воспроизводство, если прибавочный продукт в то время еще не производился?

Дело в том, что отсутствие богатства в форме количества вещей во времена палеолита дало основание части исследователей считать, что прибавочный труд там вообще отсутствовал. Начало этому положил Ф. Энгельс, который про ранние стадии

---

⁴⁹⁷ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 141.

⁴⁹⁸ См.: Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. - М.: Издательство «Мысль», 1974. - 309 с.; Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. - М.: Мысль, 1989. - 318 с.; Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. Изд. 3-е, стереотип. - М.: ЛЕНАНД, 2019. - 376 с.

первобытного общества, в частности, писал следующее: «Рабочая сила человека на этой ступени не дает еще сколько-нибудь заметного избытка над расходами по ее содержанию».⁴⁹⁹ Однако, несмотря на свою «незаметность» прибавочный труд даже в самую раннюю первобытную эпоху должен был существовать. Ведь если бы первобытная экономика не обеспечивала расширенного воспроизводства, и в ней не возникало бы никакой общественной «прибавки», то обезьяны так бы до сих пор и не «вышли в люди».

Отметим, что в данном случае речь идет не о самых первых формах общественной прибавки, которые некогда возникли в первобытном стаде. Речь идет исключительно о времени палеолита, когда «сущностные силы» человека, выражаясь марксистским языком, уже отчетливо приняли форму «труда». На примере Ф. Энгельса мы видим, что у классиков марксизма нет ответа на вопрос о том, в какой социально-экономической форме прибавочный труд мог бы существовать в эпоху каменного века, если прибавочный продукт в то время еще не производился.

По понятным причинам не сделала этого и, во многом эпигонская, советская политэкономия. В частности, Ю.М. Рачинский утверждал, что «В течение длительного времени в процессе производства не создавалось избытка над жизненно необходимым количеством продуктов, т.е. не производился еще прибавочный продукт. А это значило, что не было еще деления рабочего времени на необходимое и прибавочное время, труд производителей не делился на необходимый и прибавочный».⁵⁰⁰

Почти то же самое позже повторил В.А. Тюшев: «Труд первобытного человека еще не мог создать прибавочного продукта, т. е. излишка средств к существованию

⁴⁹⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана, С. 23-178. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 745 с., С. 58.

⁵⁰⁰ Рачинский Ю.М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. - М.: изд-во МГУ, 1986. - 190 с., С. 69.

сверх их необходимого жизненного минимума».⁵⁰¹ А в постсоветское время к этому мнению присоединился и Ю.В. Павленко, по словам которого: «Раннепервобытное человечество верхнего палеолита еще не знало саморазвития как определенного поступательного процесса».⁵⁰²

При этом странным образом Ю.М. Рачинский, В.А. Тюшев и Ю.В. Павленко не обратили внимания на то, что если бы, как пишет Ю.В. Павленко, в «раннепервобытном человечестве верхнего палеолита» прибавочный труд не создавался, то всякое развитие общества попросту бы остановилось. Ведь в этом случае осуществлялось бы только простое, а не расширенное воспроизводство. Как следствие, человечество так бы и осталось жить в каменном веке. А без осознания того, что даже в каменном веке прибавочный труд каким-то образом должен был существовать, на взгляд автора работы, нельзя говорить и о создании какой-то теории первобытного общества.

Если же с этой точки зрения посмотреть на работы Ю.И. Семенова, то надо признать, что никаких объяснений наличия в каменном веке прибавочного труда мы у него не обнаружим. Ю.И. Семенов просто констатирует тот «несомненный факт», что «...у многих первобытных охотников и собирателей, начиная с какого-то момента, появляется немало свободного времени /.../. А это означает, что на каком-то этапе развития они оказались в состоянии регулярно производить избыточный продукт».⁵⁰³

Вот только, если бы в первобытном обществе времен палеолита, когда труд по изготовлению материальных продуктов представлял собой уже абсолютно

⁵⁰¹ Тюшев В.А. Глава 1. Основные черты и направление развития первобытно-общинного хозяйства, С. 12-19. // Экономическая история капиталистических стран. - М.: Высшая школа, 1985. - 304 с., С. 12

⁵⁰² Павленко Ю.В. Иерархические и сетевые структуры в общественно-экономической истории человечества, С. 13-35. // Экономическая теория. - 2007. - Том 4. № 1. - С. 19-20.

⁵⁰³ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 230.

преобладающую форму общественного хозяйства, он оказался «бесплодным», как выражались экономисты во времена Ф. Кенэ и А. Смита, то общество так бы и законсервировалось на уровне достижений каменного века. Оно бы просто не смогло достичь того, отмеченного Ю.И. Семеновым состояния, когда у первобытных индивидов возникло достаточное количество свободного времени для того, чтобы начать этот прибавочный продукт производить.

В отличие от антропологических субстантивистов Ю.И. Семенов многое сделал для изучения социально-экономических отношений первобытного общества, причем, придерживаясь как раз эссенциалистских позициях. Однако при этом его анализ так и не вышел за пределы классического марксизма. В частности, Ю.И. Семенов констатирует, что «Экономические отношения собственности, отношения распределения, обмена и перераспределения — единственные социально-экономические связи»⁵⁰⁴, наличествующие в первобытном обществе.

Как видим, говоря о социально-экономических отношениях первобытности, Ю.И. Семенов даже не упомянул среди них отношения потребления, так как, по его словам: «...потребление — процесс, подчиненный собственно производству, то есть момент производства, понимаемого в *более* (выделено Ю.И. Семеновым — А.А.) широком смысле».⁵⁰⁵ Однако на ранних стадиях первобытного общества производства не существовало вовсе, а были только потребление и дарообмен. И даже после появления производства в течение длительного времени оно экономически подчинялось потреблению в первобытном обществе, а не наоборот.

Уже Б. Малиновский выделял у меланезийцев с Тробрианских островов семь видов «даров, видов оплат и торговых сделок»: 1) дары в чистом виде; 2)

⁵⁰⁴ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 32.

⁵⁰⁵ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 230, С. 24.

установленные обычаем платежи, совершаемые нерегулярно и без соблюдения строгой эквивалентности; 3) плата за оказанные услуги; 4) дары, возвращаемые в экономически эквивалентной форме; 5) обмен материальных благ на привилегии, титулы и нематериальную собственность; 6) церемониальный товарообмен с отсроченным платежом; 7) обычная торговля в чистом виде.⁵⁰⁶

Американский антрополог Аннет Вайнер в книге «Неотчуждаемая собственность: парадокс одновременного владения и дарения» и вовсе оспаривает адекватность применения к первобытной экономике термина К. Поланьи «реципрокность» (то есть взаимность). По ее мнению, оно связано с привычной для стоимостного мышления идеей «ты — мне, я — тебе». Однако в первобытном обществе есть множество даров, в принципе не предполагающих никакого отдаривания.⁵⁰⁷ О том, что «...есть и другие виды транзакций, встречающиеся в каждом человеческом обществе, при которых объект X перемещается из А в В без встречного перемещения объекта из В в А»⁵⁰⁸, писал, в частности, и Р. Хант, который называл их «односторонними экономическими трансфертами».

Понятно, что за «обычной торговлей в чистом виде» стоят регулирующие их отношения стоимости. Но вот какие отношения регулируют «дары в чистом виде»? Ю.И. Семенов, ведущий анализ с позиций экономического субстантивизма, фактически, натывается на этот вопрос, когда пишет: «Важным в дарообмене был принцип не только взаимности, но и эквивалентности. Отдар должен был быть примерно равноценен дару».⁵⁰⁹ На это же обращал внимание и К. Поланьи

⁵⁰⁶ Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 552 с., С. 187-196.

⁵⁰⁷ See: Weiner A. Inalienable Possessions: Paradox of Keeping-while-Giving. - Berkeley: University of California Press, 1992. - 264 p., P. 28-30.

⁵⁰⁸ Hunt R. One-way Economic Transfer, P. 290-301. // A Handbook of Economic Anthropology. Edited by James G. Carrier. - Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. - 584 p., P. 291.

⁵⁰⁹ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 231.

«...действие эквивалентов ни в коем случае не ограничивается отношениями обмена».⁵¹⁰

Но в чем же могла бы выражаться эта эквивалентность? По сути, Ю.И. Семенов даже не заметил этот вопрос, так как, разделяя точку зрения марксизма, знал лишь один стоимостный способ регулирования экономических отношений. Вот почему, по мнению Ю.И. Семенова «...если нет денег, то тем самым отсутствует способ выразить все возможные варианты распределения ограниченных ресурсов между альтернативными целями человека в одних и тех же количественных единицах и тем сделать их сопоставимыми...»⁵¹¹ Но если примерная эквивалентность при дарообмене все равно соблюдалась, то это значит, что раннее первобытное общество каким-то образом умудрилось справиться с проблемой эквивалентности «даров в чистом виде».

Сам же Ю.И. Семенов отмечал, что «Вместе с дарообменом продукты труда наряду с потребительской ценностью приобрели новую, чисто социальную по своей природе ценность — дарообменную. Если раньше вещи можно было только потреблять, то теперь стало не только возможным, но и необходимым их дарить».⁵¹² Казалось бы, - вот же она общественная ценность продуктов труда, которая, скорее всего, и регулировала экономические отношения раннего первобытного общества.

Но нет. Ю.И. Семенов тут же возвращается в привычную для него колею классического марксизма: «...дарить вещи — значит распоряжаться ими. Появление дарообмена с необходимостью предполагало переход по крайней мере части

⁵¹⁰ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс, С. 47-81. // Поланьи К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с., С. 79.

⁵¹¹ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). Изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 114.

⁵¹² Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). Изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 232.

продуктов, являвшихся собственностью коллектива, не только в пользование, но и в распоряжение отдельных его членов».⁵¹³

Однако, на взгляд автора работы, предположение Ю.И. Семенова о наличии «собственности коллектива» в раннем первобытном обществе — это не только историческая, но даже логическая ошибка. Как минимум, это противоречит тому, что писал о собственности создатель формальной логики Аристотель: ««Собственность» нужно понимать в том же смысле, что и «часть». Часть же есть не только часть чего-либо другого, но она вообще немислима без этого другого. Это вполне приложимо и к собственности. Поэтому господин есть только господин раба...»⁵¹⁴

Другими словами, общественная и частная собственность - это взаимно предполагающие друг друга понятия. Если у «господина» (точнее здесь было бы перевести - «рабовладельца»), нет «рабов», то с логической (не с социальной, политической или какой-либо еще!) точки зрения и никаким «господином», то есть «рабовладельцем» он не является. В таком случае, логически не верным будет и применение самого термина «рабство».

То же самое нужно признать и в отношении собственности. Если нет (имплицитующей общественную) частной собственности, то значит нет и (в свою очередь имплицитующей частную) собственности общественной. А следовательно, логически неверным в данном случае будет и применение самого термина «собственность». Выходит, что Ю.И. Семенов, как, впрочем, и весь классический марксизм, вводя термин «общественная собственность» применительно к раннему первобытному обществу, фактически, делают это с помощью софизма.

⁵¹³ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). Изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 232.

⁵¹⁴ Аристотель. Политика. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 381-382.

Вот почему вывод Г.А. Завалько, сделанный им в рецензии на книгу Ю.И. Семенова «Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному)», что в ней «...впервые создана теория некапиталистической экономики. Причем не просто одной из экономик, а первой из всех – первобытной»⁵¹⁵, на взгляд автора работы, выглядит излишне комплементарным. Увы, влить новое вино фактов в старые марксистские меха у Ю.И. Семенова не получилось.

На взгляд автора работы, точнее о книге Ю.И. Семенова высказался в своей монографии С.Б. Крих: «...чем же отличается марксизм Семёнова от советского марксизма? Более ясно выражены гегельянские тенденции, наличествует несколько новых аргументов в пользу старых стереотипов, особую роль играет авторская терминология, которая должна решить все прочие проблемы теории. При этом учёный по сути отказывается от пересмотра фактов. Ничто не отвергнуто».⁵¹⁶ И автор работы согласен с тем, что основные положения классического марксизма Ю.И. Семеновым были сохранены.

Но, разумеется, когда автор работы говорит о том, что в первобытном обществе отсутствовала собственность не только частная, но и общественная, то дело здесь не только в логических противоречиях, а в том, что сами отношения собственности в данном случае трактуются не исторически. В неоклассической экономической теории понятие собственности в большинстве случаев рассматривают с помощью, введенного английским юристом Тони Оноре (Tony Honore) понятия «пучок прав собственности», состоящего из 11 пунктов. М.А. Маринова, в частности, передает их следующим образом: «Полный «пучок прав» собственности включает в себя

⁵¹⁵ Завалько Г.А. Рецензия на книгу «Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). - М.: УРСС, 2014.», С. 189-200. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 189.

⁵¹⁶ Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. - М.: КРАСАНД, 2013. - 320 с., С. 284.

одиннадцать элементов: владение; использование; управление; право на доход; право на «капитальную стоимость»; право на безопасность (иммунитет от экспроприации); право передачи по наследству; право на бессрочность владения (при условии, что это право легитимно); запрещение использования во вред для других; ответственность взыскания по долгам; право автоматического возвращения ресурса владельцу после истечения контракта»⁵¹⁷.

Однако у такого методологического подхода есть один недостаток. Отражая собственность как экономическое отношение современности, он ничего не говорит о том, в каком именно историческом порядке сложились те или иные черты этого сложного экономического явления. К тому же в пунктах М.А. Мариновой отсутствует самый важный признак отношений собственности. В римском праве этот оттенок экономического отношения отражался следующим образом: «*jus utendi et abutendi re sua*»⁵¹⁸ (то есть «право употребления и злоупотребления своими вещами»).

И есть все основания полагать, что этот важнейший признак собственности появился лишь во времена цивилизации. Таким образом, первобытные индивиды были еще просто пожизненными владельцами. Ведь первобытные экономические отношения были таковы, что в рамках племени всё на равных правах принадлежало всем. По этой причине права злоупотребления, вплоть до уничтожения вещей не было ни у кого, в том числе и у самого племени. Не случайно, анализируя процесс появления частной собственности, К. Маркс писал о том, что «Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами...»⁵¹⁹ И это объясняется тем, что именно в пунктах соприкосновения с чужими общинами племя получает, наконец, возможность выступить в роли

⁵¹⁷ Маринова М.А. Специфика изучения экономических отношений в рамках социологии, С. 53-65. // Вестник РУДН. Серия: Социология. - 2007. - №2. - С. 57.

⁵¹⁸ Бартошек, М. Римское право (понятия, термины, определения) / Милан Бартошек. Пер. с чешск. - М.: Юридическая литература, 1989. - 448 с., С. 157.

⁵¹⁹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 97.

исключительного, монопольного владельца, то есть собственника. Но обмен товаров и стоимость появляются в первобытном обществе лишь на довольно позднем этапе его развития...

Провести эссенциалистскую точку зрения при анализе первобытного общества значит, в первую очередь, найти, какие социально-экономические отношения там были первичными. С марксистской же точки зрения «экономический человек» - это человек производственный. В нем все порождено производством, в том числе и он сам. Но первобытная экономика начиналась не с производства, а с собирательства, то есть с потребления. Даже в эпоху палеолита, когда уже началось производство, отношения потребления еще долгое время оставались экономически определяющими.

К. Маркс писал о том, что «Работы отдельных лиц в одной и той же *отрасли труда* и различные виды труда различны не только *количественно*, но и *качественно*. «Что является предпосылкой всего лишь количественного различия вещей?» - спрашивал К. Маркс, и отвечал, - «Одинаковость их *качества*. Стало быть, количественное измерение работ предполагает однородность, одинаковость их *качества*». ⁵²⁰ (выделено курсивом К. Марксом – А.А.)

Однако в каменном веке свести все продукты труда к одному качеству было нереально. Только машина способна производить неотличимые друг от друга копии вещей. В каменном же веке наличествовал только один ручной труд. А сделать вручную точные копии вещей при всем желании невозможно. Вот почему в первобытном обществе могли существовать только разные по степени качества продукты труда.

При этом наблюдения этнографов доказывают, что приблизительная эквивалентность разнокачественных предметов потребления в дарообмене все равно

⁵²⁰ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, Ч. I. - М.: Издательство политической литературы, 1968. - 559 с., С. 117.

соблюдалась и в первобытном обществе. Значит, в роли регулятора дарообмена в первобытном обществе должен был выступать какой-то абстрактно-качественный, а не абстрактно-количественный труд. Причем, при помощи этого абстрактно-качественного труда сперва по степени качества сравнивались между собой сами предметы потребления, а не их полезность, как это предполагал Ж. Бодрийяр. Но вот критерием для определения этой степени качества предметов потребления была степень качества вложенного в них абстрактно-качественного труда.

Важно отметить, что путем сравнения, фактически, должна была измеряться степень качества лишь общественно-приемлемого, а вовсе не первого попавшегося труда. При этом абстрактно-качественный труд первобытного общества был также и универсальной, а не просто общественной мерой, так как способен был измерять степень качества продуктов всех возможных видов труда. Кажется, что такой труд невозможно себе даже представить. Однако вспомним, что в русском языке есть такое понятие как «топорная работа». И все носители русского языка понимают, что в данном случае речь идет не о работе, выполненной при помощи топора. А о степени качества работ вообще.

Когда-то степень качества труда, достигнутая при помощи топора, была эталонной (вспомним, хотя бы деревянный храм в Кижях, выполненный топором без единого гвоздя). В наши же дни выражение «топорная работа» звучит уже, как правило, иронически, поскольку обществом достигнута более высокая степень общественно-приемлемого качества.

Как видим, абстрактный труд первобытного общества был совсем не тем, о котором писал в «Капитале» К. Маркс. Но и не тем абстрактным трудом, который имел в виду Ж. Бодрийяр. Фактически, К. Маркс предвидел существование описанного выше абстрактного труда, когда говорил о том, что «...«стоимость» товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя

и в *другой форме*, во всех других исторических общественных формах, а именно *общественный характер труда*, поскольку последний существует как *затрата общественной рабочей силы* (выделено курсивом К. Марксом – А.А.). Если, таким образом, «стоимость» товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах, то это же относится к «общественной потребительной стоимости», поскольку она характеризует «потребительную стоимость» товара.⁵²¹

И так как абстрактно-качественный труд в каменном веке сперва измерял степень качества самих предметов потребления и лишь во вторую очередь, степень качества вложенного в них труда, то люди в то время могли измерять также и сравнительную ценность предметов потребления, найденных в природе, воспринимая их так, как будто они были изготовлены чьим-то конкретным трудом, хотя никакого человеческого труда в этих орудиях труда и предметах потребления не было и в помине.

А поскольку при помощи степеней качества абстрактно-качественный труд эпохи каменного века определял *сравнительную ценность* предметов потребления, постольку по справедливости и сам этот труд следовало бы назвать абстрактной *экономической ценностью*. И эта экономическая ценность первобытного общества являлась в то время такой же формой опосредованного измерения затрат общественного труда, какой является стоимость в наши дни. Просто в одном случае, речь шла об общественно-приемлемом качестве, а в другом — об общественно-признанном количестве труда.

Важно отметить, что при первобытном разделении труда, когда *в сравнении* (а не *в обмене*) противопоставлялись разные степени его качества, на первых порах, роль абстрактно общего выполнял уже сам род труда. Если марксистский анализ

⁵²¹ Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 19. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. - 670 с., С. 391.

труда времен цивилизации достиг только уровня сопоставления разных родов труда, поскольку, как писал К. Маркс, «Каждый отдельный товар /.../ имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода»⁵²², то эссенциалистский анализ труда времен каменного века позволил обнаружить различия не только в количестве, но и в качестве труда, в том числе и внутри каждого его рода.

В действительности любой труд и в любое время представляет собой и определенное качество, и определенное количество. Просто для того, чтобы получить возможность измерять количество каких-то родов труда, все они должны быть приведены к единому качеству. И наоборот. При этом определять как количество, так и качество труда можно как непосредственно, так и опосредованно. Проблема здесь состоит лишь в том, что нельзя одновременно определять их и непосредственным, и опосредованным образом. Если нам удастся свести к одному качеству все виды труда, то в таком случае опосредованно мы сможем измерять лишь количество труда, а непосредственно - его качество. Если же, наоборот, все виды труда свести к одному количеству, то в таком случае опосредованно удастся измерять лишь его качество, а непосредственно — количество.

Правда, на первый взгляд, кажется, что разные качества нельзя даже сравнивать, к примеру, круглое со сладким. Но так происходит лишь в том случае, когда приравниваются разные виды качеств. Зато вполне возможно сравнить круглое с круглым, а сладкое со сладким. Ведь здесь-то сравниваются степени уже одного и того же качества. Правда, по словам Аристотеля, «...не все качественно определенное допускает большую и меньшую степень»⁵²³. Круг, например, не может быть более или менее круглым. Зато белая вещь может быть еще белее.

⁵²² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 48.

⁵²³ Аристотель. Категории, С. 51-90. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. - М.: «Мысль», 1978. - 687 с., С. 78.

Главное же состоит в том, что подобное сведение труда в масштабах общества к единому качеству или, наоборот, к единому количеству представляет собой не какой-то абстрактный методический прием. Оно реально осуществлялось в истории человечества в разные ее периоды. В наши дни, например, мы непосредственно измеряем качество (а не количество) труда, обращая внимание на то, не является ли товар бракованным, не нарушена ли целостность товарной упаковки и так далее. Фактически, в этот момент мы проверяем, действительно ли данный товар по своему качеству является средним экземпляром труда своего рода. При этом количество общественно-признанного труда, при производстве вложенного в данный товар, мы определяем уже опосредованно с помощью его обмена на деньги.

В первобытном же обществе, наоборот, непосредственно измерялось количество труда. Зато опосредованно, то есть общественным путем с помощью сравнения определялось его качество. Те продукты, в которых абстрактно-качественного труда или экономической ценности вкладывалось больше, считались и более ценными по степени качества. Как отмечал, например, Б. Малиновский, в тробрианском обществе «...среди производимых предметов /.../ создает ценность вовсе не редкость в отношении их полезности, но и редкость в отношении человеческого мастерства, приложенного к обработке материала. /.../ ценится такая вещь, в которую ремесленник, нашедший особенно красивый или необычный материал, вынужден был вложить огромное количество труда».⁵²⁴

Причем, как отмечает К. Леви-Стросс это «огромное количество труда», вложенное в вещь ценится только в том случае, если оно производит действительно превосходную вещь (то есть превосходящую все остальные) по своей функциональности. Как пишет К. Леви-Стросс: «Образ жизни дикарей подвергает предметы строгому испытанию на прочность; чтобы не потерять авторитет у этих

⁵²⁴ Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 552 с., С. 183.

примитивных людей — хотя это и звучит парадоксально, — я выбирал изделия из стали самой лучшей закалки, стеклянные бусы, окрашенные во всей массе (К. Леви-Стросс здесь имеет ввиду, что те бусы, даже отверстия внутри которых не будут как следует прокрашены, у первобытных людей будут считаться некачественными — А.А.), и нитки, в которых не усомнился бы даже шорник английского королевского двора».⁵²⁵ То, что качество труда интересовало первобытных людей в первую очередь отмечали и многие другие исследователи.

Мы в данной работе рассматриваем количественный и качественный труд, но в современной экономической теории более привычными терминами являются простой и сложный труд. Качество труда в экономической теории остается в тени, поскольку «Опыт показывает, что /.../ сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его *стоимость* (выделено курсивом К. Марксом - А. А.) делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда».⁵²⁶ К проблеме качественного труда в экономической теории в нашей стране вернулись лишь с началом перестройки, во время критического переосмысления теоретического наследия марксистской политэкономии.

В частности, Е.Ф. Решетин, который большинству исследователей запомнился тем, что в полемике сравнил рабочую силу человека с лошадиной силой, отмечал, что «На какие бы коэффициенты сложности мы ни умножали рабочее время, труд не превратится в творчество, количество здесь не меняет качества, например, творение скульптора не есть «умноженный» труд каменотеса...»⁵²⁷ Однако дискуссия о качественном и количественном труде закончилась в годы перестройки, едва

⁵²⁵ Леви-Стросс К. Печальные тропики / Пер. с французского. - Львов: Инициатива; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. - 576 с., С. 317.

⁵²⁶ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 53.

⁵²⁷ Решетин Е. Ф. Тайна «раскрытой тайны», С. 81-95. // Свободная мысль. - 1994. - № 4. - С. 87.

начавшись, поскольку в скором времени на смену кафедрам политической экономии в вузах пришли кафедры economics.

Однако в рамках данной работы необходимо вернуться к вопросу о том, всегда ли в эпоху стоимости возможно сведение сложного труда к простому. Ведь даже Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» был вынужден признать, что «Стоимость, созданная часом труда двух работников, хотя бы одной и той же отрасли производства, всегда окажется различной, смотря по интенсивности труда и искусству работника...»⁵²⁸

Однако в марксистской теории и интенсивность труда, и искусность рабочего характеризуют конкретный труд, производящий потребительную стоимость, а не стоимость. Из-за этого различия К. Маркс даже использовал два разных термина: «Produktivtat» (производительность труда) и «Produktivkraft der Arbeit» (производительная сила труда). А поскольку, как пишет К. Маркс, «...производительная сила принадлежит конкретной полезной форме труда, то она, конечно, не может затрагивать труда, поскольку происходит отвлечение от его конкретной полезной формы. Следовательно, один и тот же труд в равные промежутки времени создает всегда равные по величине стоимости, как бы ни изменялась его производительная сила».⁵²⁹

Таковы конечные выводы марксистской теории, но, как признавал и сам Ф. Энгельс, практика обнаруживает совсем иное. А раз существует такое противоречие, то значит, сложный и качественный труд — это не одно и то же. Они принадлежат разным историческим эпохам. И то, какой опосредованной мерой — абстрактно-количественной или абстрактно-качественной люди пользуются в данный момент зависит не от их прихоти, а от воспроизводственных отношений, которые люди застали при своем рождении.

⁵²⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом, С. 1-338. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. - 827 с., С. 206-207.

⁵²⁹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 55.

Материальные продукты труда в зависимости от того, о какой исторической эпохе идет речь могут быть как просто «вещами», так и «товарами», то есть вещами, предназначенными для обмена. При этом внешним образом отличить товар от вещи, практически, невозможно. Ведь, представляя собой «...вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы»⁵³⁰ товар с вещью ничем друг от друга не отличаются. Разница между ними состоит только в том, что в одну историческую эпоху, в зависимости от условий общественного воспроизводства, в потребляемых вещах проявлялся абстрактно-качественный труд или ценность, а в другую и более позднюю историческую эпоху — абстрактно-количественный труд или стоимость.

При этом как «...стоимость товара проявляется только в потребительной стоимости другого товара и ни в чем ином»⁵³¹, так и ценность вещи проявляется лишь в утилитарной ценности другой вещи. Просто потребительная стоимость в сравнении с потребительной стоимостью (а потом и с деньгами) фигурирует как определенное количество стоимостного труда, а утилитарная ценность в сравнении с другой утилитарной ценностью — как определенная степень качества стоимостного труда.

К. Маркс считал, что «Как потребительные стоимости, товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия...»⁵³² Но точно так же и вещи как утилитарные ценности «различаются прежде всего качественно». А как сравнительные ценности вещи также «могут иметь лишь количественные различия». Вся разница только в том, что

⁵³⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 192.

⁵³¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Трудовая теория стоимости: проблемы адекватной трактовки и реактуализации, С. 94-105. // Вестник Московского ун-та. Серия 6. Экономика. - 2010. - № 1. - С. 102.

⁵³² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы. 1960. - 907 с., С. 46.

количественные различия между вещами, а не товарами выражаются в степенях качества.

Между тем, не только на Западе, но и у нас в стране до сих пор господствует представление о том, что экономическими отношениями могут быть только рыночно-стоимостные отношения, а отношения ценности надо искать где-то в сфере культуры. В частности, в одном из известных российских учебников по экономической теории можно прочесть, что экономика: «...появляется там и тогда, где и когда производство регулируется механизмами, которые основаны на ценовых сигналах, то есть на колебаниях рыночных цен, динамике прибылей и убытков и т.д. Все это – атрибуты рыночного хозяйства. Следовательно, строго говоря, экономика – это синоним не слова «производство», а синоним понятия «рыночное хозяйство».⁵³³ Однако, говоря еще строже, экономика не сводима не только к рыночному хозяйству, но даже и к самому общественному производству.

М.С. Атлас и К.Н. Лебедев также считают, что «Стоимостная оценка является сущностной стороной экономического движения, поскольку только на ее основе человек может сопоставлять различные варианты трудовых движений. /.../ Стоимостная оценка существует до всякого обмена, а сам обмен выступает лишь как человеческое изобретение, позволяющее революционизировать процесс экономии».⁵³⁴

Однако наблюдения над первобытной экономикой свидетельствуют о том, что «сопоставлять различные варианты трудовых движений» можно и без стоимостной оценки. Экономические антропологи обнаружили, что в первобытном обществе все вещи «...ранжируются общим консенсусом мнений в иерархии, так что обладание одним считается во всех обычных ситуациях более желательным, чем обладание

⁵³³ Курс экономической теории / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. - Киров: АСА, 2009. - 743 с., С. 48-49.

⁵³⁴ Атлас М.С., Лебедев К.Н. О теоретических основах экономической науки, С. 49-60. // Вестник финансовой академии. - 2001. - № 1. - С. 58.

другим. Для экономиста это можно просто рассматривать как шкалу сравнительной полезности: вещи имеют разную «ценность в использовании»; предпочтения, показанные для одних по сравнению с другими, выражают их различную способность удовлетворять желания...»⁵³⁵ По мнению автора работы, не с феноменологической, а с эссенциалистской точки зрения, эта «шкала сравнительной полезности» образуется в первобытном обществе лишь потому, что в сравнении вещи там обладают разными степенями качества для потребителей.

Как поясняет Р. Ферт: «В сообществе, где реальный обмен предметов друг на друга может никогда не произойти, идея воображаемой замены или теоретического обмена все же может позволить нам построить шкалу того, что можно было бы назвать «экономическими ценностями». /.../ Товары соотносятся друг с другом посредством процесса молчаливого сравнения, в котором мера определяется возможностью замены, а не фактической передачей друг другу».⁵³⁶

Особенность теоретической позиции Р. Ферта состоит в том, что, с одной стороны, он хорошо знал реалии первобытной жизни, поскольку в 1928-1929 годах 12 месяцев провел на одном из Меланезийских островов — Тикопии. С другой стороны, во взглядах на первобытную экономику Р. Ферт придерживался феноменологической формалистской позиции, вследствие чего был убежден, что обмен и стремление индивидов к прибыли существовали в истории всегда. Вот почему у него и получается, что хотя реального обмена в первобытных условиях Тикопии не существует, все же привычной всего объяснить там реально увиденное с помощью «воображаемой замены или теоретического обмена».

На самом же деле, по свидетельству Р. Ферта, это вещи (а не «товары», которые в первобытном обществе появиться еще не могли) в качестве «экономических

⁵³⁵ Firth R. Primitive polynesian Economy. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p., P. 336.

⁵³⁶ Firth R. Primitive polynesian Economy. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p., P. 337.

ценностей» «соотносятся друг с другом посредством процесса молчаливого сравнения». Таким образом, вопреки М.С. Атласу и К.Н. Лебедеву, именно *сравнение степеней качества вещей, — вот чем был реальный общественный процесс, регулирующий первобытный обмен дарами.*

Но «молчаливое сравнение» ценностей, а не стоимостей, поскольку оно представляет собой сравнение степеней качества труда было еще математикой неравенств, а не уравнений. Значит, и практика постоянного сравнения неравных по степени качества ценностей должна была сделать глаз первобытного потребителя таким же зорким на отличия как у современного оценщика драгоценных камней. Фактически, он пользовался совсем другим типом социальной онтологии, чем мы. Условно ее можно было бы назвать «качественной» онтологией.

В виде предпосылки нашего мышления этот тип онтологии заранее предполагает, что о каких бы объектах не шла речь, все они представляют собой разные степени проявления сущности. К примеру, есть атомарный кислород - O, есть обычный O₂ и есть озон с формулой O₃. Все они представляют собой степени сущности «кислород». Если мы, например, вспомним, что в природе есть уран-235 и уран-238, то это значит, что они представляют собой степени сущности «уран», которая таким образом существует рядом с реальными изотопами урана как их «эйдос», выражаясь терминами Платона.

Привычный же нам тип онтологии, который условно можно было бы назвать «количественным», рассматривает объекты, сущность которых, если так можно выразиться, всегда однокачественна и заключена в самих объектах как их «форма», выражаясь терминами Аристотеля. Поэтому стол для нас — это сам стол, а не некая степень сущности «стол».

И там, где встречаются ценность и стоимость, - там встречаются и две этих формы онтологии — логика неравенств и логика уравнений. Из-за того, что на

практике мы пользуемся как предпосылками мышления двумя этими онтологиями возможны разного рода логические казусы и недоразумения. К примеру, известное выражение Г.В. Плеханова: есть «революция» и «революция» кажется логически бессмысленным только в том случае, если мы бессознательно предполагаем, что у революции нет и не может быть никаких степеней.

Рациональному потребителю, живущему в условиях экономического господства ценности каждый день приходилось решать в уме тысячи неравенств при сравнении вещей в дарообмене. Впрочем, как и людям нашего времени - тысячи уравнений при обмене. И для того, чтобы не ошибиться, поскольку точных весов в виде денег тогда еще не было, - каждый старался дать другому чуть-чуть больше, чем было получено. А этот путь со временем неизбежно должен был привести к потлачу. То есть к дарению заведомо превышающему возможности отдара.

Принцип «do ut des» (даю, чтобы и ты дал) со временем как промежуточная ступень начал действовать уже в обществе дарообмена. И, если во время потлача ты получал нечто такое, что не мог отдать никаким образом, - значит ты попадал в зависимое отношение от того, кто дал. А если дары были и вовсе чрезмерными, то у тебя и вовсе были все шансы стать «должником» пожизненным. Ведь, если по железным обычаям первобытного общества эквивалент возместить ты обязан, то тебе придется всю жизнь отдавать его услугами, если уж совсем нечем. Именно так, как показывают наблюдения этнографов, и возвышались вожди и «бигмены» в первобытном обществе.⁵³⁷

Но от чего зависит то, какая именно мера абстрактного труда — количественная или качественная - должна применяться к его продуктам в ту или иную эпоху? Ответ на этот вопрос дала сама история. То, какой опосредованной общественной мерой мы сможем пользоваться в данный исторический момент

⁵³⁷ See: Strathern A. The Rope of Moka. Big-men and Ceremonial Exchange in Mount Hagen New Guinea. - Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore: Cambridge University Press, 1971. - 256 p.

зависит не от нашей прихоти, а от воспроизводственных отношений, которые мы застали при своем рождении. И с этим согласны не только представители марксизма. Как пишет, например, П.Т. Маникас: «У акторов всегда есть выбор, но они не выбирают, кто они, и альтернативы, которые перед ними»⁵³⁸. По этой причине до тех пор, пока в обществе экономически господствовал ручной труд, продукты которого практически всегда неодинаковы по степени качества, - качество предметов потребления могло опосредованно измеряться лишь с помощью абстрактно-качественного труда или экономической ценностью.

Соответственно этому и прибавочный труд в каменном веке мог существовать не в виде количества прибавочной стоимости, к тому же еще в такой ее ясной и прозрачной форме как «прибавочный продукт», а в социально-экономической форме *прибавочной ценности* с ее постепенным повышением степени качества общественно-приемлемого труда и изготавливаемых им продуктов. Разница между рубилами шелльского и ашелльского периодов истории каменного века доказывает это самым наглядным образом. У более позднего по времени ашелльского рубила его верхняя часть или «пяточка» даже полировалась первобытными людьми, чтобы смягчить отдачу при ударе, и не повредить ладонь.

По всей видимости исторически время абстрактно-качественного труда или экономической ценности — это эпоха собирательства и охоты. Но с появлением земледелия его продукты в виде отдельных зернышек по степени качества уже, практически, невозможно было отличить друг от друга. Их можно было измерять лишь количественно. По этой причине именно они лучше всего подходили для организации хозяйственного учета. На это, между прочим, обратил внимание также и американский антрополог Джеймс Скотт: «Я полагаю, что только злаки подходят для

---

⁵³⁸ Маникас П.Т. Критический реализм и социальная теория, С. 3-14. // Социологические исследования. - 2009. - № 11 (307). - С. 6.

концентрации производства, налоговых расчетов, присвоения, кадастровой оценки, хранения и нормирования».⁵³⁹

Неудивительно, что итогом возникновения земледелия стала смена экономически господствующей меры общественной полезности труда. Уравнения, характерные для стоимости пришли на смену неравенствам, характерным для ценности. А сама экономическая ценность естественно-историческим путем превратилась в стоимость. Таким путем, с появлением одинакового качества продуктов труда, которое обеспечило земледелие, появляются обмен, деньги и все то, что мы привыкли связывать с понятием «цивилизация». Но окончательно отношения стоимости вытеснили отношения ценности из экономики и утвердились в обществе лишь в начале XIX века, когда машины стали производить с помощью самих машин.

Конечно, внешним образом, экономическая ценность - мера более примитивная, чем стоимость, поскольку, выражая качество продуктов труда, она вынуждена довольствоваться такими неточными оценками как «хуже-лучше» или «больше-меньше». Однако не стоит забывать, что как уравнения являются частным случаем неравенств, - такими неравенствами, обе сравниваемые части которых равны, так и сегодняшняя стоимость является лишь частным случаем более древнего экономического отношения - ценности.

Но каким же образом экономическая система, основанная на отношениях ценности и сравнении вещей могла бы превратиться в экономическую систему, основанную на отношениях стоимости и обмене товаров? Что превращает вещь в товар? И при ответе на этот вопрос приходится признать, что проблема появления стоимости и товаров у К. Маркса освещена не столь ясно, как это обычно себе представляют. С одной стороны, К. Маркс признавал, что «Разделение труда

---

⁵³⁹ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / Джеймс Скотт; перевод с английского Ирины Троцук. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. - 328 с., С. 40.

превращает продукт труда в товар...»⁵⁴⁰ С другой стороны, по его свидетельству, «В древнеиндийской общине труд общественно разделен, но продукты его не становятся товарами».⁵⁴¹

В конце концов, К. Маркс пришел к выводу, что «...вещи *A* и *B* (курсивом выделено К. Марксом — А.А.) до обмена не являются товарами, товарами они становятся лишь благодаря обмену».⁵⁴² Таким образом, выходит, что в начале товарного обращения продукты просто изымались из природы и доставлялись на рынок. А значит, именно рынок, а не фабрика был местом подлинного производства потребительных стоимостей. До обмена продукты природы не имели вообще никакой формы стоимости — ни потребительной, ни меновой. Потребительной и меновой стоимостью их делал обмен. Следовательно, природа стоимости и есть обмениваемость. *А сама стоимость в историческом плане представляет собой ценность, опосредованную обменом.*

Собственно, и сам К. Маркс пишет об этом в работе «Форма стоимости», представляющей собой более подробное изложение первой главы «Капитала» («Товар и деньги»): «...продукт частного труда имеет общественную форму лишь постольку, поскольку он имеет стоимостную форму, а, следовательно, и форму обмениваемости на другие продукты труда. Непосредственно общественную форму он имеет в том случае, когда его собственная телесная, или натуральная, форма есть в то же время форма его обмениваемости на другой товар или когда он имеет значение стоимостной формы для другого товара».⁵⁴³

⁵⁴⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 118.

⁵⁴¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 50-51.

⁵⁴² Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960. - 907 с., С. 97.

⁵⁴³ Маркс К. Форма стоимости, С. 137-164. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 49. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - 555 с., С. 148.

В наши дни обмениваемость чаще всего называют ликвидностью. Но суть дела от этого не меняется. Если товары без всякой зависимости от их физической природы могут обмениваться друг на друга, значит все они без исключения обладают каким-то единым свойством, играющим роль *tertium comparationis* (третьего для сравнения). И этим единым для них как раз и является стоимость. Таким образом полученная стоимость уже не нуждается в некой субстанции в качестве подпорки. А значит и труд как субстанция стоимости здесь просто ни при чём.

К примеру, шел человек по лесу, нашел ветку, похожую на рога оленя и поместил ее на выставку-продажу. Допустим дальше, что ветку эту купили. Спрашивается, что здесь является субстанцией стоимости? Труд по доставке ветки до выставки? Форму стоимости ветке придает не вложенный в нее общественно-необходимый или какой-то иной вид труда, а ее реальный обмен на деньги.

Следовательно, неоклассическая экономическая теория при помощи «бритвы Оккама» «освободившая» экономическую теорию от стоимости и ее субстанции - труда как лишних сущностей, сделала это не вполне корректно. Лишней сущностью здесь оказывается только труд. Представители неоклассической экономической теории были бы правы лишь в том случае, если бы можно было отделить стоимость от обмена. И хотя у некоторых товаров, действительно, нет стоимости, а есть только цена, и кажется, что стоимость можно отделить от обмена. Это — не более, чем иллюзия, поскольку цена является формой стоимости.

При этом и сам обмен не смог бы даже начаться без появления частной собственности. Доказательством этого служит хотя бы появление термина «недобросовестный приобретатель» недвижимости, вся вина которого заключается лишь в том, что он приобрел ее у мошенника, а не у реального частного собственника, вследствие чего обмен признается несостоявшимся. Следовательно, прежде чем дать ответ на вопрос, каким образом ценностная экономика стала

стоимостной, необходимо ответить на другой вопрос, - каким образом в первобытном обществе, где все вещи на равных принадлежат всем, могли бы возникнуть, по сути своей монопольные, отношения частной собственности?

Ответ К. Маркса на этот вопрос известен. В «Критике Готской программы», написанной уже после «Капитала», К. Маркс отмечал следующее: «Поскольку человек заранее относится к природе, этому первоисточнику всех средств и предметов труда, как собственник, обращается с ней как с принадлежащей ему вещью, постольку его труд становится источником потребительных стоимостей, а, следовательно, и богатства».⁵⁴⁴

Но подобная точка зрения противоречит не только истории, но также и логике, в том числе диалектической. В терминологическом, а не в метафорическом смысле нельзя стать собственником до появления самой собственности. И диалектик Г.В.Ф. Гегель в таких случаях использовал формулу «в себе». Вот и К. Марксу здесь следовало бы сказать, что к природе человек заранее относится как «собственник в себе». А это не то же самое, что и реальный собственник. К примеру, желудь является «дубом в себе». Но мы же не путаем его с реальным дубом. У К. Маркса же, вопреки его приверженности историческому материализму, собственность фигурирует как вечная категория экономики. И именно это положение, к сожалению, сохранил в своей книге Ю.И. Семенов.

Но если, по нашему предположению, в раннем первобытном обществе экономически господствовали отношения ценности, то и частную собственность должны были порождать именно они. И на взгляд автора работы, переход от эпохи ценности к эпохе стоимости, скорей всего, осуществлялся следующим образом. В каменном веке ценность вещей измерялась степенью качества, проявленного в них общественно-приемлемого труда.

⁵⁴⁴ Маркс К. Критика Готской программы (Замечания к программе Германской рабочей партии), С. 13-32. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. - М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. - 670 с., С. 13.

Первоначально качество общественно-приемлемого труда в каменном веке было невелико, как в этом легко убедиться, взирая на форму первых ископаемых каменных орудий. Поэтому мы едва ли ошибемся, если решим, что первые орудия труда и предметы потребления умели делать все взрослые члены общества. Во всяком случае, в параллельно живущих с нами в отдаленных уголках планеты первобытных племенах все взрослые женщины умеют делать все виды «женских» работ, а все взрослые мужчины — все виды «мужских».

Но, как показывают археологические находки, степень качества каменных орудий труда и предметов потребления постепенно росла. По этой причине, в конце концов, из среды производителей, которыми первоначально были все члены общества, стихийно должны были выделяться своего рода «умельцы», которым со временем стало не просто общественно целесообразно, но даже и жизненно необходимо доверять изготовление орудий труда и предметов потребления для всех членов общества. К примеру, в современной деревне все взрослые мужчины способны выполнять обычный перечень работ с топором. Однако в случаях, когда работы превышают общественно-приемлемый уровень нормального качества «топорных» работ, в частности, когда нужно «поднять» заваливающийся от времени дом, то обращаются либо к местным «умельцам», либо к профессиональным строителям. Понятно, что в каменном веке еще не могло быть профессионалов в нашем понимании этого слова. Однако позднее на смену «умельцам» в первобытном обществе пришли самые настоящие «специалисты», в ряду которых в истории мы встретим и вождей, и шаманов, и кузнецов.

Процесс совершенствования материальных продуктов труда носил противоречивый характер. С одной стороны, чем проще, функциональней, и легче они становились, тем большее количество членов общества могли ими пользоваться. С другой стороны, чем сложнее становились материальные продукты труда, тем

больше требований они предъявляли и к тем, кто ими обычно пользуется. В конце концов, этот процесс разделил материальные продукты труда на предметы потребления и орудия труда. Предметы потребления со временем становились все универсальней и доступней, а орудия труда — все сложнее и специализированней.

Рано или поздно, усложняющийся труд по изготовлению орудий труда должен был произвести селекцию людей по способностям и привести к разделению труда. До появления разделения труда в силу первоначально низкой степени качества общественно-приемлемого труда, по всей видимости, все взрослые члены общества умели делать все известные на тот момент орудия труда, и, соответственно, пользоваться ими. Однако с повышением общественно-приемлемой сложности труда, и развивающегося вследствие этого его общественного разделения круг реальных изготовителей орудий труда должен был все время сужаться.

Параллельно с этим, хотя, по всей видимости, и не такими быстрыми темпами, должен был сужаться и круг тех, кто на общественно-приемлемом уровне качества мог пользоваться все более совершенными орудиями труда и предметами потребления. Это значит, что уже в пределах первобытного общества был запущен процесс отчуждения наиболее сложных в изготовлении и использовании орудий труда и предметов потребления от большинства общества.

Правда, это отчуждение носило еще функционально-технический, а не социально-экономический характер как у К. Маркса. Ведь в первобытном обществе и сложные и простые предметы потребления, а также орудия труда и их продукты на равных принадлежали всем. Однако со временем самые сложные из орудий труда и предметов потребления функциональным образом стали играть роль пианино в сельском клубе. Формально, оно принадлежит всем, но, фактически, пользоваться им по назначению, то есть играть на нем, может уже только часть общества.

Рано или поздно, интересы общества должны были потребовать, чтобы «умельцы» как реальные потребители специализированных орудий труда, достигшие наивысшего из возможных на тот момент времени уровня качества производимых продуктов труда и предметов потребления, - стали изготавливать их уже монопольно. Ведь от этого в качестве потребителей выигрывали все члены общества. И хотя эта монополия носила еще функционально-технический характер, сама по себе она могла стать важнейшей предпосылкой для появления обмена и стоимости.

Во всяком случае, когда процесс обмена товаров возник в местах соприкосновения первобытных общин, - там, где они получили возможность выступать в роли монополистов уже в социально-экономическом измерении, то, разумеется, новым отношениям было легче проникнуть внутрь первобытной общины, где все принадлежит всем, если там уже имелась своя монополия, хотя бы и носящая функционально-технический характер. Под действием этих двух монополий — функционально-технической и социально-экономической обмен дарами внутри общины, который уже задолго до этого начал требовать не переменного и эквивалентного отдара, со временем мог стать и реальным частно-собственническим обменом.

К счастью для науки первобытное общество на земле было не где-то и когда-то. Оно и сейчас еще, пускай и в угасающем виде, присутствует в отдаленных уголках планеты. Неудивительно, что на тот факт, что за ценностью и стоимостью скрываются разные экономические системы, обратил внимание еще А. Смит. По его словам: «Бедные обитатели Кубы и Сан-Доминго /.../ имели обыкновение носить маленькие куски золота, как украшения, в своих волосах и на других частях своего одеяния. Они, по-видимому, ценили их приблизительно так, как ценили бы мы любую безделушку, выделяющуюся своею красотою, и признавали их годными для

украшения /.../ По первой просьбе они отдавали их своим новым гостям, нисколько, по-видимому, не предполагая, что дают им весьма ценный подарок».⁵⁴⁵

Конечно, здесь можно возразить, что А. Смит опирался на вторичные источники, и мог слегка преувеличивать факты. Но то же самое пишет, например, и сам Христофор Колумб: «Я запретил давать им (индейцам — А.А.) такие бесполезные вещи, как осколки битой посуды или стекла, или [металлические] наконечники от агухет (пояс-ремешок с бронзовыми или медными наконечниками — А.А.), хотя, если им и удавалось получать эти вещи, они казались им наилучшими драгоценностями на свете».⁵⁴⁶

Как видим, один и тот же кусок золота, да и любая другая вещь, представителями ценностной и стоимостной экономик оценивался по-разному. Одни смотрели на него с точки зрения его общественной ценности и степени качества (как на вещь, служащую украшением). Другие - с точки зрения стоимости и количества товаров, на которые его впоследствии можно будет обменять.

В наши дни ценность представляет собой экономически уже подчиненное отношение. Но это как раз тот случай, о котором писал К. Маркс: «...простые категории суть выражения таких отношений, в которых менее развитая конкретность могла найти себе реализацию еще до установления более многостороннего отношения, мысленно выраженного в более конкретной категории, - в то время как более развитая конкретность сохраняет более простую категорию как подчиненное отношение».⁵⁴⁷

Разумеется, предположение об экономическом господстве в каменном веке абстрактно-качественного труда или отношений экономической ценности, а не

⁵⁴⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 142.

⁵⁴⁶ Колумб Х. Путешествия Христофора Колумба (Дневники. Письма. Документы). - М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. - 526 с., С. 66.

⁵⁴⁷ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, Ч. I. - М.: Издательство политической литературы, 1968. - 559 с., С. 39.

стоимости, допускающее наличие прибавочного труда также и в виде его прибавочного качества, - это всего лишь абдуктивный вывод из эссенциалистского анализа первобытного общества. Это — всего лишь попытка открыть новые методологические возможности в экономической теории, связанные с применением эссенциалистской методологии для решения имеющихся в ней дискуссионных проблем.

Причем подобное предположение не ставит под сомнение и наличие в экономике рационального homo oeconomicus. Просто в эпоху каменного века его интересовало не количество прибавочного труда и его продуктов, поскольку их еще не было, а качество того и другого. Помимо этого признание существования в раннем первобытном обществе экономической ценности могло бы рассеять ту иллюзию, что до появления стоимости индивиды руководствовались в своих действиях какими-то идеальными, а не материальными мотивами. Это, конечно, не так. Ведь специалисты давно уже обратили внимание на то, что в первобытном обществе «...экономическими по содержанию не просто изредка, а систематически выступают действия, внешне представляющие как чисто культурные, ритуальные, религиозные, моральные. Раскрыть это экономическое содержание, экономическое по сути измерение социокультурной по видимости практики, — одна из центральных методологических задач, стоящих как перед экономической наукой, так и перед социологией».⁵⁴⁸

При этом очевидно, что признание абстрактно-качественного труда или экономической ценности в первобытном обществе является всего лишь гипотезой, доказательство или опровержение которой требует отдельного объемного исследования, и которое, по-видимому, по силам лишь в целом научному сообществу

---

⁵⁴⁸ Николаева У.Г. Экономическая архаика в современных социально-экономических отношениях: социально-методологический анализ. // Ученые записки российского государственного социального университета. - 2005. - № 3 (47). - С. 90.

философов и экономистов, а потому и выходит за рамки настоящего исследования. Данная работа лишь иллюстрирует эвристические возможности эссенциалистской методологии, которая с помощью абдукции способна предложить научные гипотезы, которые при их тщательной проверке могут оказаться вполне плодотворными.

Рассмотрев экономический субстантивизм как форму экономического эссенциализма автор работы пришел к следующим выводам:

1. Эссенциалистская методология экономического субстантивизма на примере обсуждения дискуссионного вопроса о том, «каким образом в эпоху каменного века осуществлялось расширенное экономическое воспроизводство, если прибавочный продукт в то время еще не производился?», с помощью абдукции доказала свои эвристические возможности и способность предлагать научные гипотезы, которые при их тщательной проверке могут оказаться вполне плодотворными.

2. Эссенциалистская методология экономического субстантивизма позволила обнаружить, что в условиях палеолита ценность как абстрактно-качественный труд проявляла себя уже не только как аксиологическая, но также и как социально-экономическая и онтологическая категория. Так что в экономических условиях палеолита рациональный homo oeconomicus устремлялся в погоню не за количеством прибавочного труда в форме прибавочных продуктов, поскольку их еще не было, а за их качеством.

3. Оппозиция «простой труд - сложный труд» и оппозиция «качественный труд - количественный труд» — это не одно и то же. Они относятся к разным историческим эпохам. В условиях каменного века экономически господствующей формой измерения общественной полезности труда выступала ценность или абстрактно-качественный труд. В современную эпоху экономически господствующей формой измерения общественной полезности труда выступает уже стоимость или абстрактно-количественный труд. Однако экономическая ценность как форма

измерения общественной полезности труда, хоть и носит теперь экономически подчиненный характер, однако полностью не исчезла и в наши дни. Абстрактно-качественный труд лишь приобрел превращенную форму «сложного» труда.

§ 3.4. Моральная экономика как форма экономического эссенциализма

«Моральная» или «нравственная» экономика в последние годы стала одним из заметных разделов экономической науки. Сам термин «моральная экономика» (*moral economy*) был предложен английским историком Эдвардом Томпсоном⁵⁴⁹, который с его помощью выразил представления об экономической справедливости низших слоев английского общества XVIII века. Прежде всего, тот факт, что они никак не могли смириться с тем, что пришла эпоха свободного рынка, и цены на продовольствие отныне никто ограничивать не будет.

Однако научное признание концепция моральной экономики получила благодаря трудам американского экономиста, антрополога и политолога Джеймса Скотта. В 1970-1980-х годах XX века он изучал эволюцию крестьянских хозяйств ряда стран Юго-Восточной Азии. И с удивлением обнаружил, что азиатские крестьяне стремились к тем же самым идеалам, что и английский плебс XVIII века. Главным для них, по мнению Дж. Скотта, было «...требование «права на выживание» — требование, которое все больше осознавалось по мере того, как само право на выживание оказывалось под угрозой».⁵⁵⁰

В трудах Э. Томпсона и Дж. Скотта «моральная экономика», прежде всего, как раз и предстает как «экономика выживания», где главный экономический закон — это распределение всех ресурсов в обществе таким образом, что голодная смерть

⁵⁴⁹ Thompson E. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century. // Past & Present. - 1971. - No. 50. - P. 76-136.

⁵⁵⁰ Scott J. The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in South Asia. - New Haven and London: Yale University Press, 1976. - 246 p., P. 32-33.

каждого возможна лишь при условии голодной смерти всех. С самого начала моральная экономика противопоставляла себя экономике рыночной. По словам Дж. Скотта: «Как правило, земледелец стремится избежать неудач, которые являются причиной его разорения, и не пытается сорвать большой куш от рискованных мероприятий. /.../ Относиться к крестьянину как к будущему шумпетеровскому предпринимателю значит упускать из виду его основную экзистенциальную дилемму...»⁵⁵¹

На это же обращал внимание и Александр Васильевич Чаянов, которого можно рассматривать в качестве одного из предтеч моральной экономики. По его словам, «...классический homo economicus часто сидит не на месте предпринимателя, а в качестве организатора семейного производства.

Поэтому система теоретической экономии, сконструированная исходя из предпринимательской работы homo economicus'a в качестве капиталиста, ясно односторонняя и недостаточна для познания экономической действительности во всей ее реальной сложности».⁵⁵² Помимо названных авторов свой вклад в решение проблем моральной экономики внесли такие философы и экономисты как С. Боулз, Ван Сяоси, П. Козловски, Дж. Ролз, А. Сен, Дж. Ходжсон.⁵⁵³ А из отечественных исследователей - Д.С. Львов, Е.Е. Румянцева и Н.П. Федоренко.⁵⁵⁴

⁵⁵¹ Scott J. The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in South Asia. - New Haven and London: Yale University Press, 1976. - 246 p., P. 4-5.

⁵⁵² Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства, С. 193-442. // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. - М.: Экономика, 1989. - 492 с., С. 397.

⁵⁵³ См.: Ван Сяоси. Моральный капитал. - М.: Международная издательская компания «Шанс», 2023. - 240 с.; Козловски П. Принципы этической экономики. - Санкт-Петербург: «Экономическая школа». Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Высшая школа экономики, 1999. - 344 с.; Ролз Дж. Теория справедливости. - Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. - 534 с.; Sen A. On Ethics and Economics. - Oxford: Blackwell Publishing, 2004. - 145 p.; Hodgson G. From Pleasure Machines to Moral Communities. An Evolutionary Economics without Homo economicus. - Chicago and London: The University of Chicago Press, 2013. - 328 p.

⁵⁵⁴ См.: Львов Д.С. Нравственная экономика. - М.: Институт экономических стратегий, 2004. - 45 с.; Румянцева Е.Е. Нравственные законы экономики. - М.: ИНФРА-М, 2010. - 96 с.; Федоренко Н.П. Гуманистическая экономика. - М.: Экономика, 2006. - 188 с.

В работах этих и других авторов противоречия между моральным и экономическим были рассмотрены с разных сторон. Е.Е. Жернов, например, выделил следующие направления в изучении моральной экономики: 1. Антропно-нравственное направление, в том числе включающее в себя: 1.1. Ценностный подход; 1.2. Религиозный подход; 1.3. Социокультурный подход; 1.4. Интеллектуальный подход.

2. Социально-экономическое направление, в том числе включающее в себя: 2.1. Рентно-дивидендный подход; 2.2. Гуманистический подход; 2.3. Государственный подход.⁵⁵⁵

Помимо «экономики выживания» и тех направлений, которые выделил Е.Е. Жернов, многими авторами моральная экономика рассматривается в качестве способа исследования по аналогии с политэкономией. Подобная традиция была заложена еще Жаном Симондом де Сисмонди, который первым заявил, что «Политическая экономия наука не простого расчета, а наука моральная».⁵⁵⁶

В качестве способа исследования моральная экономика анализирует хозяйственную практику с точки зрения ее соответствия моральным нормам. Ведь в обычной жизни люди не всегда ведут себя как рациональные эгоисты, какими их рассматривает неоклассическая экономическая теория. Так, например, английский экономист Эндрю Сэйер отмечал, что даже обычный шопинг часто «...ориентирован на других, особенно на членов семьи /.../ Многие покупки далеки от индивидуализма, потакания своим желаниям и нарциссизма...»⁵⁵⁷

Но если Ж. Симонд де Сисмонди считал становление в обществе моральной экономики делом государства, поскольку по известному выражению Томаса Гоббса

⁵⁵⁵ См.: Жернов Е.Е. Нравственная экономика: идентификация и сопоставление теоретических подходов, С. 190-208. // Идеи и идеалы. - 2019. - Т. 11. № 2. Ч. 1. - С. 194-199.

⁵⁵⁶ Симонд де Сисмонди Ж. Новые начала политической экономии или О богатстве в его отношении к народонаселению. Том 1. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. - 384 с., С. 291.

⁵⁵⁷ Sayer A. (De)commodification, consumer culture, and moral economy, P. 341-357. // Environment and Planning D: Society and Space. - 2003. Vol. 21. - P. 353.

«...закон есть совесть государства...»⁵⁵⁸, то после заката теории и практики государства всеобщего благоденствия рынок и мораль в качестве общественных регуляторов экономики, практически, лишились важного посредника в своих отношениях.

В дальнейшем моральная экономика приобретала все более размытые черты. В частности, под ней стали понимать также и критику экономики, основанной на принципе методологического индивидуализма. Конечно, большинству населения хотелось бы, чтобы экономические агенты в своей деятельности руководствовались моральными принципами высшей пробы. Но если невидимая рука рынка все равно приведет ситуацию в равновесие, то значит, экономика ничуть не нуждается в моральности своих агентов для того, чтобы быть успешной. А, следовательно, и в экономической теории мораль — это не сущностное, а лишь феноменологическое начало, которым на практике можно пренебречь.

И К. Маркс в свое время отмечал, что именно это и происходит на практике: «...все, на что люди привыкли смотреть как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли и стало отчуждаемым. Это — время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, — добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., — когда все, наконец, стало предметом торговли».⁵⁵⁹ И все-таки, даже такой критик стоимостного общества как К. Маркс вряд ли предполагал, что однажды предметами купли-продажи станут человеческие органы или «суррогатные» младенцы.

Правда, аморальная торговля могла бы разрушить общество лишь в том случае, если бы тотально стоимостная экономика была возможна. На практике же

⁵⁵⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского, С. 3-545. // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; пер. с лат. и англ. - М.: Мысль, 1991. - 731 с., С. 252.

⁵⁵⁹ Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона, С. 65-185. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 4. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 615 с., С. 73.

экономическая жизнь на земле всегда была многоукладной. Как справедливо заметил Фернан Бродель: «...вопреки тому, что обычно говорится, капитализм не распространяется на всю экономику, на все занятое трудом общество; /.../ Тройное членение /.../ на материальную жизнь, рыночную экономику и капиталистическую экономику /.../ сохраняет удивительную разрешающую способность и объяснительную силу».⁵⁶⁰

И дело даже не в том, что какое-то время капитализм существует с «родимыми пятнами» прошлых экономических систем. А в том, что он просто не может без них обойтись. Во всяком случае, даже сам К. Маркс вынужден был признать, что «...(класс капиталистов) никогда не может реализовать свою прибыль /.../ путем обмена всего продукта на заработную плату /.../ Следовательно, кроме самих рабочих, необходимы еще другой спрос и другие покупатели, — иначе никакой прибыли не могло бы возникнуть. /.../ Следовательно, *нужны покупатели, не являющиеся продавцами...*»⁵⁶¹ (выделено курсивом К. Марксом — А.А.) К таким же выводам пришла и специально исследовавшая проблему накопления капитала немецкий экономист Роза Люксембург, по словам которой: «...существование некапиталистических покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления...»⁵⁶²

Вот в чем причина того, что после возникновения капитализма прежние формы общественного хозяйства так до конца и не исчезли. В частности, никуда не исчез дарообмен. Благополучно соседствует с капитализмом и натуральное хозяйство. Как отмечают исследователи: «...система зрелых и доминирующих рыночных отношений в странах Запада не смогла абсолютно поглотить все формы дорыночных,

⁵⁶⁰ Бродель Ф. Динамика капитализма. - Смоленск: «Полиграмма», 1993. - 125 с., С. 118.

⁵⁶¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала». Часть третья (главы XIX-XXIV). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. III. - М.: Издательство политической литературы, 1964. - 674 с., С. 14.

⁵⁶² Люксембург Р. Накопление капитала. Т. I и II. Издание 5-е. - М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. - 463 с., С. 258.

нерыночных и проторыночных отношений».⁵⁶³ А, следовательно, моральное измерение экономики является также и прямым отражением до сих пор существующих общественно-экономических укладов. Ведь дарообмен, например, не предполагает строгую эквивалентность и получение выгоды. Для ведущей натуральное хозяйство сельской общины характерна «круговая порука» или коллективная ответственность, в том числе и материальная. Практикуются в ней и, так называемые «помочи», то есть безвозмездный труд в пользу соседей или родственников, например, при строительстве дома.

По мнению Н.Б. Давлетбаевой и Ю.И. Осика: «Выполненные в последнее десятилетие многочисленные исследования крестьянских и домашних хозяйств, функционирующих не совсем по рыночным, или совсем не по рыночным принципам, законам, нормам и правилам, позволили установить: эти «нерыночные» институты не являются порождением XX или XXI века — они дошли до нас из глубины веков».⁵⁶⁴

По этой причине в последнее время моральное поведение в экономике часто стали рассматривать как часть поведения институционального. Об этом, например, прямо пишет М.А. Вахтина.⁵⁶⁵ Другими словами, вопрос о соотношении морального и экономического исследователями начал осознаваться как конкретизация более широкой проблемы, поставленной К. Поланьи, - о соотношении экономического и социального в обществе.

Часть теоретиков считает, что «Мораль экономических агентов влияет на их поведение и соответственно на их экономические результаты».⁵⁶⁶ И что «На самом

⁵⁶³ Рязанов В.Т. Антропологический принцип в экономике, С. 3-18. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. - 2006. - Вып. 1. - С. 13.

⁵⁶⁴ Давлетбаева Н.Б., Осик Ю.И. История экономики и экономическая этнография: в поисках взаимосвязи, С. 115-122. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2010. - № 7. - С. 119.

⁵⁶⁵ Вахтина М.А. Этические нормы и их влияние на экономическое поведение: институциональный аспект, С. 13-17. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2009. - № 4 (28). - С. 16.

⁵⁶⁶ Hausman D., McPherson M. Taking ethics seriously: economics and contemporary moral philosophy, P. 671-731. // Journal of economic literature. - 1993. - Т. 31. № 2. - P. 673.

деле экономическая этика не нова, ей столько же лет, сколько всему человечеству, потому что как только вы начинаете продавать и покупать товары, вы сталкиваетесь с вопросом: как установить честную цену, как действовать, что этично...»⁵⁶⁷

Другие авторы убеждены в том, что «...мораль и современная экономика – антиподы форм общественного сознания, которые своей данностью исключают существование друг друга».⁵⁶⁸ Мнение, что при реализации собственно экономической цели хозяйственная деятельность предстаёт как наиболее удалённая от нравственности»⁵⁶⁹ является до сих пор достаточно распространённым. В лучшем случае, моральная экономика отрицается на том основании, что она «...выражает этику хозяйственной деятельности и представления о справедливости, характерные для дорыночных локальных сообществ».⁵⁷⁰

Неудивительно, что в последнее время в экономической науке вполне объективно возникла проблемная ситуация. С одной стороны, экономические исследования всегда так или иначе касались этических вопросов, а с другой – «...разделение экономического анализа на позитивную и нормативную области приводит к тому, что результаты продвижения экономистов в направлении этики формируют, с точки зрения значительной части представителей профессионального сообщества, если и не пристройку, то надстройку к зданию экономической науки, которая, пусть и украшая его, не играет особой функциональной роли».⁵⁷¹

⁵⁶⁷ Штукельбергер К. Интервью «Народному радио», С. 168-175. // Экономические стратегии. - 2017. - № 3. - С. 170.

⁵⁶⁸ Бондаренко А.В., Мижарева Н.В., Нигматуллина И.В. Моральная экономика: экономико-философский анализ понятия, С. 26-34. // Дискуссия. - 2022. - Вып. 112. - С. 28.

⁵⁶⁹ Агапова Д.И. Соединение нравственных ценностей и современной экономической деятельности (на примере социального предпринимательства), С. 515-519. // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Радиоинфоком-2017». Ч. II. - М.: Московский технологический университет (МИРЭА), 2017. - 623 с., С. 516.

⁵⁷⁰ Мельник Д.В. Между Левиафаном и Маммоной: в поисках моральной экономики, С. 46-61. // Общественные науки и современность. - 2017. - № 1. - С. 52.

⁵⁷¹ Мельник Д.В. Нуждается ли экономическая теория в этике? Взгляд со стороны аристотелевской традиции. // Общественные науки и современность. - 2013. - № 5. - С. 12-13.

И в роли «пристройкой» к высокому зданию экономической науки моральная экономика воспринимается потому, что она неизбежно имеет дело с ценностями, в то время как большинство экономистов «...твердо убеждены в том, что наука должна быть свободной от ценностей...»⁵⁷² Этого, например, требует феноменологическая методология позитивизма.

В своем «Философском словаре разума, материи и морали» классик позитивизма Бертран Рассел отмечал: «Вопросы о «ценностях» (иначе говоря, о том, что хорошо или плохо само по себе, независимо от его осуществления) лежат за пределами сферы науки, как настойчиво утверждают поборники религии. Я считаю, что в этом они правы, однако я делаю дальнейший вывод, которого они избегают, о том, что вопрос о ценностях лежит полностью за пределами сферы знания».⁵⁷³

Тот факт, что в неоклассической экономической теории «Проблема ценностей как проблема выбора между разными целями, как вопрос о том, по каким критериям совершать этот выбор, методологически исключается»⁵⁷⁴, признается множеством современных философов и экономистов. В частности, «Позитивистскую особенность экономики», состоящую в игнорировании «...мотивов и установочных ценностей, лежащих в основе экономического выбора...»⁵⁷⁵ отмечает норвежский экономист Кнут Вейстен. И происходит так потому, что, с точки зрения позитивизма, ценности — это лишь субъективные оценки, а не объективные факты, которые единственно только и могут интересовать науку.

В начале XX века Сергей Николаевич Булгаков критиковал марксистскую политэкономия за то, что она «...считает за данные и самоочевидные положения слишком многое, что она получила при самом своем рождении и потому привыкла

⁵⁷² Boulding K. Economics As A Moral Science. // The American Economic Review. - 1969. - Vol. 59. No. 1. - P. 1.

⁵⁷³ Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. - Киев: Port-Royal, 1996. - 368 с., С. 313-314.

⁵⁷⁴ Козловски П. Этика капитализма (с комментарием Дж. Бьюкенена); Эволюция и общество: Критика социобиологии. - СПб.: Экономическая школа, 1996. - 158 с., С. 40.

⁵⁷⁵ Veisten K. Contingent valuation controversies: Philosophic debates about economic theory, P. 204-232. // The Journal of Socio-Economics. - 2007. - No 36. - P. 220.

считать органическим своим атрибутом, неизменным своим багажом».⁵⁷⁶ Но мы видим, что и в современной неоклассической экономической теории происходит то же самое. Ведь моральное, которое неизбежно имеет дело с ценностями, именно по этой причине и выглядит в ней чем-то излишним или, в лучшем случае, факультативным.

Между тем, по мнению, например, О.И. Ананьина, «...этические установки людей – это не фактор субъективного искажения некоего «научно обоснованного» поведения, но характеристика их реального поведения, игнорирование которого уже на уровне научной онтологии существенно снижает эвристический потенциал соответствующих теорий».⁵⁷⁷

Одной из последних попыток найти место морали в экономике является представление ее в терминах человеческого и социального капитала. Китайский исследователь Ван Сяоси, например, пришел к выводу, что мораль и выгода имеют единую природу, так как «Мораль — необходимый духовный фактор увеличения стоимости капитала, а, следовательно, тот же капитал»⁵⁷⁸. Однако мнения исследователей по поводу этой точки зрения разделились. Идею Ван Сяоси о единой природе морали и выгоды, фактически, поддержали, например, Цзян Хонбо и Чжен Юнкуй, по мнению которых «...мораль и выгода представляют собой две незаменимые стороны человеческой практической деятельности, среди которых выгода является целью и результатом, а мораль – регулятором, направляющим на цель и помогающим достичь результата».⁵⁷⁹ Часть китайских философов посчитала идеи Ван Сяоси «ревизионистскими» по отношению к марксизму. А в глазах

⁵⁷⁶ Булгаков С.Н. Философия хозяйства, С. 47-297. // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. - М.: Издательство «Наука», 1993. - 603 с., С. 57.

⁵⁷⁷ Ананьин О.И. Экономические онтологии и экономические институты. // Федерализм. - 2013. - № 1 (69). - С. 88.

⁵⁷⁸ Ван Сяоси. Предисловие ко второму изданию, С. 5-7. // Ван Сяоси. Моральный капитал / Ван Сяоси; пер. с кит. А.А. Монастырского. - М.: Международная издательская компания «Шанс», 2023. - 240 с., С. 5.

⁵⁷⁹ Цзян Хонбо, Чжен Юнкуй. Размышление о соотношении концептов «мораль» и «выгода» в современной китайской философии, С. 76-85. // Философское наследие. - 2015. - № 1. - С. 79.

большинства они остались все той же «пристройкой» к зданию экономической науки.

Но почему экономисты рассматривают мораль как нечто инородное в экономике? В чем различие между природой моральной ценности и экономической стоимости? Для ответа на эти вопросы желательно обратиться к стремящейся дойти до сути эссенциалистской, а не феноменологической методологии.

Из «Капитала» К. Маркса мы знаем, что стоимость обнаруживается лишь в обмене, причем этот обмен должен быть непременно эквивалентным. Как следствие, стоимость существует в гигантской системе уравнений, и сама является великим уравнителем. Напротив, все ценности, и моральная здесь не исключение, могут выявлять свою степень качества только в системе неравенств. В этом и состоит внешняя и формальная противоположность стоимости и моральной ценности.

Однако в предыдущем параграфе диссертации обсуждалась в том числе и гипотеза о существовании в первобытном обществе экономической ценности в форме абстрактно-качественного труда. В связи с этим возникает вопрос, а может ли и в современной экономике существовать экономическая ценность, регулирующая качественный труд и его продукты? С точки зрения автора работы, эссенциалистская методология требует ответа именно на этот вопрос.

Несмотря на свою многоукладность капитализм представляет собой единую экономическую систему. А это предполагает использование единого экономического языка; и именно таким является универсальный язык стоимости и обмена. Однако его наличие и использование еще не делает прошлые экономические уклады, в том числе и частично ассимилированные капитализмом, полностью и исключительно стоимостными.

Как выражался в свое время Пьер Жозеф Прудон: «Различие между вещами продажными и непродажными так же глубоко с точки зрения политической

экономии, как и с нравственной или эстетической точки зрения».⁵⁸⁰ По его же словам, «...оценка таланта в денежных единицах вещь невозможная, так как талант и монета вещи несоизмеримые».⁵⁸¹

И происходит так потому, что здесь мы имеем дело со столкновением двух разных мер измерения труда и его продуктов — качественной (ценность) и количественной (стоимость). Если же пользоваться одной только стоимостной мерой, то в таком случае стираются все качественные различия между трудом и его продуктами. Это заметно, например, в ломбардах, где их владельцы, пользуясь стесненным положением вкладчиков, серебряные и золотые украшения принимают просто по весу. Чем тоньше работа, - тем менее эквивалентным оказывается и такой обмен. Общеизвестен разрыв между количественной и качественной оценкой труда и его продуктов в искусстве. Иначе чем объяснить тот факт, что, например, у В. Ван-Гога, чьи картины в наши дни стоят миллионы долларов, часто не было денег даже на холсты и краски для их написания.

Во времена К. Маркса качество труда и его продуктов проявлялось в цене еще скрытым образом, так как капитализм развивался в то время экстенсивно, и товаров было меньше, чем желающих купить их. После же массового внедрения машин и конвейерных линий количество однотипных товаров, которые, как и в первобытном обществе, отличаются друг от друга лишь по степени качества, на рынке стало значительно больше. И это создало условия для того, чтобы экономическая ценность как регулятор абстрактно-качественного труда и его продуктов все явственней проявлялась и в практике хозяйственной жизни. Не случайно все чаще в последнее

⁵⁸⁰ Прудон П.Ж. Литературные майораты. Разбор закона, имеющего целью установить бессрочную монополию в пользу авторов, изобретателей и художников. - Петербург: издание Жиркевича и Зубарева, 1865. - 191 с., С. 106.

⁵⁸¹ Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время / Подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. - М.: Республика, 1998. - 367 с., С. 104.

время стали говорить о такой мере общественной полезности труда и его продуктов как «соотношение цена/качество», а не только о «цене», или только о «качестве».

Тому, что в реальности ценностные отношения в экономике занимают намного большее место, чем им отводит неоклассическая экономическая теория посвящена и книга американского экономиста Самуэля Боулза «Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан». В частности, со ссылкой на данные американских экономистов Ури Гнези и Алдо Рустичини⁵⁸², С. Боулз описывает случай, который произошел в одном из детских садов Хайфы, где ввели штраф для родителей, которые забирали своих детей слишком поздно. Однако после введения штрафа парадоксальным образом доля опаздывающих родителей увеличилась. И даже после того, как штраф отменили, она так и не снизилась до прежнего уровня. И произошло это, по мнению С. Боулза, потому, что «Введение цены за опоздание, как если бы опоздания продавались, подорвало этические обязательства родителей не возлагать излишних хлопот на учителей и заставило родителей думать, что опоздания — это ещё один товар, который они могут купить».⁵⁸³

Но все ли в экономике можно купить? Этот парадоксальный вопрос является одним из главных в анализе С. Боулза. А. Смит считал, что рынок окажется самодостаточным, если ничто не будет мешать свободной конкуренции как между продавцами, так и между покупателями. В таком случае сами собой будут формироваться «справедливые» цены. Однако институционалисты давно уже заметили, что одной лишь конкуренции для появления рыночного равновесия недостаточно.

По мнению С. Боулза: «Чтобы для каждого товара установилась правильная цена, все экономические взаимодействия должны управляться тем, что экономисты

⁵⁸² Gneezy U., Rustichini A. Pay Enough or Don't Pay at All. // Quarterly Journal of Economics. - 2000. - No 115 (2). - P. 791-810.

⁵⁸³ Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан, С. 100-128. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 102.

называют полными контрактами. /.../ Полные контракты прописывают требования и обязательства таким образом, что каждый актер «получает» все выгоды и издержки, возникающие вследствие его или её действий, в том числе те, которые накладываются на других». ⁵⁸⁴ Только в таком случае конкуренция между действующими на рынке эгоистами может обеспечить Парето-оптимальное равновесие, то есть такое, при котором хотя бы одному из индивидов становится лучше, а всем остальным — не хуже. Это и дает основание канадско-американскому философу Давиду Готье сделать вывод о том, что «мораль возникает из-за провала рынка», и что в случае полноты контрактов «Мораль неприменима к рыночным взаимодействиям в условиях совершенной конкуренции». ⁵⁸⁵

Но что, если условий «у всего есть цена» и она «справедливая» в экономике просто не существует? В качестве примера С. Боулз приводит случай, когда «пчелы фермера Джонса опыляют яблони фермера Брауна». При обмене мёда на яблоки фермер Джонс не берет с Брауна, «цену за услуги по опылению, предоставленные его пчёлами». Подобные внешние эффекты в экономике называются «экстерналиями». Но это значит, что выгоды фермера Джонса, полученные им за мед, окажутся меньше реальной общественной пользы, произведенной его фермой. Ведь «работа» его пчел по опылению здесь никак не учитывается.

Институциональная теория считает, что при помощи налогов и субсидий можно легко выровнять все такого рода диспропорции на рынке. Однако, С. Боулз прямо пишет о том, что при нормальной работе рынков эти «...неполные контракты представляют собой правила, а не исключения...» ⁵⁸⁶ И что «Информация об объёме и качестве товара или услуги, предоставляемых в ходе обмена, очень часто является

⁵⁸⁴ Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 115.

⁵⁸⁵ See: Gauthier D. *Morals by Agreement*. - Oxford: Clarendon Press, 1986. - 392 p., P. 84, 96.

⁵⁸⁶ Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан, С. 100-128. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 117.

асимметричной, то есть неизвестной обеим сторонам, или неverifiedируемой, то есть хотя и известной обеим сторонам, но недоступной для использования в суде при оспаривании контракта».⁵⁸⁷ Но даже, если бы суд был самым совершенным из всех общественных институтов на земле, то, в конце концов, даже он не смог бы с помощью стоимостных уравнений решить то, что должно было бы решаться с помощью ценностных неравенств.

Ценностный, а не только стоимостный взгляд на проблемы, поднятые С. Боулзом, позволяет понять, что в большинстве случаев неполнота контрактов как раз и состоит в том, что в реальности хозяйственную жизнь регулируют две меры общественной полезности труда — качественная и количественная — экономическая стоимость и экономическая ценность. А неоклассическая экономическая теория, опирающаяся на методологию позитивизма, ограниченную изучением лишь явлений, не обращает внимание на тот факт, что в экономике ценность носит не только субъективно-аксиологический характер как моральная оценка тех или иных явлений, но также и объективно-онтологический характер как абстрактно-качественный труд, оценивающий степень качества труда и его продуктов.

В итоге С. Боулз пришел к выводу, что реформу современной экономической теории следует начать «...с поиска замены для *Homo economicus*»⁵⁸⁸ (выделено С. Боулзом — А.А.), превратившего рынок «в зону без морали». Однако, с точки зрения автора работы, мораль здесь — всего лишь форма проявления ценностных отношений, которые и надо каким-то образом включить в современную экономическую теорию.

Прежде всего потому, что скрытым образом стоимостная экономика всегда опиралась на меру ценности. Ведь еще К. Менгер обратил внимание на то, что

⁵⁸⁷ Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан, С. 100-128. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 117.

⁵⁸⁸ Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 104.

«...безвкусные кушанья или напитки, темные или сырые помещения для жилья, услуги неинтеллигентных врачей, если даже доступны нашему распоряжению в весьма больших количествах, все же никогда не могут в *качественном* отношении столь же полно удовлетворить наши потребности, как соответственные блага более высокого качества».⁵⁸⁹ А это значит, что даже в наши дни качественные отношения рождают ценность, не только в области моральных отношений, но также и в самой экономике.

Уже само «...существование рынка предполагает наличие в обществе людей, добровольно подчиняющихся этическим нормам и общепринятым правилам и сознательно отказавшихся от таких примитивных способов получения выгоды, как воровство, грабеж и убийство».⁵⁹⁰ К тому же, как удачно подметила американский экономист Озгечан Кочак, рыночный обмен вообще возможен лишь в том случае, если покупатели способны «различать ценность товаров или услуг, с которыми они сталкиваются на рынке».⁵⁹¹ А это подразумевает какую-то предшествующую обмену практику ценностного сравнения вещей, что бы сам этот процесс при этом не представлял. Причем, мы знаем, что уже в первобытном обществе практика эта была настолько развита, что индивиды могли запросто отказаться от предложенного дара, если им казалось, что они получают «мало».

По словам К. Хана и К. Харта, «Когда Адам Смит писал о том, что мясники, пивовары и пекари действовали, исходя из личных интересов, а не из благожелательности, он по-прежнему считал само собой разумеющимся, что каждый торговец будет предлагать своим клиентам продукты, в полной мере пригодные для

⁵⁸⁹ Менгер К. Основания политической экономии, С. 57-286. // Менгер Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 496 с., С. 155.

⁵⁹⁰ Князев Ю.К. О современном понимании основ экономической теории, С. 126-156. // Общество и экономика. - 2013. - № 7-8. - С. 138.

⁵⁹¹ Koçak Ö. Social Orders of Exchange: Effects and Origins of Social Order in Exchange Markets. Dissertation. - Stanford: Stanford University, 2003. - 132 p., P. 51. // Beckert J. The great transformation of embeddedness: Karl Polanyi and the new economic sociology, P. 38-55. // Market and Society: The Great Transformation today. - New York: Cambridge University Press, 2009. - 320 p., P. 45.

потребления человеком. Но почему оппортунистический человек, стремящийся к максимизации прибыли, должен соблюдать такие нормы?»⁵⁹²

Если мы будем рассматривать эту ситуацию с точки зрения стоимости как абстрактно-количественной меры общественной полезности труда и его продуктов, то нам придется обратиться за помощью или к морали, или к религии. Если же мы станем рассматривать ту же ситуацию с точки зрения экономической ценности как абстрактно-качественной меры общественной полезности труда и его продуктов, то нам придется признать, что от фальсификации продуктов труда во все времена торговцев и промышленников удерживало экономически-ценностное по своей природе требование соблюдать общественно-приемлемую степень качества орудий труда и предметов потребления, а позднее и товаров.

Даже если бы все торговцы и промышленники были в глубине души мошенниками, мизантропами и воинствующими безбожниками, все равно бы они были вынуждены, действуя в своих собственных экономических интересах, производить общественно-приемлемую по степени качества продукцию. Это значит, что ценность в экономике носит не только аксиологический, но также и социально-экономический и онтологический характер. Она объективно существует в экономике не только как моральная оценка, но и как мера качества труда и его продуктов. Нужна лишь эссенциалистская методология, для того чтобы за «моральными» явлениями увидеть их экономическую сущность.

Между тем, пока ценностные отношения в экономике, скорее, деформируют стоимостный образ экономической реальности, чем формируют свой собственный и альтернативный. И еще долгое время, как писал К. Поланьи, «...рынок останется универсальной схемой анализа, пока социальным наукам не удастся выработать более общую аналитическую схему, в которой он будет лишь составной частью.

---

⁵⁹² Hann Ch., Hart K. *Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique.* - Cambridge UK: Polity Press, 2011. - 206 p., P. 85-86.

Именно это и является ныне нашей основной интеллектуальной задачей в области экономических исследований».⁵⁹³ И по мнению автора работы, эссенциалистский подход к анализу экономической теории в какой-то степени приближает время выработки такой «более общей аналитической схемы».

В конце концов, речь должна идти не об интеграции экономики и морали, включая «...необходимость принуждения к исполнению не только правовых, но и моральных норм»⁵⁹⁴, как считают некоторые исследователи, а об интеграции качественного и количественного, то есть ценностного и стоимостного подходов внутри самой экономической науки. И поскольку экономика, которую принято называть моральной, фактически, исследует категорию экономической ценности не только с аксиологической, но также и с социально-экономической и онтологической точки зрения, постольку она должна быть нацелена не только на традиционные аксиологические схемы синтеза этики и экономики, (например в форме конструирования, так называемой, «хозяйственной этики», филантропии или «экологически ответственного производства»), но и на более глубокий уровень синтеза онтологической и аксиологической составляющей экономической теории.

Исследовав моральную экономику как форму экономического эссенциализма, автор работы пришел к следующим выводам:

1. С точки зрения эссенциалистской методологии моральная экономика исследует категорию экономической ценности не только с аксиологической точки зрения как моральная оценка, но также и с социально-экономической и онтологической точек зрения как мера качества труда и его продуктов.

2. По этой причине моральная экономика нацелена не только на поиск традиционных аксиологических схем синтеза морали и экономики, (например в

---

⁵⁹³ Полань К. Экономика как институционально оформленный процесс, С. 47-81. // Полань К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с., С. 81.

⁵⁹⁴ Мельник Д.В. Между Левиафаном и Маммоной: в поисках моральной экономики, С. 46-61. // Общественные науки и современность. - 2017. - № 1. - С. 46.

форме конструирования, так называемой «хозяйственной этики», филантропии или «экологически ответственного производства»), но и на новый и более глубокой уровень синтеза онтологической и аксиологической составляющей экономической теории.

3. С точки зрения эссенциалистской методологии моральное измерение экономики является в том числе и прямым отражением до сих пор существующих прошлых общественно-экономических укладов, не основанных на рыночно-стоимостных отношениях.

Выводы по главе «Эвристические возможности эссенциализма в современной экономической теории»

1. Эссенциализм, по-прежнему, остается востребованным философским направлением, так как продолжает играть ключевую роль в современной теории познания, позволяя объяснить порождение новых знаний при помощи такой эссенциалистской, по своей сути, логической процедуры как абдукция.

2. Без догадки и гипотез нет какого-то прироста знаний. А значит, существование абдукции доказывает, что эссенциализм — это не нечто, в лучшем случае, терпимое и извинительное, а важный инструмент развития наук вообще, и, следовательно, также науки экономической.

3. Опыт Ж. Бодрийера показал, что «быть более логичным, чем сам Маркс, и, двигаясь в его собственном направлении, более радикальным», исследуя «полезность вещей», а не сами «полезные вещи» для того, чтобы открыть новую форму абстрактного труда, скрытого в материальных телах потребляемых вещей нельзя. Зато его реальной заслугой надо признать то, что, используя эссенциалистскую методологию, и стремясь найти глубинные основания явлений, он, в отличие от К. Маркса, рассмотрел отношения потребления как субъект-субъектные и, таким образом, как социальные и исторические.

4. Так как превращенные формы сложны для анализа, то, чтобы сделать его проще, автор работы предложил ввести методологический «принцип эссенцификации», который бы распространил действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической

соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность. Суть «принципа эссенцификации» состоит в проверке каждой исследуемой социальной и экономической формы на возможность ее исторической превращенности. А для уже превращенных форм — это исследование всей логической цепочки их сущностной преемственности (по модели «яйцо-гусеница-куколка-бабочка»).

5. Эссенциалистская методология экономического субстантивизма позволила обнаружить, что в условиях палеолита ценность как абстрактно-качественный труд проявляла себя уже не только как аксиологическая, но также и как социально-экономическая и онтологическая категория. Так что в экономических условиях палеолита рациональный homo oeconomicus устремлялся в погоню не за количеством прибавочного труда в форме прибавочных продуктов, поскольку их еще не было, а за их качеством.

6. Оппозиция «простой труд - сложный труд» и оппозиция «качественный труд - количественный труд» — это не одно и то же. Они относятся к разным историческим эпохам. В условиях каменного века экономически господствующей формой измерения общественной полезности труда выступала ценность или абстрактно-качественный труд. В современную эпоху экономически господствующей формой измерения общественной полезности труда выступает уже стоимость или абстрактно-количественный труд. Однако экономическая ценность как форма измерения общественной полезности труда, хоть и носит теперь экономически подчиненный характер, однако полностью не исчезла и в наши дни. Абстрактно-качественный труд лишь приобрел превращенную форму «сложного» труда.

7. С точки зрения эссенциалистской методологии моральная экономика исследует категорию экономической ценности не только с аксиологической точки зрения как моральная оценка, но также и с социально-экономической и онтологической точек зрения как мера качества труда и его продуктов.

8. С точки зрения эссенциалистской методологии моральное измерение экономики является в том числе и прямым отражением до сих пор существующих прошлых общественно-экономических укладов, не основанных на рыночно-стоимостных отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение эссенциалистской методологии к экономической теории позволило диссертанту прийти к следующим выводам:

1. Экономическая онтология и социальная онтология принадлежат к философскому, а не мета-теоретическому уровню познания.

2. Карл Поппер успешно применил методологическую оппозицию «эссенциализм-номинализм» к анализу истории философии. Однако не менее успешно оппозиция «эссенциализм-феноменология» работает и при анализе истории экономической мысли, доказывая, что эссенциализм является не только одной из плодотворных философских концепций в области теории познания, но также и важным инструментом самопознания экономической науки.

3. Дискуссия в экономической антропологии между школой субстантивистов (К. Поланьи, Дж. Далтон и М. Салинз) и школой формалистов (Р. Ферт, Д. Фостер и М. Херсковиц) о месте рынка в экономике, а самой экономики в обществе, фактически, была теоретическим спором эссенциалистской (субстантивизм) и феноменологической (формализм) методологий. При этом субстантивистами было обнаружено, что рынок как форма обмена товарами не является универсальной мерой экономических отношений, соединяющих людей в обществе, так как и дарообменная, и перераспределительная экономики практиковали натуральный обмен продуктами. И, следуя эссенциалистской методологии, это дает автору работы возможность поставить вопрос об единстве сущностных основ дарообменной, а также перераспределительной и современной рыночной экономик.

4. Эссенциализм как и прежде остался востребованным философским направлением, так как продолжает играть ключевую роль в современной теории познания, позволяя объяснить порождение новых знаний при помощи такой эссенциалистской, по сути, логической процедуры как абдукция. И поскольку без догадки и гипотез нет какого-то прироста знаний, постольку существование абдукции доказывает, что эссенциализм — это не нечто, в лучшем случае, терпимое и извинительное, а важный инструмент развития наук вообще, и, следовательно, также науки экономической.

5. Так как превращенные формы сложны для анализа то, по мнению автора работы, необходимо ввести методологический «принцип эссенцификации», который бы распространил действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность. Суть «принципа эссенцификации» состоит в проверке каждой исследуемой социальной и экономической формы на возможность ее исторической превращенности. А для уже превращенных форм — это исследование всей логической цепочки их сущностной преемственности.

6. Кажущаяся парадоксальность «моральной» экономики объясняется тем, что она носит ценностный, а не стоимостный характер. Фактически, в экономике ценность присутствует не только как моральная оценка, но и как мерило качества труда и его продуктов. Вот почему с точки зрения эссенциалистской методологии, «мораль» в экономической науке — это лишь форма проявления абстрактно-качественных или ценностных, а не стоимостных отношений, без учета которых экономическая теория была бы неполна.

Однако, несмотря на то, что данная диссертация представляет собой законченное научное высказывание по поводу эссенциалистской методологии в экономической теории и ее эвристических возможностей, все-таки, ее объем не

позволил автору работы раскрыть многие стороны исследуемой темы. Тем более, что некоторые тезисы диссертации были сформулированы в качестве абдуктивного гипотетического предположения. В частности, едва затронутым в диссертации остался вопрос о соотношении качественного-количественного и простого-сложного труда. Развернутого концептуального определения требует также вопрос о субстанции, образующей ценность в целом в первобытную эпоху, а не только в условиях каменного века.

Все это говорит о том, что, будучи относительно законченной работой, данная диссертация может рассматриваться лишь как предварительный шаг на пути дальнейшего исследования затронутых в диссертации дискуссионных вопросов экономической теории.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова, Д.И. Соединение нравственных ценностей и современной экономической деятельности (на примере социального предпринимательства), С. 515-519. // Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития радиотехнических и инфокоммуникационных систем «Радиоинфоком-2017» / Д.И. Агапова. Часть 2. - М: Московский технологический университет (МИРЭА), 2017. - 623 с.
2. Алексеев, Н.Е., Демиденко, О.В. Противоречия развития теории потребностей / Н.Е. Алексеев, О.В. Демиденко. // Омский научный вестник. - 2015. – № 3 (139). - С. 211-214.
3. Ананьин, О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий / О.И. Ананьин. - М.: Институт экономики РАН, 2013. - 50 с.
4. Ананьин, О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ / О.И. Ананьин. - М.: Наука, 2005. - 242 с.
5. Ананьин, О.И. Экономическая теория: кризис парадигмы как кризис высшего профессионального образования / О.И. Ананьин. // Экономика образования. - 2009. – № 3. Часть 1. - С. 35-50.
6. Ананьин, О.И. Экономические онтологии и экономические институты. / О.И. Ананьин. // Федерализм. - 2013. – № 1 (69). - С. 75-100.
7. Аристотель. Категории, С. 51-90. / Аристотель. // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. - М.: «Мысль», 1978. - 687 с.

8. Аристотель. Никомахова этика, С. 53-293. / Аристотель. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с.
9. Аристотель. Политика, С. 375-644. / Аристотель. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с.
10. Артхашастра или Наука политики / Пер. с санскр. - М.-Л.: АН СССР, 1959. – 793 с.
11. Атлас, М.С., Лебедев, К.Н. О теоретических основах экономической науки / М.С. Атлас, К.Н. Лебедев. // Вестник финансовой академии. - 2001. – № 1. - С. 49-60.
12. Афанасьева, О.В. Открытое общество и его риски. Перечитывая Карла Поппера / О.В. Афанасьева. // Вопросы философии. - 2012. – № 11. - С. 43-53.
13. Ашмаров, И.А. К вопросу о роли дарения в жизни современного общества / И.А. Ашмаров. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. - 2019. - Выпуск № 1 (18). - С. 140-144.
14. Барбон, Н. Очерк о торговле. 1690 г., С. 273-292. // Меркантилизм. / Никола Барбон. - Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935. - 340 с.
15. Бартошек, М. Римское право. (понятия, термины, определения). (пер. с чешск.) / Милан Бартошек. - М.: Юридическая литература, 1989. - 447 с.
16. Бахметьев, А.Э. Онтологические и гносеологические границы в структуре интуитивного познания / А.Э. Бахметьев. // Манускрипт. - 2020. - Том 13. Выпуск 1. - С. 95-98.
17. Беккер, Г. Экономический анализ и человеческое поведение / Гэри Беккер. // Альманах THESIS. - 1993. - Том 1. Вып. 1. - С. 24-40.
18. Белик, А.А. Экономическая антропология в конце XX - начале XXI в.: экономика дара / А.А. Белик. // Экономический журнал. - 2013. – № 1 (29). - С. 38-45.
19. Беркли, Д. Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику, где исследуется, являются ли предмет, принципы и заключения

современного анализа более отчетливо познаваемыми и с очевидностью выводимыми, чем религиозные таинства и положения веры, С. 395-442. // Беркли Джордж. Сочинения. - М.: Мысль, 1978. - 556 с.

20. Бернацкий, В.О. Интерес: познавательная и практическая функции / В. О. Бернацкий. - Томск: Издательство Томского ун-та, 1984. - 168 с.

21. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Марк Блауг. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. статья В.С. Автономова. - М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. - 416 с.

22. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / Марк Блауг. Пер. с англ., 4-е изд. - М.: «Дело Лтд.», 1994. - 720 с.

23. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Жан Бодрийяр. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с.

24. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е.А. Самарской. - М.: Республика; Культурная революция, 2006. - 269 с.

25. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. - М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. - 240 с.

26. Болдырев, И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации / И.А. Болдырев. // Вопросы экономики. - 2008. – № 7. - С. 100-111.

27. Болдырев, И.А. Онтология экономической науки, С. 43-58. / И.А. Болдырев. // Философские проблемы экономической науки. - М.: Институт экономики РАН, 2009. - 208 с.

28. Бондаренко, А.В., Мижарева, Н.В., Нигматуллина, И.В. Моральная экономика: экономико-философский анализ понятия / А.В. Бондаренко, Н.В. Мижарева, И.В. Нигматуллина. // Дискуссия. - 2022. - Вып. 112. - С. 26-34.

29. Боулз, С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / Самуэль Боулз; пер. с англ. Д. Шестакова. - М.: Издательство Института Гайдара, 2017. - 336 с.

30. Боулз, С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / Самуэль Боулз. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 100-128.

31. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Фернан Бродель. - Смоленск: «Полиграмма», 1993. - 125 с.

32. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Джером Брунер. Пер. с англ. К. И. Бабицкого. - М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - 782 с.

33. Буденкова, В.Е. Два способа построения онтологии и перспективы неклассической эпистемологии / В.Е. Буденкова. // Вестник Томского государственного университета. - 2007. - № 298. - С. 66-71.

34. Бuzгалин, А.В., Колганов, А.И. «Капитал» XXI века: симулякр как объект анализа критического марксизма / А.В. Бuzгалин, А.И. Колганов. // Вопросы философии. - 2012. - № 11. - С. 31-42.

35. Бuzгалин, А.В., Колганов, А.И. Трудовая теория стоимости: проблемы адекватной трактовки и реактуализации. // Вестник Московского ун-та. Серия 6. Экономика. - 2010. - № 1. С. 94-105.

36. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства, С. 47-297. // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. - М.: Издательство «Наука», 1993. - 603 с.

37. Бунько, В.А. Гипотеза как гештальт / В.А. Бунько. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2010. - № 4. - С. 70-80.

38. Бурбаки, Н. Теория множеств / Никола Бурбаки. - М.: Мир, 1965. - 456 с.
39. Бурдые, П. Поле экономики, С. 129-176. // Бурдые Пьер. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 2005. - 576 с.
40. Вайзе, П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук / Петер Вайзе. // Альманах THESIS. - 1993. - Вып. 3. - С. 115-130.
41. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии или Теория общественного богатства / Леон Вальрас. - М.: Изограф, 2000. - 448 с.
42. Ван, Сяоси. Моральный капитал. - М.: Международная издательская компания «Шанс», 2023. - 240 с.
43. Варрон, М.Т. Сельское хозяйство. - М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. - 218 с.
44. Вартофский, М. Эвристическая роль метафизики в науке, С. 43-110. // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / Маркс Вартофский. Сборник переводов. - М.: Издательство «Прогресс», 1978. - 487 с.
45. Вархотов, Т., Кошовец, О. Базовые концептуальные конструкции и мысленные эксперименты в экономической теории / Т. Вархотов, О. Кошовец. // Общество и экономика. - 2014. - № 4. - С. 25-41.
46. Васюченко, Л.П. Потребительная стоимость как система / Л.П. Васюченко. // Экономическая наука сегодня. - 2019. - Выпуск 10. - С. 15-25.
47. Вахтина, М.А. Этические нормы и их влияние на экономическое поведение: институциональный аспект / М.А. Вахтина. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. - 2009. - № 4 (28). - С. 13-17.

48. Вебер, М. Город, С. 333-486. // Вебер Макс. История хозяйства. Город. - М.: «Канон-Пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. - 576 с.
49. Веблен, Т. Теория праздного класса / Торстейн Веблен. Пер. с англ. - М.: издательство «Прогресс», 1984. - 368 с.
50. Вырская, М.С. Философия и экономическая наука: эволюция и траектории развития / М.С. Вырская. // Terra economicus. - 2010. - Том 8. № 2. - С. 131-137.
51. Гартман, Н. К основоположению онтологии / Николай Гартман. - М.: Наука, 2003. - 640 с.
52. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. // Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Соч. в 14-ти томах. Том VII. - М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. - 380 с.
53. Глебовская, Н.В. Новая экономическая социология: по ту сторону экономического интереса / Н.В. Глебовская. // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2002. - Том 5. № 2. - С. 36-42.
54. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского, С. 3-545. // Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. - М.: Мысль, 1991. - 731 с.
55. Гончарова, Н.А. Критический реализм и современная философия науки / Н.А. Гончарова. // Известия Томского политехнического университета. - 2009. - Т. 315. № 6. - С. 89-92.
56. Горев, В.П. Политэкономия как теоретическая и методологическая основа общей экономической теории / В.П. Горев. // Известия Иркутской государственной экономической академии. - 2015. - Т. 25. № 2. - С. 268-273.
57. Гуала, Ф. Краткое изложение понимания институтов / Франческо Гуала. / Пер. с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова. // Вопросы социальной теории. - 2021. - Том XIII. - С. 140-151.

58. Гуала, Ф. Ответ на критику / Франческо Гуала. / Пер. с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова. // Вопросы социальной теории. - 2021. - Том XIII. - С. 152-170.

59. Гуриев, С.М. Три источника - три составные части «экономического империализма» / С.М. Гуриев. // Общественные науки и современность. - 2008. - № 3. - С. 134-141.

60. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука, С. 185-240. // Гуссерль Эдмунд. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 459 с.

61. Давлетбаева, Н.Б., Осик, Ю.И. История экономики и экономическая этнография: в поисках взаимосвязи / Н.Б. Давлетбаева, Ю.И. Осик. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. - 2010. - № 7. - С. 115-122.

62. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Том второй. И — О. / В.И. Даль. - С-Петербург; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1881. - 807 с.

63. Деланда, М. Новая онтология для социальных наук / Мануэль Деланда. // Логос. - 2017. - Том 27. № 3. - С. 35-56.

64. Добрынин, Д.Х. Теоретико-методологический статус понятия религии в эссенциалистской трактовке этнической общности в зарубежной науке / Д.Х. Добрынин. // Концепт: философия, религия, культура. - 2020. - Том 4. № 3 (15). - С. 76-84.

65. Дюгем, П. Физическая теория. Ее цель и строение / Пьер Дюгем. Пер. с фр. / Предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 328 с.

66. Егоров, Д.Г. Предмет экономической науки / Д.Г. Егоров. // Мировая экономика и международные отношения. - 2015. - № 2. - С. 115-120.

67. Ефимов, В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины / В.М. Ефимов. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2014. - Том 14. Вып. 2. - С. 5-51.

68. Железнов, А.С. Моральное обоснование понятия собственности: от захвата к обмену / А.С. Железнов. // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2015. - Том 15. Вып. 2. - С. 34-47.

69. Жернов, Е.Е. Нравственная экономика: идентификация и сопоставление теоретических подходов / Е.Е. Жернов. // Идеи и идеалы. - 2019. - Т. 11. № 2. Ч. 1. - С. 190-208.

70. Жуков, В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: окончанный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма / В.Н. Жуков. // Государство и право. - 2020. – № 11. - С. 15-29.

71. Завалько, Г.А. Рецензия на книгу «Семенов Ю. И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). - М.: УРСС, 2014.» / Г.А. Завалько. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 189-200.

72. Завьялова, М.П. Проблема совместимости натуралистически-эссенциалистского и социально-конструктивистского подходов в познании и преобразовании социальных объектов / М.П. Завьялова. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2017. - № 39. - С. 102-112.

73. Законы Ману. Манавадхармашастра. - М.: «ЭКСМО-пресс», 2002. - 496 с.

74. Зеньковский, В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. - М.: Академический Проект, Раритет, 2001. - 880 с.

75. Зибер, Н.И. Очерки первобытной экономической культуры / Н.И. Зибер. - М.: издание К.Т. Солдатенкова, 1883. - 508 с.
76. Златева, Д. Экономическая наука как эпистемология: истинность и реалистичность в экономической науке / Добринка Златева. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление». - 2014. - № 2. - С. 34-45.
77. Зяблюк, Р.Т. Адекватность диалектического метода действительной экономике / Р.Т. Зяблюк. // Вопросы политической экономии. - 2016. - № 4. - С. 23-36.
78. Кабо, В.Р. Первобытное общество и природа, С. 149-158. // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. / В.Р. Кабо. - М.: Издательство «Наука», 1981. - 343 с.
79. Калиев, А.Ю. Проблема онтологического метода познания / А.Ю. Калиев. // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 2. - С. 645.
80. Капелюшников, Р.И. Карл Поланьи vs. Адам Смит, С. 187-195. // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Р.И. Капелюшников. Под общей редакцией проф. Р.М. Нуреева. - М.: Государственный университет-Высшая школа экономики, 2006. - 321 с.
81. Карнап, Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Рудольф Карнап. // Исследователь/Researcher. - 2009. - № 1. - С. 89-95.
82. Катон, М.П. Земледелие. - Санкт-Петербург: Издательство «Наука», 2008. - 220 с.
83. Кенэ, Ф. Естественное право, С. 329-346. // Кенэ Франсуа. Избранные экономические произведения. - М.: Соцэкгиз, 1960. - 551 с.
84. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Пер. с кит. - М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1993. - 392 с.

85. Князев, Ю.К. Обновление экономической теории: от непреложного индивидуализма к коллективизму / Ю.К. Князев. // Мир перемен. - 2011. - № 2. - С. 39-54.
86. Князев, Ю.К. О современном понимании основ экономической теории / Ю.К. Князев. // Общество и экономика. - 2013. – № 7-8. - С. 126-156.
87. Козлов, А.И., Вершубская, Г.Г., Козлова, М.А., Рыжаенков, В.Г. Влияние «традиционного» и «вестернизированного» распределения продуктов «арктической кухни» на статус питания коренных северян / А.И. Козлов, Г.Г. Вершубская, М.А. Козлова, В.Г. Рыжаенков. // Этнографическое обозрение. - 2017. - № 6. - С. 146-154.
88. Козловски, П. Принципы этической экономики / Петер Козловски. - Санкт-Петербург: «Экономическая школа». Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Высшая школа экономики, 1999. - 344 с.
89. Козловски, П. Этика капитализма (с комментарием Дж. Бьюкенена); Эволюция и общество: Критика социобиологии / Петер Козловски. - СПб.: Экономическая школа, 1996. - 158 с.
90. Колумб, Х. Путешествия Христофора Колумба (Дневники. Письма. Документы) / Христофор Колумб. - М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. - 526 с.
91. Колумелла, Л.Ю.М. О сельском хозяйстве, С. 137-184. // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. - М.-Л.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1937. - 302 с.
92. Конев, А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. / А.Ю. Конев. // Этнографическое обозрение. - 2017. - № 1. - С. 43-56.

93. Корнаи, Я. Размышления о капитализме / Янош Корнаи. / Пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 352 с.
94. Королев, В.К., Пайда, Г.В. Парадигмы политической экономики в методологии постмодернистского дискурса / В.К. Королев, Г.В. Пайда. // Terra economicus. - 2013. - Том 11. № 4. Часть 3. - С. 89-93.
95. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Рональд Коуз. - М.: Новое издательство, 2007. - 224 с.
96. Кошовец, О.Б., Фролов, И.Э., Чусов, А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки / О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов, А.В. Чусов. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 156-176.
97. Кошовец, О.Б. Почему господствующая экономическая теория прозевала кризис: о роли онтологических барьеров / О.Б. Кошовец. // Вестник Института экономики РАН. - 2017. - № 3. - С. 18-34.
98. Крипке, С. Тождество и необходимость, С. 340-376. // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII: Логика и лингвистика (проблемы референции) / Сол Крипке. - М.: Радуга, 1982. - 432 с.
99. Крих, С.Б. Образ древности в советской историографии / С.Б. Крих. - М.: КРАСАНД, 2013. - 320 с.
100. Ксенофонт. Домострой, С. 197-262. // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. - М.: Издательство «Наука», 1993. - 380 с.
101. Кун, Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Томас Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 605 с.
102. Курс экономической теории / под ред. М.Н. Чепурина, Е.А. Киселевой. - Киров: АСА, 2009. - 743 с.

103. Кэрнс, Дж. Логический метод политической экономии / Джон Кэрнс. - М.: Книжный дом «Либроком», 2012. - 162 с.
104. Лавик-Гудолл, ван Д. В тени человека / Джейн ван Лавик-Гудолл. Пер. с англ. Е. Годиной. - М.: Мир, 1974. - 210 с.
105. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции, С. 199-278. // Лакатос Имре. Избранные произведения по философии и методологии науки. / Пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса - М.: Академический Проект; Трикста, 2008. - 475 с.
106. Лебедев, С.А. Философия науки: Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории) / С.А. Лебедев. - М.: «Академический проект», 2008. - 692 с.
107. Леви-Строс, К. Печальные тропики / Клод Леви-Строс. - М.: Мысль, 1984. - 220 с.
108. Леви-Стросс, К. Печальные тропики / Клод Леви-Строс. / Пер. с французского. - Львов: Инициатива; М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. - 576 с.
109. Лекторский, В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма / В.А. Лекторский. // Философия науки и техники. - 2018. - Том 23. № 2. - С. 18-22.
110. Литвак, Н.В. Экономический и информационный подходы к определению «человеческий капитал» / Н.В. Литвак. // Вестник МГИМО-Университета. - 2013. - № 3. - С. 138-139.
111. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении. Сочинения в 3-х т.: Т. I. / Ред. I т., автор вступит, статьи и примечаний И. С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. - М.: Мысль, 1985. - 621 с.

112. Локк, Д. Два трактата о правлении, С. 135-405. // Локк Джон. Сочинения в 3-х томах. Том 3. - М.: Мысль, 1988. - 668 с.
113. Лоусон, Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма / Тони Лоусон. // Вопросы экономики. - 2006. - № 2. - С. 77-98.
114. Лоусон, Т. Что может предложить реализм? С. 429-446. // Философия экономики. Антология. / Тони Лоусон. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с.
115. Лукреций. О природе вещей. Том I. Редакция латинского текста и перевод Ф.А. Петровского. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1946. - 451 с.
116. Львов, Д.С. Нравственная экономика / Д.С. Львов. - М.: Институт экономических стратегий, 2004. - 45 с.
117. Люксембург, Р. Накопление капитала. Т. I и II. Издание 5-е. - М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. - 463 с.
118. Майровски, Ф. Физика и «маржиналистская революция» / Филип Майровски. // Terra economicus. - 2012. - Том 10. № 1. - С. 100-116.
119. Малиновский, Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Бронислав Малиновский. / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 552 с.
120. Мамардашвили, М.К. Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений, С. 243-262. // Мамардашвили М.К. Формы и содержание мышления. - Санкт-Петербург: Азбука, 2011. - 288 с.
121. Маникас, П.Т. Критический реализм и социальная теория. // Социологические исследования. - 2009. - №11 (307). - С. 3-14.
122. Маринова, М.А. Специфика изучения экономических отношений в рамках социологии. // Вестник РУДН. Серия: Социология. - 2007. - № 2. - С. 53-65.

123. Маркс, К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов), С. 709-738. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. - 879 с.

124. Маркс, К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии», С. 369-399. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 19. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 670 с.

125. Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль, С. 101-155. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. - 839 с.

126. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. - 907 с.

127. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая (главы XXIX-LII). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. II. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. - 551 с.

128. Маркс, К. К критике политической экономии, С. 1-167. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. - 770 с.

129. Маркс, К. Критика Готской программы (Замечания к программе Германской рабочей партии), С. 13-32. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 670 с.

130. Маркс, К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона, С. 65-185. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 4. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 615 с.

131. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая (главы I - VII). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. I. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. - 476 с.

132. Маркс, К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть третья (главы XIX—XXIV). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. III. - М.: Издательство политической литературы, 1964. - 674 с.

133. Маркс, К. Форма стоимости, С. 137-164. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 49. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - 555 с.

134. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, Ч. I. - М.: Издательство политической литературы, 1968. - 559 с.

135. Маршалл, А. Принципы экономической науки. Т. 1. / Альфред Маршалл. - М.: Издательство «Прогресс», 1983. - 415 с.

136. Мельник, Д.В. Между Левиафаном и Маммоной: в поисках моральной экономики / Д.В. Мельник. // Общественные науки и современность. - 2017. - № 1. - С. 46-61.

137. Мельник, Д.В. Нуждается ли экономическая теория в этике? Взгляд со стороны аристотелевской традиции / Д.В. Мельник. // Общественные науки и современность. - 2013. - № 5. - С. 5-15.

138. Менгер, К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, С. 287-450. // Менгер Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 496 с.

139. Менгер, К. Основания политической экономии, С. 57-286. // Менгер Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 496 с.

140. Микляев, В.А., Покровская, Н.Н. Социокультурная укорененность экономической деятельности как основа социального менеджмента / В.А. Микляев,

Н.Н. Покровская. // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. - 2016. - № 2 (54). - С. 43-55.

141. Михайловский, В.С. Три проблемы неомарксизма, или что необходимо знать при использовании неомарксистского подхода / В.С. Михайловский. // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. - 2021. - № 3. - С. 38-46.

142. Мосс, М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах, С. 134-285. // Мосс Марсель. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Составление, перевод с фр., предисловие, вступительная статья, комментарии А. Б. Гофмана. - М.: Книжный дом Университет, 2011. - 416 с.

143. Мяки, У. Что такое реализм? С. 419-428. // Философия экономики. М.: Издательство Института Гайдара. 2012. - 518 с.

144. Негруль, В.В. Онтологические основания экономического поведения личности / В.В. Негруль. // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». - 2015. - № 2. - С. 133-142.

145. Нелин, Д.В. Экономическая роль отношений реципрокности, С. 229-232. // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. / Д.В. Нелин. - М.: Государственный университет-Высшая школа экономики, 2006. - 321 с.

146. Нижников, С.А., Орехов, А.М. Становление методологии познания в социально-гуманитарных науках и гуманизм / С.А. Нижников, А.М. Орехов. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. - 2021. - Т. XVIII. Вып. 2. - С. 53-58.

147. Николаева, У.Г. Экономическая архаика в современных социально-экономических отношениях: социально-методологический анализ / У.Г. Николаева. //

Ученые записки российского государственного социального университета. - 2005. - № 3 (47). - С. 88-96.

148. Норт, Д. Понимание процесса экономических изменений / Дуглас Норт. - М.: Издательский дом государственного университета - Высшей школы экономики, 2010. - 256 с.

149. Ойкен, В. Основы национальной экономики / Вальтер Ойкен. - М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1996. - 351 с.

150. Орехов, А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук: учебник / А.М. Орехов. - М.: ИНФРА-М, 2022. - 692 с.

151. Орехов, А.М. КМВ-революция и ее значение для понимания эволюции современного социально-гуманитарного знания / А.М. Орехов. // Право и государство: теория и практика. - 2020. - № 11. - С. 15-22.

152. Орехов, А.М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? / А.М. Орехов. // Социум и власть. - 2019. - № 3. - С. 7-15.

153. Орехов, А.М. Российская философия экономики: как ей найти взаимопонимание с «Новой философией экономики»? (часть I) / А.М. Орехов. // Основы экономики, управления и права. - 2020. - № 6 (25). - С. 11-17.

154. Орехов, А.М. Социальная онтология Б. Эпштейна / А.М. Орехов. // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. - 2022. - Т. 26. № 3. - С. 572-581.

155. Орехов, А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. Монография / А.М. Орехов. - М.: ИНФРА-М, 2020. - 201 с.

156. Орехов, А.М., Ивлева, М.Л. Современная социальная онтология: в преддверии «пятой программы» / А.М. Орехов, М.Л. Ивлева. // Вопросы философии. - 2022. - № 12. - С. 28-39.

157. Павленко, Ю.В. Иерархические и сетевые структуры в общественно-экономической истории человечества / Ю.В. Павленко. // Экономическая теория. - 2007. - Том 4. № 1. - С. 13-35.

158. Парето, В. Компендиум по общей социологии (Текст) / Вильфредо Парето. Перевод с итал. А.А. Зотова. 2-е изд. - М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2008. - 511 с.

159. Петти, У. Политическая анатомия Ирландии, С. 90-153. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с.

160. Петти, У. Разное о деньгах. 1682 г., С. 209-217. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с.

161. Петти, У. Трактат о налогах и сборах 1662 г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с.

162. Пирс, Ч.С. Абдукция и индукция, С. 301-310. // Пирс Чарльз Сандерс. Начала прагматизма. Том 1. / Перевод с английского В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина, послесловие Сухачева В.Ю. - СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. - 318 с.

163. Пирс, Ч.С. Некоторые последствия четырех неспособностей, С. 48-95. // Пирс Чарльз Сандерс. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. - М.: Логос, 2000. - 448 с.

164. Пирс, Ч.С. Прологомены к апологии прагматизма, С. 219-287. // Пирс Чарльз Сандерс. Начала прагматизма. Том 1. / Перевод с английского В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина, послесловие Сухачева В. Ю. - СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. - 318 с.

165. Пирс, Ч.С. Рассуждение и логика вещей. Лекции для Кембриджских конференций 1898 года. С «Введением» Кеннета Лэйна Кетнера и Хилари Патнема и «Комментариями к лекциям» Хилари Патнема. - М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. - 371 с.

166. Платон. Законы, С. 89-513. // Платон. Сочинения в 3-х томах. Том 3. Часть 2. - СПб.: издательство Санкт-Петербургского ун-та; «издательство Олега Абышко», 2007. - 731 с.

167. Поланьи, К. Аристотель открывает экономику, С. 117-152. // Поланьи Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с.

168. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Перевод с английского А. А. Васильева, С. Е. Федорова и А. П. Шурбелева. Под общей редакцией С. Е. Федорова. - СПб.: Алетейя, 2002. - 320 с.

169. Поланьи, К. Наша устаревшая рыночная психология, С. 31-46. // Поланьи Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с.

170. Поланьи, К. Экономика как институционально оформленный процесс, С. 47-81. // Поланьи Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. - 199 с.

171. Поппер, К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1983. - 605 с.

172. Поппер, К. Нищета историцизма: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - ВИА, 1993. - 187 с.

173. Поппер, К. Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. Отв. ред. В.Н. Садовский. - М.: Эдиториал УРСС, 2002. - 384 с.

174. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 448 с.

175. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 528 с.

176. Пржиленский, В.И. Социально-исторический контекст становления аналитики присутствия / В.И. Пржиленский. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 2010. - № 4. - С. 137-140.

177. Проблемы оценки и измерения человеческого капитала в образовании и науке: коллективная монография. - М.; СПб.: Нестор-История, 2014. - 240 с.

178. Прудон, П.Ж. Литературные майораты. Разбор закона, имеющего целью установить бессрочную монополию в пользу авторов, изобретателей и художников. - Петербург: издание Жиркевича и Зубарева, 1865. - 191 с.

179. Прудон, П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время / Подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. - М.: Республика, 1998. - 367 с.

180. Пшеницын, И.В. Природа стоимости и прогресс капитализма / И.В. Пшеницын. // Журнал «Теоретическая экономика». - 2012. - № 3. - С. 19-27.

181. Радаев, В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Полаanyi, С. 164-173. // «Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее.

- М.: Издательский дом Государственного университета - Высшей школы экономики, 2006. - 321 с.

182. Радаев, В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? / В.В. Радаев. // *Общественные науки и современность*. - 2008. – № 6. - С. 116-123.

183. Рассел, Б. Философский словарь разума, материи и морали. - Киев: Port-Royal, 1996. - 368 с.

184. Рачинский, Ю.М. Докапиталистические способы производства и их современные формы / Ю.М. Рачинский. - М.: издательство МГУ, 1986. - 190 с.

185. Решетин, Е.Ф. Тайна «раскрытой тайны» / Е.Ф. Решетин. // *Свободная мысль*. - 1994. - № 4. - С. 81-95.

186. Решетняк, Т.И. От методологии к онтологии экономической науки: поиск научного метода / Т.И. Решетняк. // *Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы VI Международной научно-практической конференции, Минск, 15-16 мая 2013 г. Мин-во образования Республики Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т»*. Т. 1. - Минск: БГЭУ, 2013. - 426 с.

187. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. // Рикардо Давид. Сочинения. В 5-ти томах. Том I. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 360 с.

188. Рикардо, Д. О покровительстве земледелию. Лондон 1822 г., С. 41-94. // Рикардо Давид. Сочинения в 5-ти томах. Том III. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. - 295 с.

189. Роббинс, Л. Предмет экономической науки / Лайонель Роббинс. // *Альманах THESIS*. - 1993. - Вып. 1. - С. 10-23.

190. Роббинс, Л. Природа и значение экономической науки, С. 93-123. // *Философия экономики. Антология.* / Лайонель Роббинс. / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с.
191. Ролз, Дж. Теория справедливости. - Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995. - 534 с.
192. Румянцев, А.М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. - 328 с.
193. Румянцева, Е.Е. Нравственные законы экономики / Е.Е. Румянцева. - М.: ИНФРА-М, 2010. - 96 с.
194. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. - Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1979. - 280 с.
195. Рыжков, Д.Л. Превращение стоимости в системе общественного обмена как проявление социального неравенства / Д.Л. Рыжков. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* - 2013. - № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. - С. 157-163.
196. Рязанов, В.Т. Антропологический принцип в экономике / В.Т. Рязанов. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5.* - 2006. - Вып. 1. - С. 3-18.
197. Саймон, Г. Науки об искусственном / Герберт Саймон. Пер с англ. Изд. 2-е. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 144 с.
198. Салинз, М. Экономика каменного века / Маршалл Салинз. - М.: ОГИ, 1999. - 294 с.
199. Самуэльсон, П., Нордхаус, У. Экономика / Пол Самуэльсон, Уильям Нордхаус. - М.: Издательство «Бином», Издательский торговый дом «КНОРУС», 1997. - 799 с.

200. Санжениаков, А.А. О различии подходов Сёрля и Дюркгейма к описанию социальной реальности / А.А. Санжениаков. // Сибирский философский журнал. - 2019. - Т. 17. № 2. - С. 189-198.

201. Сведберг, Р. Новая экономическая социология: что сделано и что впереди? С. 111-130. // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. / Ричард Сведберг. - М.: РОССПЭН, 2004. - 680 с.

202. Семенов, Ю.И. На заре человеческой истории / Ю.И. Семенов. - М.: Мысль, 1989. - 318 с.

203. Семенов, Ю.И. Происхождение брака и семьи / Ю.И. Семенов. - М.: Издательство «Мысль», 1974. - 309 с.

204. Семенов, Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. Изд. 3-е, стереотип. / Ю.И. Семенов. - М.: ЛЕНАНД, 2019. - 376 с.

205. Семенов, Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). Изд. стереотип. / Ю.И. Семенов. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с.

206. Сёрль, Д. Рациональность в действии / Джон Сёрль. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. - 336 с.

207. Симонд де Сисмонди, Ж. Новые начала политической экономии или О богатстве в его отношении к народонаселению. Том 1. / Жан Симонд де Сисмонди. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. - 384 с.

208. Скотт, Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / Джеймс Скотт; перевод с английского Ирины Троцук. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. - 328 с.

209. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с.
210. Смит, А. Исследование свойства и причин богатства народов. Т. 2. / Творение Адама Смита [Текст]. - Санктпетербург: Типография Государственной Медицинской Коллегии: [б. и.], 1803. - 354 с.
211. Спиноза, Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей., С. 251-478. // Спиноза Бенедикт. Сочинения. В 2-х томах. Том 1. - Санкт-Петербург: «Наука», 1999. - 489 с.
212. Тамбовцев, В.Л. О кризисе в экономической науке / В.Л. Тамбовцев. // Экономический вестник Ростовского государственного университета. - 2003. - Том 1. № 3. - С. 24-27.
213. Тарароев, Я.В., Иваненко, Н.А. Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория / Я.В. Тарароев, Н.А. Иваненко. // Вопросы философии. - 2011. - № 12. - С. 47-56.
214. Теннант, Н. Философия: Введение в аналитическую традицию. Бог, ум, мир, логика. - М.: Канон+, 2023. - 496 с.
215. Терентьева, А.Р. Хрематистика как фундамент политэкономии капитализма в зеркале философской рефлексии / А.Р. Терентьева. // Национальные приоритеты России. - 2021. - № 1 (40). - С. 48-56.
216. Трахтенберг, И.А. Денежное обращение и кредит при капитализме. / И.А. Трахтенберг. - М.: Издательство АН СССР, 1962. - 780 с.
217. Тюшев, В.А. Глава 1. Основные черты и направление развития первобытно-общинного хозяйства, С. 12-19. // Экономическая история капиталистических стран. / В.А. Тюшев. - М.: Высшая школа, 1985. - 304 с.
218. Федоренко, Н.П. Гуманистическая экономика / Н.П. Федоренко. - М.: Экономика, 2006. - 188 с.

219. Федотова, В.Г., Колпаков, В.А., Федотова, Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова. // Вопросы философии. - 2008. - № 8. - С. 3-15.

220. Феррарис, М. Что такое новый реализм? / Маурицио Феррарис. // Вопросы философии. - 2014. - № 8. - С. 145-159.

221. Филипенко, А.С. Экономический мир: онтология / А.С. Филипенко. // Экономическая теория. - 2014. - Том 11. № 3 (38). - С. 38-47.

222. Философская энциклопедия. В 5-ти томах. Т. 4. «Наука логики»-Сигети. - М.: Советская энциклопедия, 1967. - 592 с.

223. Философский словарь / основан Генрихом Шмидтом. 22-е издание. - М.: Издательство «Республика», 2003. - 575 с.

224. Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. - М.: Институт философии РАН, 2001. - 206 с.

225. Фридмен, М. Методология позитивной экономической науки / Милтон Фридмен. // Альманах THESIS. - 1994. Вып. 4. - С. 20-52.

226. Хевеши, М.А. Неомарксизм и его место в истории западной философии XX века, С. 356-363. // Карл Маркс и современная философия. Сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса / М.А. Хевеши. - М.: Российская Академия Наук. Институт философии, 1999. - 380 с.

227. Хинтиikka, Я. Кто там готов убить аналитическую философию? С. 283-292. // Целищев В.В. Философский переписчик: переводы и размышления. / Яаакко Хинтиikka. - Новосибирск: Омега-Пресс, 2014. - 574 с.

228. Хокинг, С., Пенроуз, Р. Природа пространства и времени / Стивен Хокинг, Роджер Пенроуз. - Ижевск: Научно-исследовательский центр «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. - 160 с.

229. Худокормов, А.Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада (на материале лекций нобелевских лауреатов по экономике) / А.Г. Худокормов. // Вестник Московского ун-та. Серия 6. Экономика. - 2007. - № 4. - С. 52-79.

230. Целищева, О.И. Конфликт норм в философском мышлении: случай аналитической философии / О.И. Целищева. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2019. - № 49. - С. 51-59.

231. Цзян, Хонбо, Чжен, Юнкуй. Размышление о соотношении концептов «мораль» и «выгода» в современной китайской философии. // Философское наследие. - 2015. - № 1. - С. 76-85.

232. Чаянов, А.В. Организация крестьянского хозяйства, С. 193-442. // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. - М.: Экономика, 1989. - 492 с.

233. Чепкасова, Е.В. Критика корреляционизма в современной онтологии К. Мейясу. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. - 2017. - № 11. - С. 117-118.

234. Чиковани, С. Стихотворения и поэмы / Симон Чиковани. - Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1983. - 367 с.

235. Шабанова, М.А. Социэкономика и современность (О пользе и рисках экспансии экономического подхода) / М.А. Шабанова. // Общественные науки и современность. - 2010. - № 4. - С. 100-115.

236. Штукельбергер, К. Интервью «Народному радио» / Кристоф Штукельбергер. // Экономические стратегии. - 2017. - № 3. - С. 168-175.

237. Шумпетер, Й.А. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса / Йозеф Шумпетер. Пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2011. - 414 с.

238. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа. В 3-х томах. Том 1. / Йозеф Шумпетер. - Санкт-Петербург: Институт «Экономическая школа», Санкт-

Петербургский государственный университет экономики и финансов; М.: Государственный университет - Высшая школа экономики, 2004. - 496 с.

239. Шумпетер, Й.А. Наука и идеология, С. 247-264. // Философия экономики. Антология. / Йозеф Шумпетер. / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с.

240. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом, С. 1-338. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 20. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 827 с.

241. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана, С. 23-178. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 21. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 745 с.

242. Эфендиев, Ф.М., Рустамбеков, Г.Б. Диалектика интересов личности и общества: экономико-философский аспект / Ф.М. Эфендиев, Г.Б. Рустамбеков. // Хуманитарни Балкански изследвания. - 2021. - Т. 5. № 2 (12). - С. 27-30.

243. Юм, Д. О торговле, С. 642-656. // Юм Давид. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; Примеч. И.С. Нарского. - 2-е изд., дополн. и испр. - М.: Мысль, 1996. - 799 с.

244. Ячин, С.Е. Возвращение к дару: контуры рефлексивной культуры дара в современном мире / С.Е. Ячин. // Вопросы философии. - 2014. - № 9. - С. 33-41.

245. Archer, M., Bhaskar, R., Collier, A., Lawson, T., Norrie, A. Critical Realism: Essential Readings / M. Archer, R. Bhaskar, A. Collier, T. Lawson, A Norrie. - London; New York: Routledge, 1998. - 756 p.

246. Archer, M. Critical Realism and Relational Sociology: Complementarity and Synergy / Margaret Archer. // Journal of Critical Realism. - 2010. - Vol. 9 (2). - P. 199-207.

247. Arvanitis, A. Essentialization as a Distinct Form of Abductive Reasoning / Alexios Arvanitis. // *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*. - 2014. - Vol. 34. No. 4. - P. 243-256.

248. Aspers, P. Relational Ontology Being and Order out of Heidegger's Socioontology, P. 257-272. // *Relationale Soziologie: Zur kulturellen Wende der Netzwerkforschung* / Patrik Aspers. S. Mützel and J. Fuhse (ed.). - Wiesbaden: VS Verlag, 2010. - 296 p.

249. Aydinonat, E., Ylikoski, P. Three Conceptions of a Theory of Institutions / Emrah Aydinonat, Petri Ylikoski. // *Philosophy of the Social Sciences*. - 2018. - Vol. 48 (6). - P. 550-568.

250. Baker, L. Just What is Social Ontology? / Lynne Baker. // *Journal of Social Ontology*. - 2019. No 5 (1). - P. 1-12.

251. Berger, P., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. - L.: Penguin Books. 1991. - 249 p.

252. Bhaskar, R. *A Realist Theory of Science* / Roy Bhaskar. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2008. - 277 p.

253. Bhaskar, R. *The Possibility of Naturalism. A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences* / Roy Bhaskar. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library. 2005. - 215 p.

254. Bhaskar, R., Callinicos, A. *Marxism and critical Realism. A Debate* / Roy Bhaskar, Alex Callinicos. // *Journal of Critical Realism*. - 2003. - No 1 (2). - P. 89-114.

255. Blaug, M. *Ugly Currents in Modern Economics* / Mark Blaug. // *Options Politiques*. - 1997. - Vol. 18. № 17. - P. 3-8.

256. Boehm, S. *The ramifications of John Searle's social philosophy in economics* / Stephan Boehm. // *Journal of Economic Methodology*. - 2002. - No 9 (1). - P. 1-10.

257. Boulding, K. Economics As A Moral Science / Kenneth Boulding. // The American Economic Review. - 1969. - Vol. 59/ No. 1. - P. 1-12.

258. Brännmark, J. Institutions, Ideology and Non-Ideal Social Ontology / Johan Brännmark. // Philosophy of Social Sciences. - 2019. - Vol. 49. no. 2. - P. 137-159.

259. Bruner, J.S., Postman, L. Tension and tension release as organizing factors in perception / Jerome Bruner, Leo Postman. // Journal of Personality. - 1947. - No 15 (4). - P. 300-308.

260. Caporael, L., Dawes, R., Orbell, J., Van de Kragt, A. Selfishness examined: Cooperation in the absence of egoistic incentives / Linnda Caporael, Robyn Dawes, John Orbell, Alphons Van de Kragt. // Behavioral and Brain Sciences. - 1989. - Vol. 12. Issue 4. - P. 683-739.

261. Collier, A. Critical Realism: An Introduction to Roy Bhaskar's Philosophy / Andrew Collier. - London and New York: Verso Books, 1994. - 292 p.

262. Dalton G. Economic Theory and Primitive Society? // American Antropologist. - 1961. - Vol. 63. No 1. - P. 1-25.

263. Debreu, G. The Mathematization of Economic Theory / Gerard Debreu. // The American Economic Review. - 1991. - Vol. 81. No. 1. - P. 1-7.

264. Dunn, S. Cambridge Economics, Heterodoxy and Ontology: An Interview with Tony Lawson / Tony Lawson, Stephen Dunn. // Review of Political Economy. - 2009. - Vol. 21. No 3. - P. 481-496.

265. Echterhölter, A. Neutralisierung der Ränder. Prämonetärer Tausch bei Karl Polanyi und Raymond Firth, S. 37-56. // Kultur der Ökonomie. Zur Materialität und Performanz des Wirtschaftlichen / Anna Echterhölter. - Bielefeld: Transcript Verlag, 2014. - 308 s.

266. Elder-Vass, D. Materialising social ontology / Dave Elder-Vass. // Cambridge Journal of Economics. - 2017. - No 41. - P. 1437-1451.

267. Elder-Vass, D. Towards a realist social constructionism / Dave Elder-Vass. // *Sociologia, Problemas e Praticas*. - 2012. - No 70. - P. 9-24.
268. Eller, J.D. Social Science and Historical Perspectives. Society, Science, and Ways of Knowing / Jack David Eller. - Abingdon and New York: Routledge, 2017. - 295 p.
269. Epstein, B. The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences / Brian Epstein. - New York: Oxford University Press, 2015. - 298 p.
270. Ereshefsky, M. The poverty of Linnaean hierarchy: A philosophical study of biological taxonomy / Marc Ereshefsky. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - 316 p.
271. Firth, R. Primitive polynesian Economy / Raymond Firth. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p.
272. Fleetwood, S. The critical realist conception of open and closed systems / Steve Fleetwood. // *Journal of Economic Methodology*. - 2017. - Vol. 24. No. 1. - P. 41-68.
273. Fullbrook, E. Lawson's Reorientation. Introduction to Ontology and Economics: Tony Lawson and his critics. Editor: Edward Fullbrook. - London and New York: Routledge, 2009. - 359 p. // *Real-world economics review*. - 2009. - No. 49. - P. 73-82.
274. Gauthier, D. *Morals by Agreement* / David Gauthier. - Oxford: Clarendon Press, 1986. - 392 p.
275. Gächter, S., Fehr, E. Chapter 37. Reciprocity and Contract Enforcement, P. 319-324. // *Handbook of Experimental Economics Results, Volume 1.* / Simon Gächter, Ernst Fehr. - Amsterdam: North Holland, 2008. - 1184 p.
276. Gelman, S. Psychological Essentialism in Children / Susan Gelman. // *Trends in Cognitive Science*. - 2004. - No. 8 (9). - P. 404-409.
277. Gelman, S., Markman, E. Categories and induction in young children / Susan Gelman, Ellen Markman. // *Cognition*. - 1986. - No 23. - P. 183-209.

278. Gneezy, U., Rustichini, A. Pay Enough or Don't Pay at All / Uri Gneezy, Aldo Rustichini. // *Quarterly Journal of Economics*. - 2000. - No 115 (2). - P. 791-810.
279. Goodfellow, D. Principles of economic sociology: the economics of primitive life as illustrated from the Bantu peoples of South and East Africa / David Goodfellow. - London: G. Routledge & sons, ltd., 1939. - 289 p.
280. Hacking, I. The Social Construction of What? / Ian Hacking. - Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 1999. - 261 p.
281. Hann, Ch., Hart, K. Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique / Chris Hann, Keith Hart. - Cambridge UK: Polity Press, 2011. - 206 p.
282. Hausman, D., McPherson, M. Taking ethics seriously: economics and contemporary moral philosophy / Daniel Hausman, Michael McPherson. // *Journal of economic literature*. - 1993. - T. 31. № 2. - P. 671-731.
283. Hauswald, R. The Ontology of Interactive Kinds / Rico Hauswald. // *Journal of Social Ontology*. - 2016. No 2 (2). - P. 203-221.
284. Hindriks, F. Social Ontology: Collective Intentionality and Group Agents, Raimo Tuomela / Frank Hindriks. - Oxford: Oxford University Press, 2013. - 310 p. Review. // *Economics and Philosophy*. - 2015. - No 31 (2). - P. 341-348.
285. Hintikka, J. What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology / Jaakko Hintikka. // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. - 1998. - Vol. 34. No. 3. - P. 503-533.
286. Hirshleifer, J. The Expanded Domain of Economics / Jack Hirshleifer. // *American Economic Review*. - 1985. Vol. 75. - P. 53-68.
287. Hodgson, G. Characterizing Institutional and Heterodox Economics — A Reply to Tony Lawson / Geoffrey Hodgson. // *Evol. Inst. Econ. Rev.* - 2006. - No 2 (2). - P. 213-223.

288. Hodgson, G. From Pleasure Machines to Moral Communities. An Evolutionary Economics without Homo economicus / Geoffrey Hodgson. - Chicago and London: The University of Chicago Press, 2013. - 328 p.

289. Huber, T., Sornette, D. Can there be a physics of financial markets? Methodological reflections on econophysics / Tobias Huber, Didier Sornette. // The European physical journal special topics. - 2016. - Vol. 225. No 12. Iss. 17-18. - P. 3187-3210.

290. Hunt, R. One-way Economic Transfer, P. 290-301. // A Handbook of Economic Anthropology. / Robert Hunt. Edited by James G. Carrier. - Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. - 584 p.

291. Kashima, Y., Kashima, E., Bain, P., Lyons, A., Tindale, S., Robins, G., Vears, C., Whelan, J. Communication and Essentialism: Grounding the Shared Reality of a Social Category. // Social Cognition. - 2010. - Vol. 28. No. 3. - P. 306-328.

292. Kesting, S., Negru, I., Silvestri, P. Institutional analysis and the gift: an introduction to the symposium / Stefan Kesting, Ioana Negru, Paolo Silvestri. // Journal of Institutional Economics. - 2020. - No 16 (5). - P. 1-10.

293. Khalmetski, K., Ockenfels, A., Werner, P. Surprising gifts: Theory and laboratory evidence / Kiril Khalmetski, Alex Ockenfels, Peter Werner. // Journal of Economic Theory. - 2015. - No 159. - P. 163-208.

294. Khawaja, I. Essentialism, Consistency and Islam: A Critique of Edward Said's Orientalism / Irfan Khawaja. // Israel Affairs. - 2007. - No 13 (4). - P. 689-713.

295. Klonschinski, A. "Economic imperialism" in health care resource allocation – how can equity considerations be incorporated into economic evaluation? / Andrea Klonschinski. // Journal of Economic Methodology. - 2014. - Vol. 21. No. 2. - P. 158-174.

296. Knight, F. Anthropology and economics, 107-125. In Selected Essays by Frank Knight, Volume II. Laissez Faire: Pro and Contra. - Chicago: University of Chicago Press, 1999. - 465 p.

297. Koçak, Ö. Social Orders of Exchange: Effects and Origins of Social Order in Exchange Markets. Dissertation / Özgecan Koçak. - Stanford: Stanford University, 2003. - 132 p.

298. Kripke, S. Naming and Necessity / Saul Kripke. - Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 2001. - 172 p.

299. Kuhn, M. How the social Sciences think about the World's social. Outline of a Critique / Michael Kuhn. - Stuttgart, Germany: Ibidem-Verlag, 2016. - 270 p.

300. Lauer, R. Instrumentalizing and Naturalizing Social Ontology: Replies to Lohse and Little / Richard Lauer. // Philosophy of the Social Sciences. - 2021. - Vol. 51 (1). - P. 24-39.

301. Lauer, R. Is Social Ontology prior to Social Scientific Methodology? / Richard Lauer // Philosophy of the Social Sciences. - 2019. - Vol. 49 (3). - P. 171-189.

302. Lawson, C. An Ontology of Technology: Artefacts, Relations and Functions / Clive Lawson. // Techné. - 2008. - No 12 (1). - P. 48-64.

303. Lawson, T. Critical Ethical Naturalism: An Orientation to Ethics, P. 359-387. // Social Ontology and Modern Economics / Tony Lawson. Edited by Stephen Pratten. - New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2015. - 605 p.

304. Lawson, T. Mathematical Formalism in Economics: what really is the Problem? P. 73-83. In book: Methodology, Microeconomics and Keynes. Essays in Honour of Victoria Chick, Volume 2. Chapter: 8. / Tony Lawson. Edited by Philip Arestis, Meghnad Desai, Sheila Dow. - London: Routledge, 2002. - 252 p.

305. Lawson, T. Reorienting Economics / Tony Lawson. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2003. - 414 p.

306. Lawson, T. Some Critical Issues in Social Ontology: Reply to John Searle / Tony Lawson. // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. - 2016. - No 46 (4). - P. 426-438.
307. Lawson, T. The nature of heterodox economics / Tony Lawson. // *Cambridge Journal of Economics*. - 2006. - No 30. - P. 483-505.
308. Lawson, T. The Nature of Social Reality. Issues in Social Ontology / Tony Lawson. - New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2019. - 281 p.
309. Lee, R. What Hunters Do for a Living or, How to Make Out on Scarce Resources, P. 30-48. - In: *Man the hunter* / Richard Lee. - New York: Aldine De Gruyter, 1987. - 415 p.
310. Lewis, C.I. Realism or Phenomenalism? // *The Philosophical Review*. - 1955. - Vol. 64. No. 2. - P. 233-247.
311. Leshem, D. Oikonomia redefined / Dotan Leshem. // *Journal of the History of Economic Thought*. - 2013. - Vol. 35. No 1. - P. 43-61.
312. Little, D. Social Ontology De-dramatized / Daniel Little. // *Philosophy of the Social Sciences*. - 2021. No 51 (1). - P. 13-23.
313. Lohse, S. Pragmatism, Ontology, and Philosophy of the Social Sciences in Practice / Simon Lohse. // *Philosophy of the Social Sciences*. - 2017. - Vol. 47 (1). - P. 3-27.
314. Lorhard, J. *Ogdoas Scholastica, continens Diagraphen Typicam artium: Grammatices (Latinae, Graecae), Logices, Rhetorices, Astronomices, Ethices, Physices, Metaphysices, seu Ontologiae*. - Sangalli: Straub, 1606. - 398 p.
315. Lowe, J. Essentialism, Metaphysical Realism, and the Errors of Conceptualism / Jonathan Lowe. // *Philosophia Scientiæ*. - 2008. - No 12 (1). - P. 9-33.
316. Mäki, U. Economic imperialism: Concepts and Constraints / Uskali Mäki. // *Philosophy of Social Sciences*. - 2009. - No 39 (3). - P. 351-380.

317. Mäki, U. Models are experiments, experiments are models / Uskali Mäki. // *Journal of Economic Methodology*. - 2005. - No 12 (2), - P. 303-315.

318. Mäki, U. Reglobalizing Realism by going local, or (how) should our Formulations of Scientific Realism be informed about the Sciences? / Uskali Mäki. // *Erkenntnis*. - 2005. - No 63. - P. 231-251.

319. Malt, B. Water is not H₂O / Barbara Malt. // *Cognitive Psychology*. - 1994. - No 27. - P. 41-70.

320. McCloskey, D. *The Secret Sins of Economics* / Deirdre McCloskey. - Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. - 58 p.

321. Medin, D., Ortony, A. Psychological essentialism, P. 179-196. In *Similarity and Analogical Reasoning* / Douglas Medin, Andrew Ortony. Edited by Stella Vosniadou and Andrew Ortony. - Cambridge: Cambridge University Press, 1989. - 592 p.

322. Meillassoux, Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Trans. Ray Brassier. - London: Continuum International Publishing Group. 2008. - 148 p.

323. Mensik, J. Mathematics and economics: the case of Menger / Josef Mensik. // *Journal of Economic Methodology*. - 2015. - No 22 (4). - P. 479-490.

324. Mohun, S., Veneziani, R. Reorienting Economics? / Simon Mohun, Roberto Veneziani. // *Philosophy of the Social Sciences*. - 2012. - No 42 (1). - P. 126-145.

325. Morgan, J. Seeing the Potential of Realism in Economics / Jamie Morgan. // *Philosophy of the Social Sciences*. - 2015. - Vol. 45 (2). - P. 176-201.

326. *New Perspectives and Challenges in Econophysics and Sociophysics*. - Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2019. - 272 p.

327. Niehans, J. *Revolution and Evolution in Economic Theory*. The Bateman memorial Lecture delivered at The University of Western Australia on October 12, 1992. / Jurg Niehans. - Perth: The University of Western Australia, 1992. - 28 p.

328. Palermo, G. The economic debate on power: A Marxist critique / Giulio Palermo. // *Journal of Economic Methodology*. - 2014. - Vol. 21. N. 2. - P. 123-141.

329. Peirce, Ch. S. On the Logic of Drawing History from Ancient Documents, Especially from Testimonies, P. 75-114. // *The essential Peirce: Selected philosophical writings*, Vol. 2 (1893-1913) / Charles Sanders Peirce. - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p.

330. Peirce, Ch. S. The Nature of Meaning, P. 208-225. // *The essential Peirce: Selected philosophical writings*, Vol. 2 (1893-1913) / Charles Sanders Peirce. - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p.

331. Perler, D. Essentialism and Direct Realism: Some Late Medieval Perspectives / Dominik Perler. // *Topoi*. - 2000. - No 19. - P. 111-122.

332. Phillips, A. What's wrong with essentialism? / Anne Phillips. // *LSE Research Online*. - 2012. - No 4. - P. 1-24.

333. Porpora, D. Response to Tony Lawson: Sociology Versus Economics and Philosophy / Douglas Porpora. // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. - 2016. - No 46 (4). - P. 420-425.

334. Prendergast, C., Stole, L. The non-monetary nature of gifts / Canice Prendergast, Lars Stole. // *European Economic Review*. - 2001. - Vol. 45. - P. 1793-1810.

335. Pruzan, P. *Research Methodology. The Aims, Practices and Ethics of Science*. / Peter Pruzan. - Copenhagen: Springer International Publishing Switzerland, 2016. - 326 p.

336. Putnam, H. *Words and Life* / Hilary Putnam. Edited by J. Conant. - Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1995. - 531 p.

337. Quine, W. On What There Is / Willard Quine. // *The Review of Metaphysics*. - 1948. - Vol. 2. No. 5. - P. 21-38.

338. Rarita, M. A Re-evaluation of the Holism-Individualism Dispute / Mihail Rarita. // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. - 2013. - No 92. - P. 544-550.

339. Robbins, L. *An Essay on the Nature & Significance of Economic Science* / Lionel Robbins. Second Edition, revised and extended. - London: Macmillan and Co., Limited, 1945. - 160 p.

340. Rodríguez, R., Cáceres-Hernández, J.J. Information, entropy, value, and price formation: An econophysical perspective / Ricardo Rodríguez, José Cáceres-Hernández. // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. - 2018. - No 8. - P. 1-22.

341. Reiss, J. Idealization and the Aims of Economics: three Cheers for Instrumentalism / Julian Reiss. // *Economics and Philosophy*. - 2012. - No 28. - P. 363-383.

342. Rogerson, K. Addressing the negative Consequences of the Informationage. Lessons from Karl Polanyi and the industrial revolution / Kenneth Rogerson. // *Information, Communication & Society*. - 2003. - No 6 (1). - P. 105-124.

343. Róna, P. Postscript on Ontology and Economics, P. 185-192. // *Economic Objects and the Objects of Economics*. / Peter Róna. - Springer International Publishing AG, 2018. - 196 p.

344. Rorty, R. Kripke versus Kant. Review of Naming and Necessity by Saul Kripke / Richard Rorty. // *London Review of Books*. - 1980. - Vol. 2. № 17. - P. 4-5.

345. Şahin, M. Essentialism in Philosophy, Psychology, Education, Social and Scientific Scopes / Mehmet Şahin. // *Journal of Innovation in Psychology, Education and Didactics*. - 2018. - Vol. 22. No. 2. - P. 193-204.

346. Sayer, A. (De)commodification, consumer culture, and moral economy / Andrew Sayer. // *Environment and Planning D: Society and Space*. - 2003. - Vol. 21. - P. 341-357.

347. Scott, J. *The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in South Asia* / James Scott. - New Haven and London: Yale University Press, 1976. - 246 p.

348. Searle, J. Commentary. The Limits of Emergence: Reply to Tony Lawson / John Searle. // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. - 2016. - No 46 (4). - P. 1-13.

349. Searle, J. *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts* / John Searle. - Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979. - 201 p.
350. Searle, J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind* / John Searle. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983. - 285 p.
351. Searle, J. *Language and Social Ontology* / John Searle. // *Theory and Society*. - 2008. - No 37. - P. 443-459.
352. Searle, J. *Making the Social World. The Structure of Human Civilization* / John Searle. - Oxford: Oxford University Press, 2010. - 208 p.
353. Searle, J. *Money: Ontology and Deception* / John Searle. // *Cambridge Journal of Economics*. - 2017. - No 41. - P. 1453-1470.
354. Searle, J. *Replies* / John Searle. // *Analysis Reviews*. - 2011. - Vol. 71. No 4. - P. 733-741.
355. Searle, J. *Status functions and institutional facts: reply to Hindriks and Guala* / John Searle. // *Journal of Institutional Economics*. - 2015. - No 11 (3). - P. 507-514.
356. Searle, J. *The Construction of Social Reality* / John Searle. - New York: The Free Press Edition, 1995. - 241 p.
357. Searle, J. *The Re-discovery of the Mind* / John Searle. - Cambridge, Mass; London: The MIT Press, 1992. - 104 p.
358. Seebohm, Th. *History as a Science and the System of the Sciences. Phenomenological Investigations* / Thomas Seebohm. - Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing Switzerland, 2015. - 443 p.
359. Sen, A. *On Ethics and Economics* / Amartya Sen. - Oxford: Blackwell Publishing, 2004. - 145 p.
360. Shaikh, A. *The econ in econophysics* / Anwar Shaikh. // *The European physical journal special topics*. - 2020. - Vol. 229. No 7. Iss. 9. - P. 1675-1684.

361. Shumilina, V.A. Abductive Theory of Meaning. Basic Research Program. Working Papers / V.A. Shumilina. - M.: National Research University Higher School of Economics. Series: Humanities, 2020. - 17 p.

362. Spohn, W. How Essentialism Properly Understood Might Reconcile Realism and Social Constructivism, P. 255-265. // *New Directions in the Philosophy of Science* / Wolfgang Spohn. - Cham [u.a.]: Springer, 2014. - 773 p.

363. Stahl, B. Chapter 5. Positivism or non-positivism – tertium non datur. A Critique of Ontological Syncretism in IS Research, P. 115-142. // *Ontologies. A Handbook of Principles, Concepts and Applications in Information Systems.* / Bernd Stahl. - New York: Springer Science+Business Media, LLC, 2007. - 930 p.

364. Strathern, A. The Rope of Moka. Big-men and Ceremonial Exchange in Mount Hagen New Guinea / Andrew Strathern. - Cambridge; New York; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore: Cambridge University Press, 1971. - 256 p.

365. The Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vols. I-VI ed. Charles Hartshorne and Paul Weiss. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1931-1935. Vols. VII-VIII ed. Arthur W. Burks (same publisher, 1958).

366. Thomas Aquinas. I Sent., dist. 35, q. 1, corp. 2. // Pasnau, R. Theories of cognition in the later Middle Ages / Robert Pasnau. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. - 330 p.

367. Thomas, W., Thomas, D. The child in America. Behavior Problems and Programs / William Thomas, Dorothy Thomas. - New York: Alfred A. Knopf, 1928. - 583 p.

368. Thompson, E. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century / Edward Thompson. // *Past & Present.* - 1971. - No. 50. - P. 76-136.

369. Trivers, R. The evolution of reciprocal altruism / Robert Trivers. // *Quarterly Review of Biology.* - 1971. - Vol. 46. Issue 1. - P. 35-57.

370. Van de Kragt, A., Dawe, R., Orbell, J. Are people who cooperate «rational altruists» / Alphons Van de Kragt, Robyn Dawe, John Orbell. // *Public Choice*. - 1988. - Vol. 56. No. 3. - P. 233-247.

371. Veisten, K. Contingent valuation controversies: Philosophic debates about economic theory / Knut Veisten. // *The Journal of Socio-Economics*. - 2007. - No 36. - P. 204-232.

372. Walton, D. *Abductive Reasoning* / Douglas Walton. - Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005. - 303 p.

373. Weiner, A. *Inalienable Possessions: Paradox of Keeping-while-Giving* / Annette Weiner. - Berkeley: University of California Press, 1992. - 264 p.

374. Whitehead, A. *Science and the Modern World. Lowell Lectures, 1925* / Alfred Whitehead. - New York: The Macmillan Company, 1925. - 296 p.

375. Williams, N. Putnam's traditional neo-essentialism / Neil Williams. // *The Philosophical Quarterly*. - 2011. - Vol. 61. No. 242. - P. 151-170.